

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.М. Рынков

**ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ
ВОСТОКА РОССИИ**

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1918 — НАЧАЛО 1920 гг.)

Монография

Новосибирск
2006

ББК 63.3 (2P5)612–201
P952

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук *И.С. Кузнецов*
доктор исторических наук *А.А. Николаев*
кандидат исторических наук *Д.Г. Симонов*

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

P952 **Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.):** Монография Новосибирск, 2006. 212 с.

ISBN 5-94356-331-8

В монографии рассмотрена финансовая политика антибольшевистских правительств востока России. Особенностью исследования являются широкие географические рамки, включающие Прикамье, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток, сочетание конкретно-исторического и экономического анализа, освещение социальных последствий проводимых государственными органами мероприятий. В монографии определены цели, основные направления, приоритеты и результаты финансовой политики, в частности, проанализированы источники доходов, порядок и основные статьи расходов, налоговая политика и эмиссия, деятельность по унификации денежного обращения.

Книга рассчитана на историков, экономистов, краеведов и всех интересующихся историей России.

ISBN 5-94356-331-8

© В.М. Рынков, 2006
© Институт истории СО РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Революция и гражданская война – это время разлома российской истории на досоветский и советский периоды. Такое деление давно кажется очевидным и вполне обоснованным. Весь строй жизни общества и государства до и после этих событий кардинально отличается друг от друга. Но если старый политический режим сменился на новый достаточно быстро, то в экономике все процессы протекали совершенно с иной скоростью. Их можно справедливо охарактеризовать как трансформацию, переход. Тем важнее и актуальнее изучение экономической системы на стадии распада одного политического строя и формирования другого. История гражданской войны представляет как раз такую ситуацию.

В настоящем исследовании будет проанализирована финансовая политика, проводившаяся государством в нескольких регионах (Поволжье, Прикамье, Урал, Сибирь и Дальний Восток) во второй половине 1918 – начале 1920 гг. В более широком смысле изучению подвергнется весь спектр финансового взаимодействия государства и общества на востоке России в антибольшевистский период гражданской войны.

Территория востока России в это время оказалась под властью нескольких антибольшевистских правительств: Комуча, Прикомуча, Временного областного правительства Урала, Оренбургского войскового казачьего правительства, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Директории, Российского правительства адмирала А.В. Колчака, иркутского Политического центра, Временного правительства автономной Сибири, Делового управления Дальневосточного комитета защиты родины и Учредительного собрания Д.Л. Хорвата, Временного правительства Амурской области, а также ряда национальных экстерриториальных государственных образований – Башкирского правительства, Алаш-Орды, Алтайской горной управы и Бурятской национальной думы, которые и представляют собой объект исследования. Деятельность этих государственных органов в финансовой сфере будет выступать предметом исследования. Одни из вышеперечисленных государственных образований сыграли ключевую роль в истории антибольшевистского движения на востоке России и доминировали в экономике, другие – активно воздействовали на экономическое положение крупных регионов лишь в отдельные периоды, третьи – имели эпизодическое влияние на ситуацию в локальном масштабе.

Финансовая политика государства – это направление государственной экономической политики, которая включает в себя следующие составляющие:

- использование государственных финансовых ресурсов;
- регулирование доходов и расходов;
- формирование и исполнение государственного бюджета;
- налоговое регулирование;
- управление денежным обращением;
- воздействие на курс национальной валюты.

С точки зрения историка, финансовая политика распадается на две крупных составляющих. В первую очередь, это формы и методы наполнения государственной казны. К основным бюджетным инструментам следует отнести сбор налогов и эмиссию. Государство оказывает влияние на процесс формирования доходов и расходование средств негосударственных экономических институтов, домашних хозяйств, и это тоже часть финансовой политики. Специфическим институтом являются коммерческие банки, так как они сами принимают участие в создании кредитных денег.

Второе важнейшее направление финансовой политики – регулирование государством спроса на деньги, а, следовательно, денежного рынка как такового. Уже давно считается очевидным, что деньги – это товар, имеющий также свою цену, зависящую от соотношения спроса и предложения. Государство устанавливает правила функционирования денежного рынка и в условиях стабильной экономики достаточно эффективно формирует основные его показатели через свою кредитно-денежную политику.

Трансформация экономики России под влиянием Первой мировой войны, затем революции и гражданской войны очень сильно изменила и финансовую сферу. Некоторые инструменты государственного влияния на финансовый рынок перестали работать. Интенсивная инфляция снизила значение банковского регулирования. Поэтому в монографии ему отведено очень скромное место. Напротив, выросла роль эмиссии, которая превратилась не столько в инструмент регулирования денежного рынка, сколько в способ наполнения бюджета.

Наконец, главная особенность исследования заключается в том, что его объект обладает характеристикой множественности. В этом его уникальность. Задача состоит в том, чтобы проследить финансовую политику государства в эпоху его кризиса, в период распада этого важнейшего политического института, его раздробления на множество региональных властей. Естественно, что все эти процессы сопровождались ослаблением степени государственного регулирования экономических процессов. Поэтому и проблемное поле данной монографии многообразнее, так как объект исследования изучается в условиях нестабильности, которая изменяет традиционное соотношение между направлениями финансовой политики, формирует новые направления и, следовательно, порождает дополнительные научные проблемы.

Отдельные сюжеты финансовой политики антибольшевистских правительств востока России изучались и ранее, хотя богатой историографией этой темы назвать нельзя. Несмотря на обилие трудов по истории гражданской войны, история финансов была на периферии внимания исследователей.

Для советской историографической традиции концептуальной основой оценки финансовой деятельности противников советской власти стали труды В.И. Ленина, информация из партийных изданий, часто носившая пропагандистский характер, а также оценки, данные «учредилловщине», «колчакловщине» и прочим антибольшевистским режимам участниками большевистского подполья. Представления о намеренном развале финансовой сферы, бесчеловечно усилившимся прямом налогообложением рабочих и крестьян, щедром финансировании капиталистов (фабрикантов и банкиров), невероятно высоких зарплатах чиновников со времён гражданской войны доминировали во всех советских исследованиях. В большинстве публикаций 1920—1930-х гг. эти оценки просто воспроизводились без дополнительного обращения к историческим источникам. В других работах источниковая база была достаточно основательная (М.П. Павлович, А.Ф. Сперанский, А.А. Шиша). Но обилие субъективных источников, их тенденциозный подбор и интерпретация позволяли не выходить за рамки партийности. В этом нет ничего удивительно. Каждая эпоха, как правило, определяет подходы к изучению прошлого. Первое послереволюционное десятилетие было временем отрицания прошлого, что не могло не сказаться даже на наиболее добросовестных исследованиях этих лет.

Особняком стоит тема денежного обращения на востоке России, активно изучаемая в 1920-е гг., когда многочисленные денежные знаки времен гражданской войны были описаны и каталогизированы. В Харбине была опубликована монография, до сегодняшнего времени остающаяся самым фундаментальным исследованием на эту тему¹. Это редчайшее исключение, так как в целом активно развивавшаяся в первые послереволюционные десятилетия эмигрантская историография гражданской войны избегала экономических сюжетов.

Советские исследования 1920-х гг. выгодно отличаются от работ последующего периода – длительного историографического «затишья», наступившего в 1930—1940-е гг. В эти годы активно продолжали разрабатываться только военные аспекты истории гражданской войны. Остальные сюжеты были преданы забвению.

Существенное оживление наступило с начала 1950-х гг., ещё при жизни И.В. Сталина. «Свежую струю» в историографию вдохнула «холодная

¹ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924). Харбин, 1924.

война». Необходимость обоснованно клеймить врагов повлекла за собой появление исследований, посвященных интервенции. Их авторы много внимания уделяли описанию финансовой поддержки, оказанной Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку со стороны интервентов. Эта научная проблема находилась на гребне исследовательского внимания и в последующие годы (Б. Беляев, А.И. Геронимус, А. Гулыга, С.С. Григорьевич, А.И. Мельчин, С.Г. Лившиц, М.И. Светачев и др.).

В историографических обзорах справедливо отмечено, что конец 1950-х гг. стал переломным в историографии. Во-первых, с этого времени наблюдается устойчивый интерес к событиям, происходившим в лагере контрреволюции. Во-вторых, исследователи стали активно использовать источники антибольшевистского происхождения. Однако очевидно, что интерес в значительной степени ограничивался политическими сюжетами. Экономическим проблемам в целом и финансовой политике в частности практически не уделялось специального внимания. Лишь налоговая политика «белых» в силу сложившейся традиции занимала одно из центральных мест (Ю.В. Журов, Н.Г. Соколов). С другой стороны, вновь активизировался интерес к бонистике, и это повлекло за собой появление целого ряда интересных и обстоятельных публикаций, посвященных истории денежных знаков и написанных профессиональными историками (Н.В. Наволочкин, В.С. Флеров, П.И. Рошевский). За всё время от начала «оттепели» до конца перестройки этим и ограничиваются достижения советской историографии.

Зато в постсоветское время в историографии действительно произошли кардинальные изменения. В первую очередь, это связано не столько с пересмотром идеологических установок, сколько с расширением проблемного поля исследований, что проявилось некоторое время спустя. В середине 1990-х гг. экономическая политика антибольшевистских правительств в целом и отдельные её аспекты становятся предметом специального изучения. Второй важной чертой постсоветской научной традиции стало радикальное расширение источниковой базы.

Ряд задач можно считать уже решенными отечественной историографией. В частности, введена в научный оборот официальная статистика доходов и расходов Временного Сибирского и Российского правительств (Н.И. Дмитриев, Е.И. Пастухова, В.М. Рынков). Достаточно детально проработаны отдельные сюжеты, связанные с кредитованием органов самоуправления (В.А. Аверин), уральской промышленности (Н.И. Дмитриев, О.Ю. Никонова). Наибольшими успехами, как и раньше, отмечена не собственно историческая наука, а её специальное ответвление – бонистика. Многие авторы включают в свои исследования исторические сюжеты, детально описывают обстоятельства выпуска тех или иных денежных зна-

ков, историю их бытования². Но всё же бонист – не историк, и уж тем более изыскания в этой области не способны заменить историко-экономические исследования. Большинство авторов этого направления работают на достаточно узкой, специфической источниковой базе.

Но в постсоветской историографии можно наблюдать и определённый регресс. Если до перестройки история отдельных регионов внутри восточного лагеря контрреволюции была исследована достаточно равномерно, то в последние полтора десятилетия картина резко изменилась. Новейшие исследования по истории гражданской войны в Поволжье не расширили представления об экономических аспектах деятельности Комуча. Они написаны в основном на базе известной мемуарной литературы и советских исследований. Проблемы финансовой политики государственной власти на Урале рассмотрены лишь в той мере, в которой они соприкасаются с вопросами о состоянии промышленности. Лишь дальневосточный региональный аспект освящен лучше благодаря публикациям Л.Н. Долгова, в которых территориальные рамки исследования ограничены Приморьем, Приамурьем и отчасти Забайкальем. Наиболее разработаны вопросы финансовой политики Российского правительства, но она изучалась почти без учета региональной специфики.

В центре внимания зарубежных ученых находились прежде всего дипломатические отношения между государствами-союзниками в годы интервенции, а также политическая история антибольшевистского лагеря. Само использование иностранных публикаций в советском прошлом ограничивалось задачей «критики буржуазных фальсификаций». Но идеологический «железный занавес» был надстроен лишь над советской исторической наукой. Обратной зависимости почти не прослеживается. Хотя зарубежные историки опирались главным образом на эмигрантских авторов, советская историография прочно вошла в их арсенал. Экономические сюжеты если и попадали в поле их зрения, то неизбежно трактовались под влиянием советских историков и не отличались новизной. Публикации последнего десятилетия выявили новый недостаток – плохое знание иностранными исследователями современных российских работ по истории гражданской войны на востоке России.

Из всего многообразия иностранных публикаций выгодно выделяются работы Дж.Д. Смита. Их отличает, во-первых, доскональное знание эмигрантской, советской и зарубежной историографии, источников, опубликованных за рубежом и в СССР, заграничных архивных документов, а во-вторых, особое внимание и профессиональная оценка ключевых проблем финансовой политики Сибирского и Российского правительств.

² Доступ к текстам многих исследований по бонистике стал возможен благодаря работе сайта <http://www.bonistikaweb.ru/> (Организатор сайта канд. ист. наук. А.Г. Баранов).

Анализ историографии гражданской войны на востоке России приводит к очевидному выводу об отсутствии обобщающего исследования и общего исторического взгляда на комплекс проблем, связанных с финансовой политикой антибольшевистских государственных образований. Важно отметить, что исследователи никогда не рассматривали проблему как экономическую, требующую специального экономического инструментария при анализе исторических источников.

Необходимость восполнить этот пробел вызвала появление данного исследования. Его предмет и задачи определяют источниковую базу. Главная сложность состоит в том, что она практически не ограничена, поэтому важно определить её ядро и пределы информационной ценности каждого типа источника.

Нет смысла останавливаться подробно на видовом разборе источников. Он принципиально не отличается от сложившегося в отечественном источниковедении и включает в себя законодательные акты, делопроизводственную документацию и повествовательные источники. Важнее представить характеристику их социального и ведомственного происхождения, так как это объясняет приоритеты в подборе исторических документов.

Особенное внимание уделялось анализу законодательных актов, извлечённых за редчайшим исключением из официальных публикаций³. Законодательство Западно-Сибирского комиссариата, Временного сибирского правительства и частично Российского правительства переиздано в последние годы⁴.

Документальные источники, составившие основу исследования, чрезвычайно многообразны и имеют очень сложную классификацию. Основная масса использованных источников принадлежит государственным органам различного уровня: высшим, центральным и местным. Наиболее информативна документация финансовых учреждений антибольшевистских правительств – их центральных ведомств, Государственного банка и

³ Вестник Комуча (Самара). 1918; Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918 (далее: Приказы Комуча); Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (СУР ВОПУ). Екатеринбург, 1918. № 1–8; Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (СПР ЗСК). Омск, 1918. № 1–2; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (СУР ВСП). Омск, 1918. № 1–23; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем сенате (СУР РП). Омск, 1919. № 1–16; Сибирский вестник (Омск). 1918; Правительственный вестник (Омск). 1918–1919.

⁴ Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. I–III (сост.: Луков Е.В., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И.); Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). Вып. I. Томск, 2002; Вып. II. Томск, 2003 (Сост.: Луков Е.В., Шевелев Д.Н.).

его отделений, казенных палат и казначейств, акцизных управлений и т.д. Привлекались источники негосударственного происхождения – документы банков, земских и городских органов самоуправления, кооперации, предпринимательских, профсоюзных и иных общественных организаций и политических партий, отдельных граждан. Знакомство с документами других ведомств – иностранных и внутренних дел, военных, продовольствия и снабжения и др., а также негосударственных хозяйственных институтов позволяет намного шире взглянуть и на состояние финансовой сферы.

Большинство использованных архивных фондов отражает непосредственные результаты процесса делопроизводства. В работе практически не привлекались документальные коллекции, сформированные архивистами (личные фонды, фонды Истпарта).

Плод работы археографов – архивистов и историков – представлен также в документальных публикациях. В советское время они подбирались по тому же принципу, как и истпартовские коллекции, – тематические подборки, подчас с купюрами. В этих изданиях представлены в основном документы противников контрреволюции. Но даже когда публикации удастаивались источники антибольшевистского делопроизводства, их, как правило, отличала тенденциозность содержания. Зато в постсоветский период появился ряд ценнейших документальных публикаций, тоже, главным образом, тематических, но лишенных прежнего налета тенденциозности.

К сожалению, археографический уровень немногочисленных документальных публикаций, непосредственно связанных с темой настоящего исследования, таков, что их наличие часто не снимает необходимости обращаться к архивным оригиналам опубликованных документов. Речь идет о купюрах в публикуемых документах, малоинформативной легенде и отсутствии даже минимальных комментариев.

Другим вариантом подборки источников является периодическая печать. В газетах и журналах встречаются источники разного происхождения. Сама принадлежность издания к той или иной социально-политической группе свидетельствует о том, что в нем будут преобладать источники соответствующего ведомственного или политического происхождения (правительственные, кооперативные, профсоюзные и т.д.). Но это условные границы – в любом периодическом издании могут встречаться сведения различной тематики и направленности. Их корпус формируется издателем или редакцией. Таким образом, исследователь опять сталкивается с намеренной подборкой информации, как и при формировании некоторых архивных фондов. Но в данном случае это не несет никаких негативных последствий, так как вызвано самой жизнью. Подбор источников в периодических изданиях периода гражданской войны не более тенденциозен, чем в прессе любого другого исторического периода.

При подготовке данного исследования были использованы периодические издания различного происхождения: правительственные, муниципальные, кооперативные, профсоюзные, партийные, местные и центральные. Практически все они содержат на своих страницах источники, отражающие состояние финансовой сферы и государственную финансовую политику. В первую очередь из прессы извлекались нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы. Однако огромное значение имела работа с информационно-повествовательными источниками, существенно дополнявшими картину, реконструированную по документам, и восполнявшими некоторые документальные пробелы.

Знакомство автора с содержанием более чем 150-ти комплектов газет и журналов, издававшихся на востоке России в антибольшевистский период, позволило не только детально отслеживать информацию по изучаемой теме, но и владеть широким контекстом политической, социальной и экономической жизни страны в годы гражданской войны.

Данная монография задумана как часть более крупного исследования, посвященного анализу социально-экономической политики антибольшевистских государственных образований на востоке России. Она является плодом многолетних изысканий автора в рамках этой более крупной темы. Её осуществление в значительной мере зависело от квалифицированного научного руководства на начальном этапе и финансовой поддержки со стороны различных научных фондов. В частности, автор пользовался поддержкой РГНФ: 1997—1998 гг. — исследовательский проект РГНФ № 97-01-0523 «Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны (1918—1922 гг.)»; 2001—2003 гг. — исследовательский проект № 01-00-377а «Гражданская война в Сибири. 1917—1920 гг.». Работа в обоих проектах выполнялась под руководством докт. ист. наук, проф. В.И. Шишкина. В 2003—2004 гг. исследование велось также благодаря поддержке СО РАН (Постановление № 404 от 6.12.2002, проект № 109). На заключительном этапе финансирование было продолжено Американским советом научных сообществ. На протяжении нескольких лет архивные поиски поддерживались руководством Института истории ОИИФФ СО РАН. При подготовке рукописи к публикации огромную помощь автору оказали сотрудники сектора аграрной истории института канд. ист. наук И.Б. Карпунина, канд. ист. наук А.П. Мелентьева и Е.П. Лунегова.

Глава 1

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Первая мировая война поставила страну на грань экономической катастрофы. Объём производства упал, расходы на войну и хозяйственное воспроизводство по сравнению с довоенным уровнем возросли. Непрерывно усиливался бюджетный дефицит, вырос внешний и внутренний долг, и всё это происходило на фоне острой нехватки большинства товаров. Уже в годы первой мировой войны на окраинах Российской империи возникли перебои с денежным обеспечением хозяйственной деятельности.

Экономические проблемы зеркально отражались в политике. Точнее, это было двойственное проявление одних и тех же процессов в разных сферах общественной жизни. Речь идет о том, что авторитет власти неуклонно снижался. Следовательно, уровень политической нестабильности резко возрастал. Управляемость такой общественной системой становилась минимальной, эффект управленческих усилий подчас близился к нулю.

Февраль 1917 г. разрушил единую властную вертикаль. Её возрождение в первые революционные месяцы было призрачным. Если в столице ситуацию принято характеризовать как двоевластие, то в целом по России существовало безусловное многовластие, на деле обозначавшее значительную автономию региональных органов в решении хозяйственных вопросов. Причина не столько в квазидемократической идеологии революции, сколько в экономическом бессилии центра. Ярким тому подтверждением служила быстрая этнократизация политических процессов. Она в наибольшей степени охватила окраины бывшей империи и выразилась в автономистском движении большинства народов, проживавших в России, в частности, на востоке страны: татар, башкир, казахов, алтайцев и бурят. Октябрьские события в Петрограде обозначали повторный распад государственности. На этот раз многие политические конфликты вышли из латентной формы и вылились в открытое вооруженное противостояние.

Начало гражданской войны одни исследователи относят к лету–осени 1917 г., другие – к весне–лету 1918 г. Всё зависит от того, считать ли точкой отсчета начало вызревания организованной контрреволюции или окончательное превращение её в равноценную сторону гражданской войны. В любом случае мятеж чехословацкого корпуса против большевиков выглядит важным рубежом – после него огромный регион, превышающий

по площади любую из мировых держав, оказался оторван от центра и надолго включен в орбиту организованного противостояния советской власти.

Антибольшевистская государственность стала формироваться задолго до этого мятежа. Первым и наиболее явным её очагом на востоке страны была территория Оренбургского казачьего войска, где в ноябре–декабре 1917 г. функционировал региональный центр антибольшевистской власти под руководством атамана А.И. Дутова. В январе 1918 г. атаман увел своих сторонников в Тургайские степи, перейдя к тактике партизанской борьбы.

В Сибири события развивались по совершенно иному сценарию. Здесь не было готовой военной организации, но для противостояния центру имелась прочная почва в виде областнического движения, способного обосновать автономное от центра существование восточной окраины государства. Именно в рамках областничества осенью в конце 1918 г. стали формироваться небольшевистские органы власти. 13 декабря 1917 г. Сибирский областной съезд избрал Временный сибирский областной совет. В конце декабря в Томск стали съезжаться выдвинутые различными политическими организациями Сибири депутаты Сибирской областной думы. В условиях противостояния советской власти этот орган так и не собрался. Зато в ночь на 28 января 1918 г. часть депутатов сформировала Временное правительство автономной Сибири в составе 20 министров под председательством П.Я. Дербера. Пост министра финансов занял И.А. Михайлов, который, впрочем, никогда не участвовал в работе этого правительства. В ту же ночь часть министров была арестована, другая часть выехала на Дальний Восток¹. В пути членами правительства были созданы подпольные структуры, призванные подготовить антисоветский переворот и передачу власти в руки правительства П.Я. Дербера.

Ровно через месяц Временное правительство автономной Сибири оказалось в Харбине. О своей независимости от России и признании полной административной самостоятельности управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата Харбинское общественное самоуправление заявило ещё 19 декабря 1918 г.² В городе на Сунгари правительство П.Я. Дербера вступило в борьбу с другой политической силой – созданным в феврале 1918 г.

¹ Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией. К истории возникновения Сибоблдумы // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89—116; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 70–74; Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от автономной Сибири к возрожденной России // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 5–7; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 182–188.

² Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М., 1997. С. 23.

Д.Л. Хорватом «Дальневосточным комитетом спасения Родины и защиты Учредительного собрания»³.

Противостояние внутри российского общества достигло высокой степени уже весной 1918 г. Во-первых, борьба большевиков против национально-автономистского движения башкирского, казахского, алтайского и бурятского народов всё больше усиливала антибольшевистские настроения среди представителей этнических меньшинств востока России. Во-вторых, это отразилось в создании многочисленных подпольных антибольшевистских группировок, разбросанных по городам России. Его костяк составили офицеры и члены эсеровской партии. Сильные подпольные организации существовали в Самаре и городах Сибири. Они в значительной мере подготовили антибольшевистский переворот⁴. В Поволжье и на Урале рабочие, крестьяне и городские обыватели, резко настроенные против советской власти, были готовы активно поддержать антисоветское выступление. В Сибири и на Дальнем Востоке, где советская власть утвердилась позже, эти настроения ещё находились в стадии вызревания. В связи с этим можно признать справедливым, что чехословацкое выступление оказалось несколько преждевременным с точки зрения успеха антибольшевистского движения.

Тем не менее, с 26 мая 1918 г. на огромной территории от Пензы до Владивостока начался мятеж чехословацких легионеров против советской власти. До начала открытых действий руководители чехословаков вступили в контакт с лидерами антибольшевистского подполья, которые не только поддержали, а кое-где и возглавили свержение советской власти, но и подготовились политически к руководству антибольшевистским движением⁵.

Поначалу власть нескольких антибольшевистских государственных образований носила очаговый характер. В первый день после переворота в Западной Сибири из подполья вышел Западно-сибирский комиссариат в составе членов Учредительного собрания Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова, М.Я. Линдберга. Его резиденция находилась в Новониколаевске, а

³ Там же. С. 31; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 25–30. В историографии встречаются самые разнообразные варианты названия этого комитета: «...активной защиты Родины и Учредительного собрания», «...защиты родины и Учредительного собрания» и др.

⁴ Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5. С. 356–370; Флуг В.Е. Отчет о поездке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 9. С. 249–267; Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 129–151; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 105–137.

⁵ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России в 1914—1921 гг. М., 1965. С. 205–229; Шиловский М.В. Политические процессы... С. 194–195.

12 июня переместилась в Омск. Здесь были сформированы отделы комиссариата. Руководителем отдела финансов стал А.П. Мальцев. Комиссариат просуществовал месяц и 30 июня передал власть Временному сибирскому правительству, составленному из оставшихся в Сибири министров Временного правительства автономной Сибири⁶.

В Самаре, очищенной от большевиков 8 июня 1918 г., в тот же день вышел из подполья Самарский губернский комитет членов Учредительного собрания. Уже через несколько дней из регионального органа временной власти он преобразовался в общероссийский, который должен был «дозреть» до соответствующего масштаба путем включения в свой состав всех желающих членов разогнанного Учредительного собрания. Действительно, его численность стала постепенно возрастать. Начиная с 5 членов в первые дни, она достигла 97 в сентябре 1918 г. Председателем этого правительства стал В.К. Вольский, ведомство финансов возглавил Д.Ф. Раков. 15 августа 1918 г. при Комуче был образован Совет управляющих ведомствами, ставший исполнительным органом этого псевдопредставительного учреждения⁷.

Самарский центр власти на протяжении нескольких месяцев играл существенную роль в событиях Урало-Поволжского региона. В орбиту его влияния попали ещё несколько государственных образований. Одно из них было порождено Ижевско-Воткинским антисоветским мятежом. В этом районе против местных советов восстали рабочие. С 10 по 28 августа повстанцами руководили эсеровский совет, который вскоре признал самарское правительство единственным законным правительством в России и передал региональную власть Прикамскому комитету членов Учредительного собрания. Последний просуществовал до 14 октября 1918 г.⁸

Вторым органом, признавшим Комуч, стало Оренбургское войсковое казачье правительство. Известие о чехословацком мятеже вызвало восстание в оренбургских казачьих станицах. А.И. Дутов и войсковое правительство вернулись в Оренбург 3 июля 1918 г. Вскоре там стал действовать самарский Уполномоченный Комуча, хотя войсковые органы пользовались почти полной автономией. Поддержали Комуч ещё два правительства. Первым было сформированное ещё при большевиках Башкирское правительство, обосновавшееся сначала в Челябинске, потом в Оренбур-

⁶ Журавлев В.В. Рождение временного сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Новосибирск, 2002. С. 35–47; Лившиц С.Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории. Барнаул, 1969. С. 69–93; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер: отечественная история. 1996. № 2. С. 24–30.

⁷ Майский И. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 55–60. Историю государственного строительства Комуча большинство исследователей воспроизводят по этим мемуарам.

⁸ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 92.

ге. В действительности это правительство в большей степени зависело от позиции А.И. Дутова и Временного сибирского правительства⁹. Вторым оказалось казахское государственное образование Алаш-Орда. Ориентировавшееся в целом на поволжское правительство, оно лавировало между ним и Сибирью. Комуч пытался распространить свою власть на Урал, но это ему удалось лишь отчасти.

В Сибири тем временем укреплялась власть Временного сибирского правительства. Председателем его Совета министров стал П.В. Вологодский. Пост министра финансов занял И.А. Михайлов. Совет министров состоял из 5-ти, позже – 6 министров. Всего же глав министерств (министров и управляющих) было гораздо больше. Политические противоречия внутри правительства, частые отъезды его членов заставили укрепить власть созданием Административного совета. Это была официальная институционализация и наделение юридическими полномочиями совещания министров и их товарищей – органа, сложившегося и функционировавшего с первых дней существования Временного сибирского правительства¹⁰.

С этого времени омский центр антибольшевистской государственности стал доминировать на всём востоке России. Во-первых, расширилась территория влияния Временного сибирского правительства. 11 июля сибирские войска вошли в Иркутск. В конце июля оно уже контролировало всю Западную и Восточную Сибирь, а в августе распространило свою юрисдикцию на ряд уральских уездов – Челябинский, Верхнеуральский, Шадринский, Ирбитский. 30 августа 1918 г. чешские войска соединились в Забайкалье с войсками атамана Г.М. Семенова. Формально Забайкалье признало верховенство Омска.

Во-вторых, это было единственное правительство, которому постепенно и не без трудностей удалось сформировать местные административные органы на уровне нескольких губерний и уездов. Все остальные государственные образования, включая Комуч, реально и подолгу контролировали ситуацию только в пределах одной губернии.

Наконец, в-третьих, именно оно достигло наибольших успехов в практике воссоздания вертикалей отраслевого управления. В частности, летом 1918 г. работали Главное управление налогов и сборов, Главное акцизное управление, осенью были созданы Главное управление государственного банка Сибири и Главное управление сберегательных касс. Деятельность местных финансовых органов относительно неплохо контролировалась центром.

⁹ Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917—1945 гг.). М., 2000. С. 156–183.

¹⁰ Журавлев В.В. Рождение Временного сибирского правительства... С. 43–47; Он же. Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май–июнь 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на востоке России. Новосибирск, 2003. С. 52–53.

Временное сибирское правительство к концу лета 1918 г. не только имело в своём подчинении самую крупную территорию востока России и наиболее стабильную систему управления, но и претендовало на распространение своей юрисдикции на соседние регионы.

А между тем, политическая ситуация за это время существенно усложнилась. Отношения Башкирского правительства и Алаш-Орды с Оренбургом и Сибирью ухудшались, тогда как Комуч признал их автономию¹¹. Алтайское национальное движение, сформировав особый орган Каракорум, хотя и поддержало Временное сибирское правительство, претендовало на автономное управление алтайцами на территории их проживания. В Забайкалье наряду с не подчинявшимся власти Омска атаманом Г.М. Семеновым усиливалось автономистское движение среди бурят, сплотившихся вокруг народной думы бурят Восточной Сибири (Бурнац-думы)¹². Национальное движение уводило из-под контроля Временного Сибирского правительства окраины Сибири и порождало напряженность в отношениях русского и коренного населения, проживавшего обычно чересполосно.

Между Поволжьем и Сибирью тем временем сформировался своеобразный буфер. 19 августа 1918 г. в Екатеринбурге возникло Временное областное правительство Урала, действовавшее до 10 ноября. Его главным идеологом был Л.А. Кроль, ставший руководителем Главного управления финансов. Председателем совета этого правительства был П.В. Иванов. Самостоятельность Временного областного правительства Урала была ограничена отсутствием средств и военной силы. Оно пыталось лавировать между Временным сибирским правительством и Комучем¹³. В пе-

¹¹ Вестник Комуча (Самара). 1918. 25 сент.; Аманжолова Д.А. Казахское движение Алаш и Россия. М., 1995. С. 98; Кульшарипов М.М. Башкирское национальное... С. 183.

¹² Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 154–155; Он же. От Каракорума к Автономии. Пособие к спецкурсу. Новосибирск, 1996. С. 64–71. Жабаяева Л.Б. Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 122–135.

¹³ Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 80, 126; Таяев А. Колчаковщина на Урале (1918—1919). М.; Свердловск, 1930; Временное областное правительство Урала. Документы и материалы. Екатеринбург, 1993. (Позже эта документальная публикация была переиздана: Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. Далее ссылки даются по этому изданию); Запольская В.М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 164–169; Коробкин А.А. К вопросу о возникновении Временного правительства Урала (Историография вопроса) // V Всероссийские Платоновские чтения. Самара, 1999. С. 120–123; Плешкевич Е.А. Временное областное правительство Урала: дискуссии о причинах образования // Отечественная история. 2003. № 5. С. 30–34; Сичинский Е.П. Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990; Он же. Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 1. С. 164–171.

риод его существования железные дороги и армия на Урале находились под контролем Временного Сибирского правительства, что было официально закреплено в специальном соглашении этих двух региональных государственных образований¹⁴.

Это региональное правительство претендовало на территорию Пермской, части Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний. Реально же оно контролировало только прилегавшие к Екатеринбург уезды. Ему удалось создать среднее звено административного аппарата – региональных уполномоченных Временного областного правительства Урала и его отдельных ведомств. Однако глава финансового ведомства был втянут в политическую борьбу на востоке России настолько, что едва успевал заниматься делами своего Главного управления. Отсутствие финансовой самостоятельности существенно ограничило возможность автономного функционирования уральского региона.

На Дальнем Востоке падение советской власти привело к возникновению политического вакуума. Огромные расстояния и отсутствие единого центра сильно осложняли обстановку. Некоторое время каждая территориально-административная единица представляла собой полную автономию. Это вытекало ещё из характера борьбы в регионе между советской властью и её противниками. На протяжении одного–двух месяцев областные и уездные советы в Забайкалье, Амурской области и Приамурье защищались от натиска контрреволюции и функционировали как самостоятельные республики. Свержение советской власти не изменило ситуацию – регион оставался политическим «лоскутным одеялом».

С 18 сентября по 10 ноября 1918 г. в Благовещенске действовало Временное правительство Амурской области. Его главой, отвечавшим также за вопросы юстиции, охраны и безопасности, путей сообщения, внешних сношений и финансов, стал член Учредительного собрания от Амурской области, известный меньшевик А.Н. Алексеевский. Без малого два месяца область жила в условиях почти полной самостоятельности, в том числе и финансовой. Ситуация осложнялась тем, что Амурское войсковое казачье управление претендовало на автономию уже внутри области¹⁵.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-569, оп. 1, д. 1, л. 126–127об.

¹⁵ Бутенин Н.А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 103–120; Он же. К истории временного правительства Амурской области // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982. С. 193–200; Он же. К истории «демократической» контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 57–64; Он же. К истории временного правительства Амурской области // VII Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1994. С. 195–196; Он же. Временное правительство Амурской области // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 2001. С. 162–169; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 80–90; Шиндя-

В полосе отчуждения КВЖД и в Приморье ещё несколько месяцев продолжалась драма противостояния между Временным правительством автономной Сибири и Д.Л. Хорватом, который 9 июля 1918 г. сформировал «Деловой кабинет Временного правителя». Претензии обоих государственных образований на власть носили явно авантюрный характер. В то же время, с точки зрения революционной политической мифологии, генезис правительства П.Я. Дербера выглядел более или менее легитимно. При этом правительство Д.Л. Хорвата подкрепляло свои амбиции материально. Не найдя поддержки в полосе отчуждения КВЖД, правительство П.Я. Дербера после выступления чехов во Владивостоке переместилось в этот город, где вступило в альянс с Приморским областным земством¹⁶.

В сентябре 1918 г. премьер-министр Временного Сибирского правительства выехал на Дальний Восток. По пути он провел переговоры с атаманом Г.М. Семеновым, А.Н. Алексеевским, Д.Л. Хорватом и П.Я. Дербером. Дальневосточные автономисты отказались от претензий на власть, уступив её Омску¹⁷. Д.Л. Хорват при этом получил должность верховного уполномоченного Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке.

Более важные события разыгрывались на западе, ближе к фронту гражданской войны. Ещё в июле 1918 г. в Челябинске состоялось первое совещание, имевшее целью скоординировать действия между Самарой и Омском. 23–25 августа там же проходило более представительное Государственное совещание, на котором были предварительно согласованы позиции сторон по поводу предстоящего объединения востока России под эгидой одной политической власти, принимаемой всеми региональными и национальными государственными образованиями.

Вопрос был окончательно разрешён на так называемом Уфимском государственном совещании, детально и разносторонне описанном мемуаристами¹⁸, освещенном в документальных источниках¹⁹ и историогра-

лов Н.А. Правительство А.Н. Алексеевского в Амурской области // Россия и АТР. 2003. № 2. С. 5–14.

¹⁶ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. С. 82–83; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра... С. 30–36; Лившиц С.П. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–89; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. М., 2004. Кн. 1. С. 242–255; Назимок В.Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 18–24.

¹⁷ Образование всероссийской власти (Из дневника П.В. Вологодского) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 135–140.

¹⁸ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. С. 214–255; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный пункт в русской истории. Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 207–255; Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1926. С. 33–55; Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. // Былое. 1921. № 16. С. 15–41; Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского

фии²⁰. В результате переговоров 170 представителей нескольких «всероссийских», региональных, национальных правительств, казачьих войск, партий и организаций, длившихся с 8 по 23 сентября 1918 г., удалось создать Временное всероссийское правительство – Директорию. Она должна была передать власть старому Учредительному собранию, при условии наличия кворума. Если собрать кворум не удастся, то после победы над большевиками Директория должна была сложить свои полномочия перед Учредительным собранием нового созыва.

Одним из первых актов Директории стало предписание о роспуске всех областных государственных образований. Это ускорило ликвидацию многих из них. Однако и сама военно-политическая обстановка свидетельствовала о неизбежном конце областной самостоятельности. 29 сентября 1918 г. Комуч объявил о самороспуске, а 7 октября 1918 г. Красная армия взяла Самару. В качестве административного органа сохранялся Совет управляющих ведомствами, эвакуированный в Уфу к 1 ноября 1918 г. Вскоре вслед за этими событиями последовала самоликвидация Прикамского Комуча и Временного областного правительства Урала. Район действия Оренбургского войскового казачьего правительства под влиянием наступления Красной армии сильно сузился.

Вновь созданная Директория планировала обосноваться в Екатеринбурге, но вскоре остановила свой выбор на Омске, куда прибыла 9 октября 1918 г. Здесь начались длительные и мучительные переговоры с Временным сибирским правительством о персональном составе Совета министров, которые завершились только 4 ноября. К этому времени наличие одно существенное достижение – областные правительства либо уже прекратили своё существование, либо их ликвидация ожидалась со дня на день. Но само Временное всероссийское правительство оказалось площадкой для политической борьбы. Задачи административного и хозяйственного управления были отодвинуты на периферию. Все успехи сибирской власти могли оказаться под угрозой. Поэтому недовольство

Учредительного собрания. Съезд членов Учредительного собрания (сентябрь–декабрь 1918 г.). М., 1921.

¹⁹ Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 57–280.

²⁰ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. С. 188–195; Он же. Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.) // История СССР. 1965. № 6. С. 3–25; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра... С. 76–103; Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... С. 294–339; Нам И.В. Уфимское государственное совещание и национальные правительства // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, 1999. С. 182–183; Она же. Уфимское государственное совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 176–182; Пионтовский С. Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. № 6. С. 58–81.

новым правительством зрело не только среди военных и политиков правой ориентации, но и среди практиков-управленцев. Директории оставалось жить ещё одну неделю²¹.

В начале ноября 1918 г. в Омске всё созрело для политического переворота. Он был осуществлен в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г. Картина переворота восстановлена сегодня в деталях²².

Утром следующего дня А.В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России. При нем было создано Российское правительство. Его основу составили руководители сибирских ведомств. Пост премьера остался за П.В. Вологодским, а министра финансов – за И.А. Михайловым.

Естественно, все эти события вызвали ряд новых политических конфликтов в лагере контрреволюции. Формально самораспустившись, Комуч реально был преобразован в Съезд членов Учредительного собрания, обосновавшийся в Екатеринбурге. Цель этого органа состояла в привлечении максимального количества членов распущенного большевиками Учредительного собрания, чтобы, собрав необходимый кворум, получить наконец власть в свои руки. Колчаковский переворот привел к открытому выступлению против диктатуры. В результате в конце ноября – начале декабря 1918 г. новому режиму пришлось расправиться с эсеровской оппозицией в Екатеринбурге, Челябинске и Уфе²³. Часть эсеров перешла на сторону советской власти, другая часть вскоре присоединилась к антиколчаковскому подполью в Сибири²⁴.

Установление колчаковского режима подтолкнуло к контактам с советской властью лидеров башкирского и казахского национального движения. Это привело в начале 1919 г. к его расколу на просоветское, про-

²¹ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... С. 341–422; Шиловский М.В. Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября – 18 ноября 1918 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX в.). Новосибирск, 2001. С. 68–98.

²² Государственный переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года /Сост. Зензинов В. Париж, 1919; Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 16–32; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 195–207; Лившиц С.Г. Колчаковский переворот // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 79–90; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала А.В. Колчака... С. 423–478; Плотникова М.Е. Роль Временного сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Труды ТГУ. 1964. Т. 167. С. 51–54; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра... С. 122–146; Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1989. Вып. 1. С. 59–63; Он же. Как колчак стал верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 143–148; Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С. 27–34; Шудляков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. М. 2004. Т. 1. С. 226–263; и др.

²³ Святыцкий Н.В. К истории всероссийского... С. 127; Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Очерки истории Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 13. С. 15–86.

²⁴ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. М.; Л., 1926. С. 101; Добровольский А.В. Эсеры во власти... С. 198–204.

колчаковское и нейтральное направления и сохранению нестабильности на Южном Урале и в казахских степях²⁵. В рамках бурятского движения одна часть перешла в оппозицию белым, другая же, основная, пошла на более тесный союз с Г.М. Семеновым. Теократическое крыло бурятских национальных лидеров даже попыталось в феврале–апреле 1919 г. создать на ст. Даурия ламаистское правительство²⁶.

Впрочем эта панмонгольская затея была незначительна по сравнению с тем дестабилизирующим эффектом, который оказал на экономику востока России конфликт А.В. Колчака с атаманом Г.М. Семеновым, отказавшимся поначалу признавать законность власти Верховного правителя. Последующее подчинение было в значительной мере формальным²⁷. Забайкалье так и не перешло под контроль Омска, более того, вмешательство атамана в работу Транссибирской магистрали нарушало контакты Сибири и Дальнего Востока, дестабилизировало и ослабляло государственную власть и экономику всего востока России.

Наиболее простым было признание Колчака со стороны Временного правительства Северной области генерала Е.К. Миллера, которое официально состоялось, правда, лишь 30 апреля 1919 г. Контакты Сибири с этим регионом оказались наиболее тесными: взаимный обмен представителями, интенсивная телеграфная связь и т.д. Е.К. Миллер был наделён правами генерал-губернатора в своём регионе и по мере возможности дублировал основные законоположения российского правительства. С января 1919 г. возникли и постоянно углублялись контакты Омска с командующим Северным корпусом генералом Н.Н. Юденичем, неофициально признававшим лидерство А.В. Колчака. В мае 1919 г., в значительной мере, благодаря работе «Русского политического совещания» в Париже, координировавшего с декабря 1918 г. деятельность региональных центров ан-

²⁵ Аманджолова Д.А. Казахское движение... С. 125–145; Она же. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918—1919 гг.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. № 1(7). 1994. С. 20–32; Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение... С. 193, Наумова Н.И. Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918—1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2003. № 276. С. 83–89.

²⁶ Бабаков В.В. Бурнацков – Бурнаццма: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии. Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 133–141; Жабаяева Л.Б. Элбек-Жоржи Риичино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 133–136.

²⁷ Аблажей Н.Н., Симонов Д.Г. Атаман Семенов в Белом движении (1917—1945) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Новосибирск, 2003. С. 60–63; Кручинин А.С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семеновым // История белой Сибири. Тез. 4-й научн. конф. Кемерово, 2001. С. 213–215; Лившиц С.Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917—1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 176–183.

тибольшевистского движения, Колчака признало Особое совещание ВСЮР, руководимое А.И. Деникиным²⁸.

Парижские эмигранты совместно с российскими дипломатическими представителями в союзных державах развернули борьбу за международное признание Российского правительства. Нужно отметить, что в дипломатических вопросах омский МИД испытывал мощнейшую аберрацию. Вера в неизбежность признания подогревалась аккредитованными в Омске союзными комиссарами. Сами главы союзных правительств и дипломатических ведомств подчас дезинформировали российскую сторону, уверяя, что Колчак близок к признанию²⁹.

Создание Российского правительства привело к тому, что сибирский высший и центральный аппарат управления, пополненный за время переговоров с Директорией некоторыми новыми, несибирскими политическими фигурами, приобрел формально общероссийский статус. В лучшие времена реально его контроль распространялся на запад не далее Прикамья, т.е. охватывал наименее заселенную и освоенную часть российского пространства. Резко увеличивавшиеся штаты не соответствовали реальным масштабам работы министерств – аппарат стал слишком громоздким и дорогим для управления огромной территорией со слабо развитой инфраструктурой.

В составе Временного Сибирского, а потом Российского правительств было более десятка министерств. Обладая одинаковым ведомственным статусом, они имели совершенно разное реальное значение. На первый план выступало персональное влияние на принятие политических решений. Министерство финансов явно доминировало среди министерств экономической специализации. С июля 1918 по август 1919 г. его возглавлял Иван Адрианович Михайлов. Заняв свой пост в 26 лет, он уже успел сделать стремительную научную, а в 1917 г. и административную карьеру. И.А. Михайлов был чрезвычайно активным администратором, усилиями которого должность министра финансов превратилась в ключевую во всей системе экономического управления. Помимо того, что он играл важную политическую роль в правительстве на протяжении года, ему удалось сосредоточить под своим контролем те скудные рычаги макроэкономического регулирования, которыми обладало правительство. При министерстве были созданы органы, обеспечившие ему возможность задавать тон в работе других ведомств: Совет министра финансов, Железнодорожный тарифный совет, Особое совещание по финансированию городских и зем-

²⁸ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920 гг. М., 1993. С. 135; Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе. СПб., 1999. С. 89–90.

²⁹ Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака. (1918—1919 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 46–47, 80–85.

ских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение. Благодаря усилиям И.А. Михайлова большинство межотраслевых органов экономического управления создавалось и действовало под эгидой Министерства финансов, что позволило этому ведомству существенно влиять на политику, проводимую другими министерствами и ведомствами. С мая по август 1919 г. он даже совмещал посты министра финансов и управляющего Министерством торговли и промышленности.

Современники оставили о нем противоречивые впечатления. Большинство авторов – его политические противники – характеризуют И.А. Михайлова как правого интригана, закулисного политического воротилу, вдохновителя борьбы против Сибирской областной думы и влияния социалистов, повинного во многих конфликтах внутри правительства. Но другие обращали внимание на то, что И.А. Михайлов всегда быстро схватывал суть проблемы, часто становился центром обсуждения вопросов на заседаниях Совета министров, умел убедительно противостоять напору множества оппонентов и обладал недюжинными организаторскими способностями³⁰. Однако И.А. Михайлов, будучи амбициозным, энергичным и властным политиком, не являлся профессиональным управленцем, способным просчитывать последствия своих шагов для экономики. В августе 1919 г. на посту министра финансов его сменил Л.В. фон-Гоёер, бывший член правления Русско-Азиатского банка. Но он уже не имел такого определяющего влияния на экономическую политику.

Совет министров Российской республики был не единственным высшим органом государственной власти на востоке России в период контрреволюции. После колчаковского переворота государственная власть попыталась скорректировать свой экономический курс в сторону расширения роли рыночных механизмов и экономических стимулов. Ставка на сильных, на личную инициативу, на негосударственные структуры получила свою реализацию в создании нового консультативно-совещательного органа – Чрезвычайного государственного экономического совещания. Первые три месяца своей работы совещание играло роль общественного эксперта деятельности правительства. За это время министры, их товарищи, руководители многих управлений и департаментов представили Чрезвычайному государственному экономическому совещанию отчетно-программные доклады. Летом 1919 г. состав совещания был расширен за счет выборных представителей от губернских земств, научных и образовательных организаций, более широкого представительства со стороны государственных ведомств. Вторая сессия Государственного экономического совещания, собравшаяся в расширенном составе, начала

³⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 97, 111–112; Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Харбин, 1928. Т. 1. С. 262; Соловейчик А. Борьба за возрождение России на востоке. Ростов-на-Дону, 1919. С. 22.

работу 15 июня 1919 г.³¹ Предварительное обсуждение на совещании законопроектов, затрагивавших экономические вопросы, стало обычной стадией законотворческого процесса. Но совершенствование работы Государственного экономического совещания происходило параллельно с потерей российским правительством реальной власти³².

Кроме этого псевдопредставительного органа в Омске функционировало ещё несколько общественных организаций, весьма влиятельных по своему политическому весу. Крупнейшие кооперативные союзы востока России создали свою представительскую организацию – Всероссийский кооперативный совет съездов (Всекосовет). Предпринимательские организации Поволжья, Урала и Сибири в ноябре 1918 г. сформировали Всероссийский совет съездов торговли и промышленности. Обе они активно вмешивались в процесс формирования экономического курса Российского правительства, пытаясь корректировать его в своих интересах. У кооператоров и предпринимателей была возможность выражать своё мнение в Государственном экономическом совещании или выходить напрямую в соответствующее министерство со своими предложениями и замечаниями³³. Сложнее было с муниципальными органами. Состоявшийся ещё в сентябре 1918 г. Всесибирский съезд представителей земств и городов начал борьбу за признание новой общественной организации – Сибземгора. Министерство внутренних дел воспротивилось этому, хотя организация активно работала, не будучи признанной³⁴.

После успехов первой половины 1919 г. белая армия стала терпеть одно сокрушительное военное поражение за другим. Начавшееся в июле 1919 г. отступление «белых» развивалось стремительно. 3 июля они оставили Пермь, 14 июля – Екатеринбург, в августе с Южного Урала вышли последние войска атамана А.И. Дутова. На линии р. Тобол Российская армия держала оборону весь август, сентябрь и половину октября. Летом 1919 г. в тылу возникли крупные очаги партизанского движения. На Алтае, в Енисейской и Иркутской губерниях колчаковские власти контролировали только города. Деревня же стала ареной вооруженного сопротивления. Причем партизаны постоянно расширяли зону своих действий,

³¹ С этого времени из его названия убрали слово «чрезвычайное».

³² Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 нояб.; 1919. 16 мая; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 22–23, 216–231, 279–284; Кроль Л.А. За три года. Владивосток, 1921. С. 179–196; Дмитриев Н.И. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 65–98.

³³ Дмитриев Н.И. О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918—1919 гг. // Деловая Россия: история и современность. Спб., 1996. С. 93–95; Рышков В.М. Всесибирский совет кооперативных съездов (конец 1918 – 1919 г.) // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность. Иваново, 2004. С. 194–197.

³⁴ См.: Известия Всесибирского союза земств и городов («Сибземгора») (Томск). 1919. № 1–6.

ставя под угрозу движение по Транссибирской магистрали – этой «дороге жизни» антибольшевистского режима.

14 ноября 1919 г. красные войска заняли столицу Сибири. Через несколько дней Российское правительство, эвакуированное заранее из павшего Омска, возобновило свои заседания в Иркутске. 29 ноября 1919 г. финансовое ведомство возглавил П.А. Бурьшкин. На смену министру-банкиру пришел министр-купец. Это было время, когда над Российским правительством нависла перспектива поражения. Все понимали, что ему оставались считанные недели. П.А. Бурьшкин симпатизировал земской оппозиции, вместе с премьер-министром В.Н. Пепеляевым и министром внутренних дел А.А. Червен-Водали вступил в переговоры с её представителями от имени правительства³⁵. Кроме того, он принял участие в расследовании деятельности двух бывших министров финансов. Комиссия под его руководством не нашла ничего предосудительного в их действиях, хотя общество и оппозиция жаждали их наказания³⁶.

С переездом Российского правительства в Иркутск и сменой ключевых фигур в кабинете активно стали обсуждаться идеи либерально-демократических реформ. В частности, Государственное экономическое совещание планировали превратить в Земское совещание или даже в Земский собор, кардинально усилив выборные основы и представительские функции этого органа. Но это уже не устраивало оппозицию, которая требовала всю политическую власть.

Осенью 1919 г. в Сибири возник Политический центр, готовивший свержение Верховного правителя. В конце декабря он организовал серию городских восстаний в Восточной Сибири, в том числе и в Иркутске. С 24 декабря 1919 г. по 5 января 1920 г. в городе существовало две параллельных власти. Политический центр претендовал на создание в Восточной Сибири нейтрального буферного государственного образования, не советского, но и не принимающего участия в борьбе с большевиками. Его влияние было во многом номинальным. 27 января Политический центр передал государственную власть Иркутскому военно-революционному комитету³⁷.

³⁵ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 106–109.

³⁶ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М., 2003. С. 572.

³⁷ Берсенева И.В. Попытки формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политцентр»: ноябрь 1919 – январь 1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Добровольский А.В. Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск, 2002. С. 250–261; Мальцева Т.В. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири. Томск, 1983. С. 125–138; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... Кн. 2. С. 398–428; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири... С. 369–389; Струк Е.Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала А.В.Колчака в Восточной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

Центр вооруженной борьбы с большевиками в начале 1920 г. переместился в Забайкалье. 4 января 1920 г. А.В. Колчак успел передать верховную власть атаману Г.М. Семенову, который на протяжении 1920 г. удерживал контроль над восточной частью Забайкалья, а на рубеже 1920—1921 гг. эвакуировал свои силы в Манчжурию и Приморье. В Приморье антибольшевистские правительства просуществовали до октября 1922 г.

Глава 2

В ТИСКАХ БЮДЖЕТНОГО ДЕФИЦИТА

До и после переворота: финансовое положение антибольшевистских сил востока России

Рассмотрение финансового положения антибольшевистского движения в период его подпольного, «догосударственного» развития не входит в нашу задачу. Отметим только, что подпольные военные и политические организации Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока получали жертвования от кооперативных союзов и частных предпринимателей, иногда довольно значительные, деньги от Временного автономного правительства Сибири, Дальневосточного комитета спасения Родины и защиты Учредительного собрания и атамана Г.М. Семенова¹. Сведения о финансовом обеспечении сибирского подполья очень противоречивы, от утверждения, что его участники жили исключительно на деньги, присылаемые Д.Л. Хорватом, до мнения, что их целиком снабжала местная кооперация. Но все они основываются на повествовательных источниках и не имеют документального подтверждения². В историографии встречается утверждение, что дальневосточные правительства финансировались из средств пекинского и токийского российских посольств, на счета которых в 1918 г. Русско-Азиатский банк продолжал перечислять часть боксерской контрибуции. Но и эти утверждения остаются голословными³. Стабильные источники финансирования имело лишь правительство Д.Л. Хорвата, у которого получали жалование бежавшие от советской власти в Харбин чиновники⁴. Дальневосточные конкуренты Д.Л. Хорвата утверждали, что его правительство получает средства путем распродажи товаров с желез-

¹ Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 133; Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 129; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 59.

² Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5. С. 262; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 94.

³ Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918—1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 66; Светачев М.И. Официальный Китай и события в России (1917—1922 гг.) // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения: Третьи гродековские чтения. Хабаровск, 2002. Ч. 1. С. 118.

⁴ ГАРФ, ф. Р-3516, оп. 1, д. 2, л. 1—3.

нодорожных складов⁵. В.Е. Флуг и полк. В.А. Глухарев, посланные А.И. Деникиным на восток России с ознакомительной целью, приводили слухи о том, что правительство Д.Л. Хорвата получало деньги от союзников⁶. Но документальные источники не позволяют установить происхождение этих денег. Надежды некоторых «утопистов» типа П.Я. Дербера на получение больших средств от союзников и буржуазии в тот момент выглядели совершенно призрачными⁷. Напротив, приходилось занимать деньги у атамана Г.М. Семенова⁸.

Пожалуй, единственный крупный финансовый успех можно отметить в ходе отступления из Благовещенска мятежного атамана И.М. Гамова 12–13 марта 1918 г. за Амур в китайский г. Сахалин. Мятежникам удалось вывезти ценности казначейства (37 млн руб. золотом), из которых финансировалась деятельность антибольшевистских гражданских и военных организаций на Китайской стороне Приамурья⁹. Были и более скромные удачи. Например, председателю войскового совета Уссурийского казачьего войска С.В. Кореневу удалось получить от хабаровских большевиков различного материального довольствия на 500 тыс. руб. якобы для формирования Красной гвардии. В действительности ресурсы пошли на создание противобольшевистских казачьих отрядов в Приамурье. Но это не изменяет общую картину безденежья подпольных организаций. Накопленный ко времени прихода к власти подпольщики сделать не смогли.

Ещё один казачий регион, в котором борьба с большевиками началась задолго до чехословацкого мятежа, – область Оренбургского казачьего войска. Никаких реальных источников дохода у атамана А.И. Дутова не было, поэтому антибольшевистские силы региона с декабря 1917 г. располагали только эмиссионными возможностями¹⁰. Собственные деньги, принимаемые местным населением, давали Оренбургскому войсковому

⁵ Первое Приморское областное земское собрание. 8–20 сентября 1918 г. Т. 1: Протокол и журнал земского собрания. Владивосток, 1919. С. 14.

⁶ Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 9. С. 256; Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. 1923. № 5. С. 360.

⁷ Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1928. Т. (4) 29. С. 108–109, 126, 128; Контрреволюция в Сибири. С. 267; Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С. 208; Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917–1922 гг. М.; Хабаровск, 1933. С. 53.

⁸ Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т. (4) 35. С. 39; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 97, 117.

⁹ Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было... С. 180; Залеская О.В. Российско-китайские пограничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). Благовещенск, 2001. С. 46; Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 215.

¹⁰ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 155–155об.

правительству возможность обеспечивать военные действия и обслуживание гражданских нужд населения с декабря 1917 г. по январь 1918 г.

Уход и бегство представителей советской власти повсеместно сопровождалось вывозом фондовых ценностей с территорий, отдаваемых противнику. В Самарском отделении Государственного банка после падения советской власти обнаружился 15-дневный запас наличности (30 млн руб. – по одним источникам¹¹ и 24 млн 464 тыс. руб. – по другим¹²). И.М. Майский рисовал несколько иную картину, указывая, что в Государственном банке имелось 1,5 млн руб. наличными, а требовалось немедленно 5 млн руб.¹³ В Симбирске кассы всех кредитных учреждений были совершенно пусты¹⁴. Однако Комуч надеялся на быстрое пополнение касс, поэтому от денежной эмиссии решили воздержаться. Большие надежды возлагались на заём денег у поволжской буржуазии. Но им не суждено было оправдаться¹⁵.

В Ижевске после свержения советской власти в казначействе обнаружилось 25 млн руб. Со временем дополнительные средства были доставлены из Самары¹⁶. Видимо, сумма была не очень большая, так как в финансовых документах Комуча эта выдача не нашла отражения. Это всё, чем располагали восставшие Прикамья, три месяца действовавшие почти в полной изоляции от других очагов антибольшевистского движения. Башкирское автономное правительство не имело даже возможности воспользоваться средствами одного из казначейств. Основным источником его существования был заем 4 млн руб., предоставленный ему Комучем, сроком на полгода¹⁷. Башкирское правительство пыталось также собирать налоги с башкирского населения в свою пользу, но установить его доходы, полученные таким путем, не представляется возможным.

Из отделений Государственного банка и казначейств большевики целенаправленно вывозили не только денежные знаки, но и финансовую документацию¹⁸. Опустошение коснулось также касс муниципальных учреждений. Большинство из них начали возобновление своей деятельности

¹¹ Наш день (Самара). 1918. 28 июня.

¹² Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003 (Цит. по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi.edidovich.htm>).

¹³ Майский И. Демократическая контрреволюция. М. 1923. С. 87.

¹⁴ Белое движение: каталог листовок 1917—1920. СПб., 2000. С. 101.

¹⁵ Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье в 1918 г.). Ульяновск, 1998. С. 158–159.

¹⁶ Ефимов А. Ижевцы и воткинцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 359; Федичкин Д. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 года // Там же. С. 384.

¹⁷ Оренбургский вестник Комитета членов Учредительного собрания (Оренбург). 1918. 3 окт.

¹⁸ ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 81, л. 50б; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 139; Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917—1918 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 161.

с констатации полного отсутствия средств¹⁹. Лишь некоторые объявили о наличии в кассах небольших сумм²⁰. Обычно доходы самоуправлений формировались путем передачи им средств, оставшихся на счетах местных советов, что практиковалось при всех антибольшевистских властях²¹.

Запасы денежной наличности во всех томских финансовых учреждениях составляли только 68 млн руб., из которых 20,5 млн руб. – государственными ценными бумагами. В Государственном банке и казенной палате Омска осталось около 40 млн руб., Томска – 41,9 млн. Из Омска отступавшие большевики увезли 284 млн руб., из Томского отделения Государственного банка и казначейства – 280 млн руб. При этом только в Томской губернии в течение двух ближайших месяцев необходимо было изыскать 50 млн руб. для организации новых правительственных учреждений, создаваемых властью, 38 млн руб. – на финансирование работы железных дорог и еще несколько десятков миллионов рублей – на прочие нужды²². В других местах ситуация была не лучше. По мере арестов бывших советских работников некоторые суммы возвращались обратно в казну или кассы предприятий и учреждений²³. Омское казначейство пополнилось не менее чем на 50 млн руб.²⁴ Но принципиально это не меняло картину, так как расходы возрастали в геометрической прогрессии.

Искать пути преодоления финансового кризиса пытались на началах коллегиальности. При Комуче сначала действовала Бюджетно-сметная комиссия, позже преобразованная в Финансовый совет. Её предложения на первое время свелись к сбору пожертвований, реализации остатков Самарского городского займа, выпуску облигаций «займа Свободы». Наконец, 2 июля 1918 г. пришло решение: если Комуч реализует товары, лежавшие на городских складах, то это позволит получить кредит в 30 млн²⁵. Во многих местах региональные власти создали консультативные органы для поиска путей преодоления финансового кризиса. Финансово-налоговые совещания работали в Самаре и Сызрани, в Сибири существовали Тобольская губернская финансовая комиссия, Финансово-

¹⁹ Белое движение... С. 90; Барабинская степь (Каинск). 1918. 10 авг.; Финансы Алтая. Барнаул, 2002. С. 189–109; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 306.

²⁰ Аверин В.А. К вопросу о кредитовании органов городского самоуправления Западной Сибири Временным Сибирским правительством и правительством А.В. Колчака // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 70.

²¹ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 263, л. 4.

²² ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 47, л. 6; ф. Р-176, оп. 5, д. 36, л. 1–7 (в источнике ошибочно указывается, что в томских банках находилось 20 млн руб. купонами государственных ценных бумаг. В действительности имелись в виду ценные бумаги, так как купонов к ним по всей Сибири насчитывалось на сумму не более 3–4 млн руб.); ГАТО, ф. 431, оп. 1, д. 37а, л. 66.

²³ ТФ ГАТО, ф. И-722, оп. 1, д. 138, л. 32; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 8.

²⁴ Известия Тобольского военного штаба (Тобольск). 1918. 3 июня.

²⁵ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 10об.–12об., 41.

экономическая комиссия в Томске, функционировавшая в разное время при Томском губернском комиссариате, Западно-Сибирском комиссариате, Сибирской областной думе, и другие. Предложения этих органов в основном включали временный перевод служащих на безналичный расчет с городскими продовольственными лавками, ограничение выдачи денег со счетов банков, интенсивный сбор налогов и рост ставок налогов с аграрного сектора, продажу государственных запасов спирта, эмиссию²⁶. Уфимская городская финансовая комиссия считала необходимым осуществить городской заем, причем путем подворного обхода населения. В условиях денежного кризиса и эта мера не дала результатов²⁷. Но вариант выпуска собственных денег в тот период все общественные консультанты отклонили повсеместно. С недели на неделю ждали сообщения о капитуляции большевистской Москвы.

В целом в лагере контрреволюции преобладала позитивная оценка финансовых перспектив. В частности, в Сибири 5 июля 1918 г. министр финансов И.А. Михайлов сделал полный оптимистический доклад для печати, программно озаглавленный «Средства Временного Сибирского правительства». В нем министр заявил: «К выпуску денежных знаков и займов правительство решило не прибегать. Средства для сохранения и увеличения денежной наличности оно видит в росте банковских операций. Денег у сибирского населения много, и основным вопросом видится настроение кредитного мира»²⁸. И.А. Михайлов считал, что причины денежного дефицита следует искать, во-первых, в финансовой политике большевиков (закрывание частных банков, «замораживание» вкладов населения в банках и сберегательных кассах), во-вторых, в прекращении связи с финансовыми институтами центра страны. Преодолеть денежный дефицит министр предполагал путем стимуляции населения к увеличению денежных вкладов в кредитные учреждения и интенсификации сбора налогов. Конкретные механизмы выполнения своих замыслов 26-летний министр предпочел публике не раскрывать, да их у него и не было. В тот же день, дополняя доклад министра, товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский раскрыл еще несколько предполагаемых источников денежного пополнения: «Государственный бюджет планирует получить 90 млн руб. от продажи водки. За Европейской Россией считается долгу 308 млн руб. При возобновлении вывоза этот долг должен быть покрыт. Сибирских вкладов и счетов в кредитных учреждениях европейской России к 1 сентября 1917 г.

²⁶ Там же, ф. Р-197, оп. 5, д. 36, л. 1–9; ф. Р-4375, оп. 1, д. 13, л. 1–24; ГАТ, ф. И-722, оп. 1, д. 129, л. 13–15; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 44, л. 1–2об.; д. 262, л. 24–41; ЦХИДНИИО, ф. 300, оп. 1, д. 722, л. 2–15об.

²⁷ Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 7 нояб.

²⁸ Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 11 июля.

числится 460 млн руб.». Н.Д. Буяновский считал, что финансовое будущее Сибири не вызывает беспокойства²⁹.

Итак, все расчеты политиков основывались на ожидании быстрой победы над большевиками во всей России и скорого восстановления единства экономического пространства при сохранении автономии Сибири. Реального финансового положения европейской части России, которая вряд ли бы смогла оплатить долги и вклады, никто не учитывал. Вместо притока денег из европейской части России возникла угроза их оттока по долгам кредитных учреждений по ту сторону фронта. Финансовый совет Комуча справедливо отметил, что снятие всех ограничений с вкладов приведет к полному опустошению текущих банковских счетов. Поэтому, декларативно провозгласив полную свободу использования вкладов и ценных бумаг³⁰, ввели ограничение – 150 руб. в неделю, что соответствовало прожиточному минимуму³¹. 15 июля 1918 г. вышло постановление Временного Сибирского правительства, в котором говорилось, что «ввиду невозможности получать пополнение денежных знаков из Европейской России впредь до установления денежных сношений уплату по книжкам сберегательных касс Европейской России не производить»³². Первоначально этот запрет коснулся и территории Поволжья – ни на Урале, ни в Сибири переводы из Поволжья не оплачивались. В конце августа 1918 г. Временное сибирское правительство и Временное областное правительство Урала солидарно возобновили переводные операции с банками, находившимися на территории Комуча³³.

Положение с денежной наличностью по всему востоку России можно охарактеризовать не иначе, как дефолт. Но масштабы «финансовой ямы» стали видны постепенно. Лишь к началу осени 1918 г. была подсчитана сумма денег, увезенных большевиками из сибирских и уральских отделений Государственного банка и Государственного казначейства (табл. 2.1).

Лишившись такой крупной суммы денег, антибольшевистская власть унаследовала долги советов: увезенные большевиками деньги предназначались для выплаты заработной платы, финансирования эксплуатационных расходов предприятий, оплаты за поставки государству сельскохозяйственной и промышленной продукции. К тому же при советской власти государственный сектор существенно расширился, возросла и его убыточность. В итоге все антибольшевистские правительства вынуждены были формировать доходную часть бюджета практически с нуля, расходная же часть была сразу очень значительной.

²⁹ Там же.

³⁰ Приказы Комуча. С. 45.

³¹ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 13–15об.

³² СУР ВСР, № 12, ст. 114, 115

³³ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д.18, л. 35.

Таблица 2.1

Сумма денег, вывезенных большевиками при отступлении из учреждений Государственного банка и Государственного казначейства Урала, Сибири и Дальнего Востока, в 1918 г. (руб.)

Учреждения Государственного банка и Государственного казначейства	Сумма
Ачинское	92400
Бирское	8163355
Екатеринбургское	532000000
Иркутское	49873092
Красноярское	18123000
Кулундинское	20000
Кяхтинское	1707475
Омское	284353104
Нарымское	245753
Тарское	107934
Тобольское	6995041
Томское	265753
Туринское	1900
Тюменское	16846723
Челябинское	40000
Читинское	603587
Ялуторовское	4987107
Всего	1011544307

Источник: Обзор деятельности Министерства финансов за второе полугодие 1918 года. Омск, 1919. С. 5.

На многих предприятиях коллективы не получили зарплату даже за май, и после того, как затухли первые вспышки вооруженной борьбы, пришлось изыскивать средства для уплаты уже за два месяца³⁴. Удовлетворить зарплатой рабочих и служащих смогли лишь частично, практиковались 50%-ные выплаты³⁵. Рабочие большинства частных горнопромышленных предприятий подолгу не получали зарплату.

³⁴ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 262, л. 6.

³⁵ Наш день. 1918. 16 авг.; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 32, л. 1–4.

Государственные доходы и расходы антибольшевистских правительств

Попытки сформировать бюджет антибольшевистские правительства предпринимали неоднократно, и сам этот термин постоянно встречается в делопроизводственных документах. Однако реально предметом научного анализа может выступать лишь определенное, стихийно сложившееся соотношение доходов и расходов казны. Все антибольшевистские правительства действовали в дефолтовом режиме. На самом старте они начали функционировать в условиях отсрочки платежей. В каждый последующий месяц скрытый внутренний государственный долг накапливался, правительства недоплачивали всё большую часть своих расходов неправительственным структурам, ведомства недоплачивали друг другу. Маховик неплатежей раскручивало само государство.

Одной из важнейших проблем истории контрреволюции является вопрос о том, из каких источников финансировались ведение гражданской войны, государственное строительство и хозяйственная деятельность противников большевиков, как и насколько эффективно расходовались полученные средства. В историографии по этому поводу есть отдельные соображения, которые в доперестроечный период несли заряд крайней предвзятости. Это контрастирует с изучением дореволюционной финансовой политики, в отношении которой именно в советские годы было предпринято несколько серьезных исследований³⁶.

В 1990-е гг. появилось несколько публикаций, в которых рассматривались различные аспекты финансовой политики сибирской контрреволюции, в научный оборот был введен значительный объем новых фактов³⁷. Но дальше констатации сведений, извлеченных из официальной статистики, авторы не продвинулись. В отношении других ответвлений восточной контрреволюции историографическая ситуация осталась неизменной с советских времен.

Между тем, советские и современные исследователи оперируют большим количеством разрозненных данных финансового характера, вырывая их из контекста, и совершенно не учитывают глубокую трансформацию, происходившую в финансовой сфере в годы Первой мировой и граждан-

³⁶ Гридин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Погребинский А.И. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968; Шеболдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX века // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 163–190; и др.

³⁷ Дмитриев Н.И. Экономическая политика правительства А.В. Колчака // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 25–29; Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. 3. Сборник трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 68–69; Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 396–397.

ской войн. Вот почему реконструкция объёмов и структуры доходов и расходов антибольшевистских правительств востока России актуальна не только с точки зрения изучения собственно их финансовой политики, но и для понимания контекста многих сюжетов из истории гражданской войны. Нельзя понимать эту задачу как изучение бюджета в традиционном смысле слова, так как никакого бюджета не существовало, как не существовало и правильной финансовой статистики. Это вынуждает предпринять изыскания с гораздо большим количеством неизвестных, чем обычно допускается в исследованиях из области макроэкономической истории.

Итак, ставка на активизацию коммерческого кредита, сделанная в первые недели после антибольшевистского переворота, оказалась битой. Дефицит денежных знаков стал превращаться во всё более серьёзную проблему для государственных органов по мере создания государственного аппарата и подключения его к исполнению своих функций. Хотя Совет съездов торговли и промышленности в ноябре 1918 г. и рекомендовал Российскому правительству ввести принудительное чековое обращение, что могло бы позволить избежать дополнительной эмиссии и приостановить бартеризацию экономики³⁸, но скромные попытки вводить чеки на практике себя не оправдали – они не оплачивались банками и поэтому низко котировались. Большинство антибольшевистских правительств быстро встало на путь собственной эмиссии. Однако пополнение бюджета за счет печатного станка воспринималось как отклонение.

Комуц, например, в течение четырех первых месяцев использовал четыре основных источника поступлений: 1) государственные ценные бумаги и купоны к ним, хранившиеся в поволжских банках на сумму 209 млн руб.; 2) выручку от реализации товаров, обнаруженных на складах и станциях (предварительно её объем определили в 30 млн руб.); 3) налоговые поступления, 4) пожертвования населения. Последние два источника не поддаются учету. Следует также принять во внимание ценности, захваченные чехами в Казани. Из местного отделения Государственного банка были вывезены 15 млн руб. в Самару и 5 млн руб. в Симбирск. В. Сироткин и В. Масарский утверждают, что некоторое количество серебряной монеты было продано по цене 5 руб. за один серебряный рубль для получения наличных. Они связывают это с началом расхищения «золотого запаса», включавшего и серебро³⁹. Но тут следует уточнить, что решение о продаже запасов серебра, хранившихся в поволжских отделениях Государственного банка, было принято Финансовым совещанием при Комуце ещё 13 июня 1918 г. и не связано с захватом «золотого запаса»

³⁸ Правительственный вестник. 1918. 28 нояб.

³⁹ Масарский М., Сироткин В. Вернется ли в Россию дореволюционное золото // Дипломатический ежегодник. 1995. С. 235.

России»⁴⁰. Претендуя на всероссийский масштаб власти, Комуч щедро раздавал обещания профинансировать местную власть того или иного из прилежавших регионов при условии признания верховенства Самары. Обычно эти обещания Комуча оказывались блефом. Так не дождался денег оренбургские казаки, почувствовали нереальность обещаний Комуча члены Временного областного Уральского правительства. Напротив, в условиях неплатежеспособности Комуча Временное сибирское правительство взяло на свой баланс Самаро-Златоустовскую железную дорогу, распространив тем самым своё влияние далеко на запад, за пределы своей административной территории⁴¹. Временное Сибирское правительство выделило Комучу кредит в 5 млн руб.⁴²

Поволжские власти намеревались наладить учёт своих доходов и расходов. 12 июня 1919 г. Комуч издал приказ № 19, предусматривавший необходимость внесения всех сметных предложений ведомств на утверждение правительства. 19 июня последовал другой приказ, № 37, обязывавший все ведомства срочно составить сметы. На следующий день вновь грозный приказ – срочно предоставить списки служащих и оклады⁴³. Это позволило Комучу приблизительно представлять объем затрат, но не предвидеть и не планировать их. Известно, что с 11 июля по 8 августа 1918 г. Комучу пришлось израсходовать 55 млн 913 тыс.⁴⁴ Это было до начала печатания собственных денег.

В отношении контроля над формированием доходов и расходов в лучшую сторону отличалось Временное областное правительство Урала, которому всё же удалось спланировать свои расходы по отдельным ведомствам до конца года. Правда, особенность его положения заключается в том, что бюджет оказался крошечным. К 2 сентября 1918 г. Временному областному правительству Урала было предъявлено к оплате до 10 млн руб. Но, сформированное за 12 дней до этого, оно не могло удовлетворить все требования⁴⁵. Никаких доходов у правительства не было. Переговоры о займе 20 млн руб. у Самары или любой суммы у Временного сибирского правительства не к чему не привели. Идея продать имевшийся на Урале запас металла или спирта, который мог дать доход в 30 млн, провалилась – для реализации этого проекта требовались деньги, которых тоже не бы-

⁴⁰ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 10об.

⁴¹ Омский вестник (Омск). 1918. 9 авг.; Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 120; Машин М.Д., Семьянинов В.С. Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991. С. 149.

⁴² ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 43, л. 111об.

⁴³ Приказы Комуча. С. 12, 18, 20.

⁴⁴ Едидович Л. Деньги Комуча...

⁴⁵ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 19, л. 3.

ло⁴⁶. В августе–сентябре 1918 г. именно финансовое бессилие Временного областного правительства Урала, наряду с присутствием на Урале Сибирской армии, стало решающим фактором доминирования Временного сибирского правительства в данном регионе. У кого были деньги, тот и имел реальное влияние. Не обошлось без конфликтов – сибирский Минфин распоряжался в уральских отделениях Государственного банка как в своих, присылал ассигновки, делал распоряжения административного характера, в том числе и о невыдаче денег уральским правительственным учреждениям. Причиной перехода ряда территорий Урала под юрисдикцию Временного сибирского правительства⁴⁷ стало то, что оно смогло профинансировать там работу государственных и земских учреждений, а Временное областное правительство Урала – нет, хотя и предприняло ряд усилий, чтобы сохранить влияние на спорных с Сибирью территориях⁴⁸.

Нужно отметить, что уральские политики наиболее оперативно попытались организовать строгий учёт расходов и спрогнозировать их на будущее. За октябрь – начало ноября были составлены сметы большинства центральных учреждений на октябрь–декабрь и на последующий 1919 г., утверждены расходы по большинству ведомств со времени их основания и до конца календарного года. Содержание областного аппарата должно было обойтись в 1,2–1,3 млн руб. Кроме того, правительство утвердило 15 млн 530 тыс. руб. на ссуды уральским горным округам и заводам и ещё разных ассигнований и ссуд на сумму около 5 млн 870 тыс. руб. И все же нормально составить расходную часть бюджета оказалось невозможно, так как территория, подвластная правительству, непредсказуемо менялась. Местные учреждения, за исключением екатеринбургских, финансировались от случая к случаю. Основная масса ассигнований и ссуд Временного областного правительства была утверждена в конце октября – начале ноября и вряд ли была проплачена⁴⁹. Известие о грядущем роспуске правительства только подстегнуло его бюджетную активность – в последние дни оно утвердило наибольшее количество ассигнований и кредитов, размеры которых были на порядок больше, чем в предшествующий период. Очевидно, что делалось это не из расчета оплатить всё из областного бюджета. Напротив, уральские власти приняли решение не считаться

⁴⁶ Там же, д. 21, л. 41; д. 23, л. 26–26об.; ф. Р-1851, оп. 1, д. 5, л. 144–145, 149–150об.; Антибольшевистское правительство... С. 101, 110, 122.

⁴⁷ Златоустовский, Челябинский и Троицкий, Ирбитский, Шадринский, Кустанайский, Камышловский и Верхнеуральский уезды (см.: СУР ВСП. № 4, ст. 35; № 12, ст. 117; № 14, ст. 125).

⁴⁸ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 5, л. 277об.–278; д. 15, л. 21; д. 33, л. 12об.; д. 34, л. 41–43; Антибольшевистское правительство... С. 126, 143–144.

⁴⁹ Подсчет производился по протоколам Совета Временного областного правительства Урала. — ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 7–16, 18–26, 28–66, 68–69.

с состоянием кассы, так как Всероссийское правительство должно оплатить все расходы упраздняемых правительств⁵⁰.

По сведениям Л.А. Кроля, к концу октября 1918 г. Екатеринбургское отделение Государственного банка оплатило переводы из сибирских отделений на сумму 8 971 925 руб., тогда как получило из Сибири только 2 698 965 руб.⁵¹ Не имея доходов, правительство оплачивало расходы из банковских вкладов граждан и организаций⁵². При этом органы государственной власти Урала испытывали постоянный дефицит наличности, безуспешно пытаясь позаимствовать средства у поволжских и сибирских соседей⁵³. Несмотря на отсутствие доходов, к денежной эмиссии Временное областное правительство Урала не прибегало, а выпустило только 1,5 млн разменных бон. Но зато были подготовлены материалы, оборудование и даже персонал для обслуживания масштабной денежной эмиссии, что потом пригодилось Российскому правительству.

Ещё один региональный центр антибольшевистской власти, имевший собственные источники финансирования – Оренбуржье. Не сумев предоставить заём Оренбургскому войсковому правительству, Комуч вынужден был согласиться с его правом самостоятельно формировать свои доходы за счет печатного станка. В августе 1918 г. Комуч всё же попытался запретить эту эмиссию⁵⁴. Войсковое правительство ослушалось, и вскоре даже у самарских политиков не было повода об этом пожалеть. Когда в сентябре–октябре 1918 г. началось спешная эвакуация «белых» из Поволжья, часть средств Оренбургского войскового правительства была израсходована на обеспечение прибывающих беженцев, выплату пособий служащим эвакуированных учреждений⁵⁵. Хотя известно, что в Оренбурге успели выпустить 163 млн руб., общую сумму расходов Оренбургской региональной власти просчитать очень сложно по двум причинам. Во-первых, не только атаман А.И. Дутов контролировал печатный станок в области Оренбургского казачьего воска. С января по март 1918 г. деньгами распоряжался Оренбургский военно-революционный комитет. Во-вторых, параллельно с Оренбургским войсковым правительством в Оренбурге находилось управление Уполномоченного Комуча по Оренбургской губернии. Обе власти имели местные источники финансирования. В регион поступали деньги Комуча, использовавшиеся также и казачьей, и гражданской властью. Вот почему по размеру эмиссии можно составить лишь приблизительное представление о размерах расходов оренбургского

⁵⁰ Там же, д. 64, л. 37об.

⁵¹ Там же, л. 37–37об.

⁵² Там же, л. 37.

⁵³ Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918—1919 гг. // Уральский областник. 1994. № 4. С. 32.

⁵⁴ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 155–155об.

⁵⁵ Оренбургский Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. 26, 31 окт.

региона в 1918 г. Определять доходы Оренбургского войскового правительства по данной эмиссии тоже нельзя. Известно, что одним из стабильных источников реальных денежных поступлений являлась пошлина, налагаемая войсковым правительством на Илецкие соляные промыслы⁵⁶, отсутствие точных данных о которых не позволяет делать предположения о том, как соотносились доходы и эмиссия.

Из правительств Дальнего Востока собственными источниками финансирования обладало только Временное областное Амурское правительство, сначала использовавшее средства Благовещенской казенной палаты (37 млн руб.), а потом отпечатавшее 18 млн руб. собственных денег⁵⁷. Итого амурские региональные власти имели возможность израсходовать 55 млн руб. по номиналу. Хотя сопоставление золотых рублей и местных бон очень условно.

Чуть восточнее располагалась территория Уссурийского казачьего войска, также весьма самостоятельного в вопросах формирования своего бюджета. К свержению советской власти государство задолжало Уссурийскому казачьему войску 1 млн 700 тыс. руб. и с 1916 г. прекратило отпускать ссуды, которые выделялись ранее. Это давало основание И.П. Калмыкову предпринимать усилия по самостоятельному изысканию средств, в т.ч. внешних займов. Так, И.П. Калмыков получил от японцев 2 млн руб. под личную ответственность безо всяких гарантий. Практиковалась и сдача в аренду иностранцам земельных и лесных угодий⁵⁸.

Совершенно особое внимание заслуживают попытки сформировать бюджет в Омске. Первые месяцы существования антибольшевистских правительств омский центр располагал наибольшими финансовыми возможностями, а с ноября 1918 г. стал определять состояние финансовой сферы всего востока России.

Необходимость создать правильный сбалансированный бюджет в Совете министров Временного сибирского правительства понимали достаточно хорошо. Поэтому уже в августе 1918 г. было предписано закрыть все сметы, отпускавшиеся советскими органами (местными и центральными), и с 1 июля 1918 г. открыть новые сметы. Таким образом, предполагалось создать возможность для исчисления отдельного бюджета за второе полугодие. В случае, если смета не была составлена, Министерство финансов грозилось отпускать средства в прошлогоднем размере, что ставило бы ведомства в затруднительное положение в связи с сильным обесцениванием рубля⁵⁹. Несмотря на неоднократные грозные напомина-

⁵⁶ Вестник Комуча (Самара). 1918. 5 сент.

⁵⁷ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции. Харбин, 1924. С. 206.

⁵⁸ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 132, 136.

⁵⁹ ГАТО, ф. 196, оп. 19, д. 2074, л. 56—56об.

ния как Министерства финансов, так и казенных палат, сметы различных государственных учреждений составлялись с большими опозданиями, финансовая отчетность сдавалась крайне неаккуратно. Казначействами она проверялась тоже небрежно, с большими задержками⁶⁰. Правда, поначалу, в связи с чрезвычайной обстановкой, финансовые органы спокойно относились к сверхсметному расходованию средств. Все рассчитывали на быструю военную победу и стабилизацию политического положения, которые позволили бы свести в ближайшем будущем к минимуму сверхсметные расходы.

Однако следует отметить, что баланс доходов и расходов, их объём летом и в начале осени 1918 г. выглядел благоприятнее всего именно у сибирских властей. Поэтому при попытке сформировать общероссийское правительство бюджетный вопрос был поставлен в необычную плоскость. Директория, рассчитывавшая быстро объединить весь восток России, обозначила проблему слишком неравномерного распределения денежных ресурсов между разными областными правительствами, подразумевая относительное денежное изобилие Временного сибирского правительства и недостаток средств в других регионах и у остальных региональных государственных образований. Необходимо, полагали члены Директории, аккумулировать все средства в центральных учреждениях, для чего постановили вызвать в Уфу управляющего ведомством финансов Комуча Д.Ф. Ракова и товарища сибирского министра финансов Н.Д. Буяновского для обсуждения вопроса о создании Центрального финансового управления. Вместе с тем, было отмечено ужасное состояние финансовой части Комуча. Директория решила запросить поволжское правительство о состоянии денежной наличности и месячных расходах⁶¹. Никто из призванных не поспешил явиться, и запланированное совещание не состоялось.

Уже в Омске, отчитываясь перед Директорией 8 ноября 1918 г., И.А. Михайлов признал, что не может предсказать, какой объём денежных средств понадобится на ноябрь и декабрь. Министр обратил внимание на то, что сметы до сих пор нет ни по одному учреждению. Причем Временное сибирское правительство не ожидало, что у него будет такая большая армия и громадная территория и не было готово к тем расходам, какие приходилось нести⁶².

Вопрос вскоре отпал сам собой. Государственный переворот 18 ноября 1918 г. разрешил все проблемы, и отныне на востоке России появилась единая государственная казна. С этого времени начинает формироваться совершенно другой масштаб государственного регулирования, подстать огромной территории, которой располагал колчаковский режим, и его

⁶⁰ ЦХАФАК, ф. 190, оп. 1, д. 131, л. 35–35об.

⁶¹ ГАРФ, ф. Р-180, оп. 1, д. 27, л. 3.

⁶² Там же, л. 74–74об.

армии – одной из трех крупнейших армий периода гражданской войны, находившейся в стадии формирования и развертывания боевых действий одновременно. На территории, подвластной Российскому правительству, вопросы формирования государственного бюджета на местах находились в ведении более двух десятков казенных палат.

Во второй половине лета – осенью 1918 г. административные штаты раздувались, и статьи расходов на государственный аппарат непрерывно повышались. Смету Военного министерства было невозможно составить даже приблизительно. Ещё в начале своей деятельности Временное сибирское правительство воспроизвело дореволюционный тип финансирования военных расходов. Был создан специальный военный фонд. В него отпускались авансом крупные суммы, которые по мере истощения фонда пополнялись. Это происходило в то время, как другие ведомства испытывали непрерывный дефицит средств и не имели возможности получить их. Поначалу сверхсметные расходы поступали на утверждение Министерства финансов, но 20 февраля 1919 г. эту процедуру решили упростить, представляя их сразу на заседании Совета министров Российского правительства, который их обычно утверждал без обсуждения⁶³.

Формирование обыкновенного бюджета в таких условиях было мало результативным. Даже попытки систематизировать информацию о том, что уже израсходовано, хотя и предпринимались, но вяло. Поэтому важнейшая государственная задача – составление сводных смет расходов за второе полугодие 1918 г. – была поставлена лишь в конце года, но не выполнена даже через год. Естественно, что подавляющая часть расходов происходила в чрезвычайном порядке.

Летом 1919 г. начало работу совещание по составлению бюджета на 1919 г. Каждое ведомство представляло свои сметные предложения, которые строго подвергались сокращению. Следующим этапом стало обсуждение этих смет в бюджетной комиссии Государственного экономического совещания. Но всю эту процедуру прошли только некоторые главные управления и департаменты и единственное министерство – земледелия и колонизации⁶⁴.

В сентябре 1919 г. министр финансов Л.В. фон-Гоьер докладывал Государственному экономическому совещанию, что лишь некоторые ведомства подали окончательные сметы за второе полугодие прошлого года. Часть остальных смет Министерство финансов реконструировало по отчетным данным. Но это удалось сделать для наименее капиталоемких ведомств. Ни Министерство путей сообщения, ни Министерство торговли и промышленности, ни, тем более, Военное министерство не смогли сфор-

⁶³ Автор не располагает протоколом этого заседания Совета министров Российского правительства и вынужден доверять косвенному источнику. — ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 29.

⁶⁴ Там же, оп. 3, д. 1, л. 1–34, 49–105.

мировать сметы произведенных расходов. Расходы за 1919 г. совершенно не поддавались контролю. Л.В. фон-Гойер отмечал, что ведомства, имевшие наибольшие расходы, медленнее всего подают данные о них⁶⁵. Удавалось проследить только совокупные доходы и расходы, так как их можно было легко подсчитать по сводному балансу касс отделений Государственного банка и казначейств.

За время существования контрреволюционных правительств их реальные доходы складывались главным образом из налоговых поступлений. Повсеместно, за исключением Сибири, их объем был ничтожен, но, к сожалению, и отчетность по ним находилась в неудовлетворительном состоянии, что не позволяет четко представить их долю в доходах Комуча, Временного областного правительства Урала и других государственных образований востока России. Были ещё поступления от продажи вина, доходы от эксплуатации железных дорог и казенного леса, вероятно, более существенные, чем налоговые. Необходимо отметить, что последние две статьи, конечно, приносили доходы в казну, но сами по себе эти направления хозяйственной деятельности были убыточными. Министерство финансов Временного сибирского и Российского правительств обладало достаточно полной информацией о своих налоговых поступлениях. Возможно, что часть сведений о доходах региональных правительств была включена в общероссийские сводки, так как отчетные данные всех казенных палат суммировались. Но никаких более точных сведений по этому поводу нет. До августа 1919 г. составлялись сводные данные. На более поздний период информация отсутствует, но и налоговые сборы за это время сильно сократились, несмотря на инфляцию. Налоговая политика сибирской контрреволюции исследована достаточно подробно⁶⁶, что позволяет воспользоваться уже опубликованными данными о структуре налоговых поступлений (см. Приложение, табл. I, II).

Статистика Министерства финансов дает сведения об основных источниках доходов с августа 1918 по февраль 1919 г. До мая 1919 г. доходы отражены уже отрывочно. Зато есть четкое соотношение государственных доходов и расходов по май 1919 г. Известен также приблизительный бюджет до конца года. В табл. III (см. Приложение) аккумулированы доходы и расходы за все предшествовавшие месяцы, что позволило выявить и помесечное нарастание бюджетного дефицита. Нетрудно заметить, что налоги, собранные за 13 месяцев, не компенсировали суммы, увезенные сторонниками советской власти из кредитных учреждений востока Рос-

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 41, л. 29об.

⁶⁶ Дмитриев Н.И. Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4. С. 210–216; Рышков В.М. Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918 – 1919 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1: Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 65–95.

сии. Причем речь идет о сравнении номинальных сумм, реальные же налоговые поступления, пересчитанные в сопоставимых ценах, были значительно ниже.

Известно зато, что летом 1919 г. при Министерстве финансов действовала бюджетная комиссия, которая определила приблизительно доходную часть бюджета на 1919 г. в сумме 4 064 млн руб. В сентябрьском докладе Л.В. фон-Гоёера Государственному экономическому совещанию сообщалось, что сводка доходов по 11 казенным палатам в первом полугодии 1919 г. учла доход в 724 млн, не считая доходов от железных дорог и таможенных пошлин. Грубый подсчет позволил министру определить поступления от последнего источника в 100 млн. Доходы же от железных дорог по сметам Министерства путей сообщения должны были составить за год 1400 млн, или 700 млн за полугодие, что сам министр считал сильно преувеличенной информацией. Поэтому вместо получившихся в итоге 1500 млн, глава финансового ведомства счел, что вероятнее всего доход за первое полугодие составил не более 1300 млн⁶⁷. Характерно, что точнее доходов государства никто не знал. В том же докладе Л.В. фон-Гоёер отметил, что в связи с закрытием казенной продажи спиртных напитков в Омском и Томском акцизных округах и потерей Урала летом 1919 г., годовой доход едва ли составит 3 млрд. Естественно, Л.В. фон-Гоёер исходил из неоправданных надежд, в действительности поступления в бюджет осенью почти полностью прекратились. Недаром министр финансов П.А. Бурыйшкин, сделавший аналогичный доклад на Государственном экономическом совещании 17 декабря 1919 г., определил общую сумму поступлений в бюджет в размере от 1,5 до 2 млрд. Из них налоги составляли 108 млн руб.⁶⁸

Обладая информацией о налоговых поступлениях, которые в июне 1919 г. сократились на четверть по сравнению с маем, в июле – на две пятых, в августе лишь чуть выросли, и несмотря на сильное падение реальной стоимости рубля, мы можем экстраполировать эти пропорции на остальные статьи государственных доходов, понимая всю условность этой операции⁶⁹ (см. Приложение, табл. II).

К такому же методу экстраполяции допустимо прибегнуть при реконструкции дальнейших доходов. Очевидно, что после августа 1919 г. реальные доходы правительства стали настолько ничтожны, что перестали оказывать влияние на его финансовое положение. Дальнейшее прогнозирование доходов и расходов в течение осени 1919 г. лишено всякого

⁶⁷ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 31.

⁶⁸ Там же, л. 149–150об.

⁶⁹ Метод экстраполяции очень ненадежен, но к нему прибегают историки макроэкономического развития России, сталкивающиеся с провалами в статистических данных или с несопоставимыми данными. — См., например: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М. 2003.

смысла, так как в условиях военной катастрофы их структура должна была сильно измениться, и никаких опорных данных для такой реконструкции нет.

В табл. III и IV (см. Приложение) представлено соотношение реальных доходов и расходов, продефлированных с учетом коэффициента падения стоимости рубля. Он получен на основании биржевого обменного курса. Однако знакомство с динамикой внутренних цен подталкивает к выводу, что полученные данные приукрашивают действительность, так как индекс потребительских цен на внутреннем рынке Сибири весной–летом 1919 г. свидетельствует о несколько большем падении курса рубля по товарному исчислению, чем по фондовому. Вопрос этот сложен и нуждается в специальном исследовании, но его результаты едва ли способны внести принципиальные коррективы в представленные статистические материалы и расчеты.

Разница доходов и расходов покрывалась за счет эмиссии денежных знаков. С сентября 1918 г. Временное сибирское правительство приступило к выпуску собственных денег (сибирских рублей). Его продолжило Российское правительство. Всего за время существования обоих правительств было напечатано около 15 млрд руб. По данным А.И. Погребецкого, общая эмиссия Омска составила 14 834 млн, (из них 12 731 млн – краткосрочными обязательствами, 638 млн – казначейским знаками и 1464 млн – облигациями государственных займов 1917 г. и купонами к ним)⁷⁰. До сих пор его сведения считаются наиболее авторитетными в историографии. Можно уточнить, что эта цифра почти совпадает с эмиссионным правом, предоставленным Государственному банку в соответствии с законодательством. Однако на деле Экспедиция заготовления ценных бумаг превысила эти лимиты ещё до эвакуации из Омска, отпечатав в общей сумме 12 859 млн сибирских рублей. В Иркутске было выпущено в обращение других денежных суррогатов на сумму примерно 400 млн руб.⁷¹ Итого получается 15 593 млн руб. Политический центр выпустил в начале 1920 г. ещё 1820 млн разных видов сибирских денег.

Всё это позволяет говорить о том, что мы обладаем необходимым минимумом сведений об эмиссии и выпуске в обращение антибольшевистскими правительствами денежных знаков. Информация о темпах эмиссии и выпуска в обращение краткосрочных обязательств за весну–осень 1919 г. представлена в табл. V (см. Приложение). До своей эвакуации в Восточную Сибирь Временное Сибирское и Российское правительства выпустили в обращение чуть более 8 млрд руб. Остальные отпечатанные деньги либо оставались ещё не переданными из Экспедиции заготовления

⁷⁰ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 8.

⁷¹ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 151об.

ценных бумаг, либо находились в отделениях Государственного банка или на пути к ним.

Чтобы правильно подсчитать увеличение объёма денежной массы на востоке России во второй половине 1918 – 1919 гг., необходимо учесть, что кроме краткосрочных обязательств Временное сибирское и Российское правительства выпустили 650 млн казначейских знаков и допустили обращение в качестве денежных знаков 1740 млн облигаций государственных займов 1917 г. и купонов к ним. Наравне с деньгами были допущены в обращение и государственные ценные бумаги с купонами более ранних выпусков. Но в отношении последних практически невозможно определить, какова доля государственного дохода от этой операции, а какую часть предъявили на рынок частные держатели этих ценных бумаг. В то же время в мае–июне 1919 г. была проведена операция по изъятию из обращения «керенок» в размере 1103 млн. В июле–августе 1919 г. Российское правительство обменяло краевые денежные знаки местного обращения⁷². Из 575 млн руб. подобных денег было обменено 116 млн. Поэтому общую эмиссию в 14 890 млн мы должны уменьшить на 1219 млн, что дает 14 474 млн руб. до падения Российского правительства и 16 294 до передачи Политическим центром власти Иркутскому военно-революционному комитету.

Особо следует сказать о попытках осуществить иностранный заем. 7 августа 1919 г. в Казани отрядами подполковника В.О. Каппеля была захвачена значительная часть Российского золотого запаса. Долгое время золото оставалось лежать в кладовых омского отделения Государственного банка, не будучи даже принятым на баланс. Тем не менее часть золотого запаса в 1905 млн зол. руб. была вывезена во Владивосток и продана или отдана под обеспечение займов иностранным банкам. Это были очень большие суммы в сравнении с сильно «полегчавшими» сибирскими рублями. Однако основная часть валюты, вырученной от золотого займа, не вернулась в Сибирь. Она пошла на финансирование расходов правительств Деникина, Юденича и Врангеля, работ Политического совещания в Париже, а в последующие годы – на ликвидацию финансовых обязательств российских дипломатических служб и обеспечение деятельности эмигрантских организаций⁷³. Лишь небольшая часть валюты от продажи и депонирования золота может быть отнесена в разряд доходов, полученных Российским правительством. Более точное определение этой части требует специального исследования.

⁷² Рынков В.М. Из истории финансовой политики контрреволюционных правительств Сибири // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX в.). Новосибирск, 1998. С. 74–89.

⁷³ Будницкий О. Деньги для «белого дела» // Исторические записки. М., 2004. Т. 7(125). С. 57–85.

Ещё один «дополнительный» источник денежных поступлений военных и гражданских властей – пожертвования населения. В отдельные моменты искренний порыв жертвовать свои сбережения на алтарь борьбы с большевиками был массовым. Часто жертвовали командирам конкретных частей, и поэтому учесть объем внесенных денег невозможно⁷⁴. Уполномоченный Комуча В.И. Лебедев сообщал, что при взятии Сызрани население пожертвовало для армии 550 тыс. руб., Симбирска – 5,5 млн руб., Казани – 8 млн руб.⁷⁵. Хотя В.И. Лебедев и опирался на заметки, сделанные в дни событий, мемуарист слишком склонен приукрашивать ситуацию. Документальных подтверждений этих фактов не выявлено. Известно, что в первые дни после антибольшевистского переворота в Сибири население пожертвовало для армии 72 335 руб., которые до февраля 1919 г. пролежали в банке⁷⁶.

Это не означает, что подобная участь постигла средства и других жертвователей. Все пожертвования можно разделить на два вида. Средства, предоставляемые адресно и без посредничества государственных органов, напрямую воинским частям или благотворительным учреждениям, как правило, использовались быстро и по назначению. Другая часть средств направлялась в государственные органы с указанием желательной статьи расхода, но не конкретного получателя. Их реализация могла задерживаться из-за бюрократических процедур. Ни те, ни другие благотворительные взносы учесть совершенно невозможно. В бюджете они отдельной строкой не прописывались. Крупнейшие организации востока России (церковь, кооперативные союзы, торгово-промышленные организации) отчисляли регулярные пожертвования из своих капиталов и оборотных средств⁷⁷. Деятельность по сбору пожертвований для формирования ижевцев и воткинцев приобрела характер масштабной рекламной акции. При поддержке Российского правительства посланцы этих дивизий в августе 1919 г. умудрились собрать значительные пожертвования непосредственно в Великобритании⁷⁸. Итак, добровольные пожертвования в основной своей массе не вносились в бюджет, однако являлись дополнительным источником поступления средств, иногда весьма значительным.

Основные статьи расходов восстановить гораздо труднее. В советской историографии всегда писали о том, что Временное сибирское и Россий-

⁷⁴ Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 65.

⁷⁵ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 19, 31, 45; Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России. 1928. № 8–9. С. 172.

⁷⁶ СУР РП. № 7. Ст. 98.

⁷⁷ Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 261; Эйнгорн И.Д. Колчаковщина и церковь // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Материалы науч. конф. Томск, 1970. Вып. 1. С. 47.

⁷⁸ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятаж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 329.

ское правительства щедро раздавали пособия капиталистам. В пример приводили сведения о деятельности Особого совещания по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение. Эти сведения облетели все газеты. Современников впечатлила и встревожила публикация данных о громадных, как им казалось, миллионных «подачках» частным предпринимателям. Большинство из них не подозревало, что государство давно уже оперировало миллиардными суммами. Нисколько не сгущая краски по сравнению с господствовавшим общественным мнением, гневно привел эти данные и большевик А. Масленников в своем докладе Сиббюро ЦК ВКП(б) летом 1919 г.⁷⁹ Именно эти данные и их интерпретацию, прозвучавшую в докладе, использовали советские историки, изредка дополняя их более поздними данными из газет. При этом все встречающиеся в историографии сведения о работе этого совещания носят отрывочный и крайне субъективный характер⁸⁰.

Между тем, реальную роль Особого совещания по финансированию установить не сложно. Важно лишь вписать его деятельность в контекст общей финансовой политики. Данный орган был образован в июле 1918 г., но лишь 26 декабря 1918 г. Совет министров принял положение об этом органе, а в январе расширил его права. Он стал обслуживать и запросы органов местного самоуправления⁸¹. Об итогах его кредитной деятельности можно судить из нижеследующих данных. За первые четыре месяца работы (с июля 1918 г.) совещание выдало около 100 млн руб. ссуд. К 1 апреля 1919 г. совокупный объем выданных кредитов возрос до 505 704 738 руб., к 1 июля 1919 г. – до 665 739 000 руб., а к 1 апреля 1920 г. – до 1 067 529 498 руб. (но 206 164 000 руб. остались не выданными)⁸². Известно, что в соответствии с приблизительным бюджетом в 1919 г. правительство рассчитывало оказать поддержку предприятиям на 1270 млн руб.⁸³ и, следовательно, Совещание не освоило предназначенный ему изначально объём бюджетных ассигнований. В первую очередь это следует объяснить резким сокращением производственной и инвестиционной деятельности предприятий востока России во втором полугодии 1919 г. Нужно отметить, что совещание было довольно жёстким филь-

⁷⁹ Масленников А., Рабинович И. Экономическое положение Сибири с тех пор как была свергнута советская власть // Борьба за Урал и Сибирь. М.; Л., 1926. С. 211.

⁸⁰ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 217; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 64; Спирын Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 22; и др.

⁸¹ СУР ВСП. № 23. Ст. 218, 219; Правительственный вестник. 1919. 24 янв.; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 61.

⁸² ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 116; ф. Р-197, оп. 5, д. 77, л. 3об; ф. Р-3816, оп. 1, д. 34, л. 5, 29, 109;

⁸³ Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.

ром. Утверждение В.А. Аверина, что Особое совещание не решало вопросов о целесообразности выдачи ссуд, но только определяло их размер⁸⁴, лишено всякого основания. Совещание, как указывалось в одном из его отчетов, «тщательно вникало в мотивы ходатайств, оценивало их значение»⁸⁵, проверяло обоснованность запросов, финансовое состояние и платежеспособность учреждения, подавшего ходатайство, запрашивало мнение специалистов и экспертов из центральных учреждений. Соотношение ссуд для разных типов организаций и учреждений, утвержденных Особым совещанием, существенно колебалось. Так, земствам и городам до 1 апреля 1919 г. досталось 4,7% от всей совокупности утвержденных ссуд, а с апреля по август 1919 г. – 15,2%, казачьим войскам – 10,7 и 2,5% соответственно. Поэтому давать оценки кредитной политике Российского правительства, основываясь на данных одного из промежуточных отчетов этого ведомства, как было принято в советской историографии, нецелесообразно. Итоговые результаты работы этого органа представлены в табл. VI Приложения.

Необходимо развеять миф о безудержном разворовывании казенных средств в антибольшевистский период при попустительстве правительств, который усердно создавала сначала большевистская пропаганда, а потом и советская историческая наука. Представители Государственного контроля, как правило, принимали активное участие в решении вопросов, касавшихся расходования средств, утверждения смет. Государственный контролер Временного областного правительства Урала Н.Н. Ипатьев дотошно просматривал все расходы, поступавшие на утверждение Совета правительства, в большинство из них он вносил изменения и сокращения. По его настоянию были также отклонены многие ходатайства о ссудах и ассигнованиях как недостаточно убедительные. Государственный контролер Комуца Г.А. Краснов был признан опытейшим финансовым работником и последовательно приглашался на эту должность Директорией и Российским правительством. В справке о рассмотрении ходатайств, поступивших в Особое совещание по финансированию с 1 апреля по 1 сентября 1919 г., значится 199 ходатайств. Из них 98 (почти половина) были отклонены и только 29 ходатайств удовлетворены в полной мере – остальные существенно сокращены⁸⁶. Попытки чрезвычайного революционного трибунала в 1920 г. инкриминировать Г.А. Краснову финансовые злоупотребления или халатность выглядели неубедительно. Они базиро-

⁸⁴ Аверин В.А. К вопросу о кредитовании... С. 71.

⁸⁵ ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 77, л. 5.

⁸⁶ Там же, ф. Р-3816, оп. 1, д. 34, л. 58–61об.

вались на подтасовке фактов и игнорировании инфляции при сопоставлении ассигнований за разные месяцы⁸⁷.

Основную часть ссуд получили частные железные дороги и пароходства, практически полностью выполнявшие государственные плановые перевозки, органы местного самоуправления и те промышленные предприятия, которые работали на нужды государства и, в первую очередь, фронта. Большинство таких предприятий находилось во временном казенном управлении. Следовательно, субсидированием частного торгово-промышленного аппарата выдачу этих ссуд можно назвать лишь условно. Частные по форме собственности предприятия получали деньги лишь в меру того, как обслуживали нужды казны. Важно также отметить, что через Особое совещание осуществлялись возвратные расходы. Некоторая часть ссуд гасилась продукцией или услугами финансируемых предприятий. Конечно, в условиях стремительной инфляции 8% годовых, под которые предоставлялось большинство ссуд, были выгодны для получателей. Информация о том, как происходил возврат выданных средств, отсутствует. По большинству ссуд срок возврата наступил уже после падения Российского правительства.

Между тем, ряд финансовых вопросов не проходил стадию межведомственного согласования и сразу поступал в Совет министров в виде готовых предложений. Механизм финансового контроля в этом случае не срабатывал. Как правильно отметил Л.В. Шумиловский на судебном процессе, никто не мог проверить правильность финансовых расчетов на самом заседании⁸⁸. Например, 7 ноября 1919 г. Совет министров представил министрам и их товарищам 50 000 руб. на представительские расходы. Их утвердили, даже не вникая в существо дела⁸⁹. Оговоримся, что для осени 1919 г. это были небольшие суммы.

Очень серьезно подтачивали бюджет неимоверно возраставшие расходы на содержание личного состава. По сведениям министра финансов, летом 1919 г. в бюджет закладывались отчисления на зарплату государственным служащим в сумме 1200 млн руб. Дважды выплаченные полуторамесячные пособия составили 580 млн руб., а пересчет окладов в соответствии с прожиточным минимумом, произведенный в октябре, но предусматривавший оплату труда по новым ставкам с 1 августа 1919 г., расширил эту статью расходов ещё на 1000–1200 млн. Итого получалось около 3 млрд руб. на содержание служащих⁹⁰. На обсуждении проекта увеличения заработной платы государственным служащим и рабочим казенных

⁸⁷ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 95–97, 113, 183–184, 187, 249, 532.

⁸⁸ Там же. С. 113.

⁸⁹ Там же. С. 183.

⁹⁰ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.

предприятий приводились другие, очень важные сведения. Ежемесячные выплаты составляли 118 млн руб. на содержание личного состава армии и 177 млн руб. – на содержание гражданских ведомств. С мая 1919 г. раз в два месяца выплачивалась месячная надбавка, что в среднем увеличивало объём выплат на 50%, или до 342 млн руб.⁹¹ Из этой информации явно следует лишь одно – за несколько месяцев объём предполагаемых выплат мог колебаться в сторону трехкратного увеличения.

Главной статьёй расходов являлось финансирование военного фонда через Военное министерство и Министерства продовольствия и снабжения. Военный фонд подразделялся на две графы – расходы, косвенно сопряженные с военными действиями, и непосредственные расходы армии. К первой графе относили выплату пособий семьям военнослужащих, ремонт поврежденных коммуникаций. Как отмечал Г.А. Краснов, если смета представлялась заранее, как правило, государственный контроль считал её завышенной и предлагал сократить в 3 раза⁹². Но обычно выдачи осуществлялись путём отпуска значительных авансов, отчетность по которым представлялась задним числом и проверить её было трудно. В соответствии с докладом министра финансов от 13 декабря 1918 г. с 1 октября по 31 декабря 1918 г. в военный фонд было отпущено 405 млн руб.⁹³ По более поздней информации того же министра, за период с 1 июня по 31 декабря 1918 г. было выдано 320 421 797 руб. Всего же до апреля 1919 г. по военному фонду запрашивалось 2 741 480 000 руб., из которых 1 100 000 000 руб. – на заготовки министерств продовольствия и снабжения. Но выдано было всего 1 121 755 000 руб.⁹⁴ Собственным распоряжением министр финансов осуществлял авансирование военного фонда в 1919 г. в следующих объемах⁹⁵:

С 1 июля по 31 декабря 1918 г.	421 млн руб.
22 февраля	300 млн
11 марта	200 млн
15 марта	300 млн
8 апреля	300 млн
29 апреля	500 млн
26 мая	100 млн
28 мая	300 млн
4 июня	500 млн
10 июня	500 млн
28 июня	1000 млн

⁹¹ Там же, оп. 3, д. 1. л. 47–48.

⁹² Процесс над колчаковскими министрами. С. 269.

⁹³ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 29, л. 177;

⁹⁴ Там же, оп. 5, д. 99, л. 1; ф. Р-189, оп. 4, д. 900, л. 52.

⁹⁵ Правительственный вестник. 1919. 3 янв., 2 авг., 13 сент.

2 июля	200 млн
16 июля	150 млн
1 августа	3550 млн

В отношении последней суммы указано, что эти авансы были выданы в период с апреля до первой половины июля 1919 г. 5 сентября Совет министров Российского правительства впервые отклонил просьбу военного министра о пополнении военного фонда на 500 млн руб.

Таким образом, можно предположить, что через военный фонд было отпущено в общей сложности 8521 млн руб., однако эта цифра превышает сумму совокупных государственных расходов и, следовательно, не может внушать доверия.

Вместе с тем, имеются сведения о том, что с июля 1918 г. по апрель 1919 г. Совет министров отпустил в военный фонд 1121 тыс., а по разрозненным сведениям за этот период было отпущено 1221 млн руб. Двойной подсчет очевиден. Точно так же разрозненные сведения за апрель–июль говорят об отпуске 3750 млн руб., а общий перечень за этот период, утвержденный 1 августа, свидетельствует только об отпуске 3550 млн. Исходя из вышеперечисленных обстоятельств, можно считать наиболее достоверным отпуск за период с июля 1918 г. по июль 1919 г. 4721 млн руб., что составляет 58% расходов правительства за этот период и практически совпадает с суммой выпущенных к этому времени в обращение сибирских денег (см. Приложение, табл. VII). Любопытный факт – эмиссионного дохода хватало, чтобы покрыть военные издержки.

Несколько иные сведения сообщил министр финансов Л.В. фон-Гоьер Государственному экономическому совещанию. От отметил, что по первой графе (косвенные военные расходы) пришлось выделить 500 млн, и в ближайшее время будет выделено ещё 100 млн руб. По второй же графе в январе–марте 1919 г. было отпущено 1300 млн руб., с апреля до конца июня – ещё 2100 млн руб., а всего за полгода – 3863 млн руб. Причем на 1 июля – 2 октября Военное министерство запросило 5 млрд. Итого расходы военного фонда должны были составить за 9 месяцев 1919 г. 8860 млн руб.⁹⁶ Из источника не очень понятно, каким образом была получена эта сумма. Министр финансов отметил, что значительная доля отпускаемых средств не соответствует действительным расходам армии и ассигнуется напрасно. «Перечни военного фонда отличаются большой неточностью и основаны на крайне преувеличенных цифрах»⁹⁷. По словам министра, главы военного ведомства, за исключением генерал-лейтенанта М.К. Дитерхса, препятствовали усилиям Государственного контроля по выяснению реальной численности армии. Причем, если ле-

⁹⁶ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 33.

⁹⁷ Там же, л. 35об.

том перечни рассчитывались, исходя из численности личного состава в 800 тыс. чел., то на осень – уже исходя из 1 млн чел. при 300 тыс. лошадей⁹⁸.

В сентябре 1919 г. военные уверяли, что в случае отпуска в военный фонд 5 млрд им должно хватить средств до конца года. В декабре 1919 г. П.А. Бурыйшкин огласил уточненные данные расходов по военному фонду. Он сообщил, что в 1918 г. было израсходовано 674 млн, за первые три месяца 1919 г. – 1325 млн, с апреля по июнь – 3369 млн (что близко к нашим подсчетам), с июля по октябрь – 3832 млн и с 1 октября по 7 декабря – 2347 млн. Сведения о военных расходах за первую половину 1918—1919 гг. приведены в табл. VII Приложения. К концу года сумма должна была ещё существенно возрасти и, по его предположениям, в последний квартал года армия должна была израсходовать опять не менее 3 млрд руб.⁹⁹ В результате получалась внушительная сумма военных расходов – 12 200 млн. Эти сведения прозвучали в докладе министра финансов и никак не были подтверждены документально. Обращает на себя внимание тот факт, что с завидной периодичностью министры финансов сообщали всё более высокие данные об уже давно произведенных расходах. Очевидно, что они постоянно уточнялись. Поздние списки ассигнований, поданные на утверждение Совета министров, включали в себя неоплаченные старые расходы наряду с ещё предстоящими. Вероятнее всего, что в силу хаотичности в делопроизводстве ассигнования выделялись с большим опозданием, и значительная часть заявленных на второе полугодие сумм так и не была выделена.

Масштабным было также финансирование заготовительных операций министерств продовольствия и снабжения, объединенных с 20 декабря 1918 г. Существует перечень сумм, отпущенных в распоряжение этих ведомств с момента основания (июль 1918 г.) до 13 октября 1919 г., из которого следует, что за 1918 г. им было выделено 388 822 тыс. руб., а за девять с половиной месяцев 1919 г. – ещё 1 635 939 тыс. руб. Причем почти все упомянутые в списке отпуска были осуществлены до июля 1919 г. включительно¹⁰⁰. По утверждению Л.В. фон-Гойера, Министерство продовольствия и снабжения, не имевшее собственного бюджета и испрашивавшее средства по мере надобности у Министерства финансов, к сентябрю 1919 г. израсходовало более 2 млрд руб., совершенно не представив за них отчетов¹⁰¹. Спустя три месяца другой министр финансов, П.А. Бурыйшкин, сообщал в своем докладе о том, что Министерство продовольствия и снабжения израсходовало на заготовки около 3 млрд, из которых

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, л. 148.

¹⁰⁰ Там же, л. 259–260об.

¹⁰¹ Там же, л. 30об.

половина прошла по военному фонду, остальное было получено непосредственно от Министерства финансов¹⁰².

Значительная часть этих средств шла на снабжение армии и отпускалась через военный фонд. Известно, что до апреля 1919 г. около 40% средств, запрашиваемых военным министром в свой фонд, предполагалось расходовать на закупки продовольствия, медикаментов и интендантского довольствия централизованно через структуры Министерства продовольствия и снабжения. Но более точно подсчитать, в какой степени расходы этого министерства совпадали с расходами военного фонда, не представляется возможным.

Вопреки расхожему мнению о том, что антибольшевистские власти тратили огромные суммы на пропаганду и идеологическую борьбу с большевизмом, действительность рисует прямо противоположную картину. Так, созданный в мае 1919 г. Особый отдел в структуре управления делами Верховного правителя, отвечавший за контрпропаганду в Красной армии, до октября 1919 г. получил 12 623 тыс. руб.¹⁰³.

Точно также более реально можно оценить масштаб финансирования эвакуационных мероприятий в конце лета 1919 г. 1 августа Совет министров Российского правительства выделил на помощь беженцам 19 млн руб., а 21 августа передал Российскому Красному кресту из военного фонда 15 млн руб.¹⁰⁴, 11 августа на дезинфекционные и санитарные работы было отпущено 85 млн руб.¹⁰⁵ На строительство барачков для беженцев по линии железной дороги выделили сначала 100 млн руб., потом увеличили эту сумму до 400 млн руб.¹⁰⁶ Только казенные палаты отпустили наличными на чрезвычайные расходы, связанные с эвакуацией летом – осенью 1919 г., примерно 1,5 млрд руб.¹⁰⁷ Но, делая расчеты о расходах на осень 1919 г., необходимо учесть, что рубль в Сибири упал в августе–сентябре до 2 коп., в октябре – до 1,5 коп, в ноябре – до 1–0,5 коп. Деньги, выделенные в августе, через два месяца стоили только четверть от первоначально выделенной суммы.

Большим недостатком статистических данных является отсутствие сведений о расходах на железнодорожный транспорт. Восстановить их по отрывочным данным нет никакой возможности, так как, с одной стороны, с 1 апреля 1919 г. тарифы на железнодорожные перевозки были повыше-

¹⁰² Там же, л. 147об.

¹⁰³ Посадков А.И. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 165.

¹⁰⁴ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 99, л. 49об.

¹⁰⁵ Правительственный вестник. 1919. 11 сент.

¹⁰⁶ Если Л.В. фон-Гойер в сентябре 1919 г. утверждал, что эти ассигнования проходили по военному фонду, то П.А. Бурышкин в декабре 1919 г. сообщил, что деньги были выделены по чрезвычайной смете МВД.

¹⁰⁷ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 147.

ны (грузовые – в 9 раз, пассажирские – в 3 раза), что должно было существенно увеличить доходы от эксплуатации железных дорог. 1 августа 1919 г. произошло ещё одно, двукратное повышение тарифов¹⁰⁸. Но, с другой стороны, часть грузов перевозилась по льготным тарифам или с отсрочкой платежа, а нередко просто нелегально. Железные дороги были важнейшим звеном распространения неплатежей в сибирской экономике. Всё это лишает смысла всякие экспертные оценки, экстраполяцию отрывочных данных на всю статью расходов. Составленная в августе 1919 г. справка информировала, что ежемесячные расходы Российского правительства на эксплуатацию железных дорог составляют около 110 млн руб.¹⁰⁹ П.А. Бурыйшин в декабре 1919 г. сообщил, что смета, составленная МПС, предполагала получить доход от эксплуатации железных дорог в сумме 1250 млн руб., но эти ожидания совершенно не оправдались. Зато он точно указал расходы МПС – 2374 млн руб., и это была третья по величине статья расходов после военного ведомства и Министерства продовольствия и снабжения¹¹⁰. По смете МВД было израсходовано около 1 млрд руб. на работу почты и телеграфа¹¹¹.

Общая сумма расходов, ожидаемых к концу года, по данным П.А. Бурыйшиной, должна была составить 24 млрд руб. В бюджет были заложены ещё 3 млрд на оплату государственного долга, но эту статью включили в смету для пропагандистского эффекта и не пытались реализовать¹¹². Такой общий итог может показаться странным и противоречащим информации о доходах правительства – реальных 1,5–2 млрд руб. и чуть более 13 млрд руб. эмиссионных поступлений. Однако это не должно смущать. Следует учесть ситуацию дефолта. Разница между совокупными доходами и расходами составляет прирост внутреннего долга. Государство, в первую очередь, его армия, а также и эвакуируемые предприятия и учреждения, свободно расходовали ресурсы, оформленные в качестве предполагаемых расходов, но оставшиеся непоплаченными. Можно, конечно, допустить, что часть полученного государством в долг так и осталась не использована по назначению и, следовательно, либо вернулась владельцам, либо досталась советской власти. Но перевести эту гипотезу в стоимостное выражение едва ли решится кто-нибудь из исследователей. В отсутствие точных финансовых документов обо всем можно только догадываться.

¹⁰⁸ Друг деревни (Томск). 1919. 1–15 авг.; Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 июля.

¹⁰⁹ ГАРФ, ф. Р-157, оп. 1, д. 3, л. 104.

¹¹⁰ Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 147, 150об.

¹¹¹ Там же, л. 148об.

¹¹² Там же, л. 148.

Банки. Финансы органов местного самоуправления

Банки – одно из центральных звеньев функционирования рыночной экономики. Лидеры антибольшевистского движения хорошо понимали значение банковской системы и поэтому приложили немало усилий для её реанимации. Денационализация кредитных учреждений была произведена раньше, чем торговых и промышленных предприятий. Комуч принял специальный приказ (№ 16 от 12 июля 1918 г.) о денационализации банков¹¹³. Временное сибирское правительство 2 июля 1918 г. специально рассматривало этот вопрос и постановило принять скорейшие меры к восстановлению деятельности частных банков¹¹⁴. Обычно крупнейшие банки возобновляли свою деятельность через две–три недели после свержения в городе советской власти: в Самаре – в конце июня¹¹⁵, в Иркутске – в начале августа¹¹⁶, в Екатеринбурге – в конце августа¹¹⁷, в Прикамье – в феврале 1919 г.¹¹⁸ Осенью 1918 г. на востоке России действовало 5 отделений Волжско-Камского банка, 7 отделений Московского народного банка. Банковская статистика свидетельствует о росте балансов, увеличении активных операций¹¹⁹. Причем, например, Московский народный банк в конце 1918 – начале 1919 г. открыл ещё 5 отделений¹²⁰. Всё это, вроде бы, указывает на благоприятные условия для работы банковских структур. Но с этой информацией разительно не совпадают газетные сводки, фиксировавшие ситуацию глазами улицы: очереди, ажиотаж. Если учитывать инфляционные процессы, банковское оживление окажется весьма относительным, возможным лишь после и на фоне советского затишья. Приток частных вкладов был минимальным, в основном банки привлекли на свои текущие счета оборотные средства предприятий, активизировавших свою деятельность. Население воспользовалось возобновлением работы банков, прежде всего, чтобы забрать деньги со старых счетов и вкладов. Иркутские банки, например, осенью 1918 г. могли удовлетворить только около 10% потребностей населения в наличных деньгах¹²¹. Чтобы уберечь банки от немедленного банкротства, власти позволили ограничить выдачу денег по текущим счетам: в Поволжье 150 руб. в неделю, в Сибири 100–200 руб.

¹¹³ Приказы Комуча. С. 11.

¹¹⁴ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 43, л. 14–14об.

¹¹⁵ Наш день (Самара). 1918. 29, 30 июня.

¹¹⁶ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск, 1994. С. 337–338.

¹¹⁷ ГАСО, ф. Р-569, оп. 1, д. 18, л. 33.

¹¹⁸ Освобождение России (Пермь). 1919. 1, 12 февр.

¹¹⁹ ГАИО, ф. И-703, оп. 1, д. 10, л. 25, 29, 30, 31. Приблизительные результаты деятельности Иркутского отдела Московского народного банка (Помесячные сводки дебетовых операций за вторую половину 1918 г.).

¹²⁰ Томский кооператор (Томск). 1919. № 14–15. С. 18; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 8 нояб., 29 дек.

¹²¹ ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 5, л. 2.

в день на вкладчика¹²². Для расчетов по крупным операциям допускалась выдача вместо денег чеков Государственного банка, сроком в 10–30 дней¹²³. В таком положении не было ничего необычного для населения – при большевиках всю первую половину 1918 г. часто действовал режим ограничения выдачи денег с личных вкладов, а нередко практиковался и полный запрет выдач¹²⁴. При советской власти не только местные органы управления, но и сами банки порой ограничивали выдачу с текущих счетов, ссылаясь на плачевное состояние кассы¹²⁵. С изгнанием большевиков финансовая ситуация продолжала ухудшаться, хотя все жесткие запреты были сняты. Во второй половине 1918 г. на фоне этой общей плачевной картины могли быть и исключения. Например, Тарский городской банк переживал мощный приток средств на текущие счета, которые едва удавалось разместить¹²⁶.

Слабость банковской системы на востоке России нельзя объяснить только негативными последствиями банковской политики большевиков, результаты которой склонны были преувеличивать как современники, так и советская и даже постсоветская историография¹²⁷. Сразу после свержения советской власти были организованы обследования состояния банков. Они выявили, что большевики, не сведущие в кредитных отношениях, не успели и просто не смогли серьезно навредить банковской сфере. Во многих случаях национализация проводилась формально. Проблемы состояния кредитно-банковской сферы востока страны в значительной степени имели объективный характер. Следует учесть традиционную в России слабость провинциальных негосударственных банков и местных филиалов столичных банков¹²⁸. Лишившись подкреплений из центра, они оказались бессильны. К тому же часть активов дореволюционных банков составляли акции промышленных предприятий. Война и революция приве-

¹²² ГАРФ, ф. Р-341, оп. 1, д. 37а, л. 66об.; ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 5, л. 2; ф. Р-2, оп. 1, л. 54–55; Вестник Комуча (Самара). 1918. 19, 21 июля; Русская речь. 1918. 29 нояб.; Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 27 окт.; и др.

¹²³ ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 51, 53об.

¹²⁴ ГАТО, ф. 150, оп. 1, д. 1006, л. 4; ф. 314, оп. 1, д. 12, л. 7.

¹²⁵ Доклад Правления общественного Сибирского банка Поповых в Томске Томской городской думе. Б.м., 1919. С. 6.

¹²⁶ Кириллов А.К. Городские банки Сибири. 2-я четверть XIX начало XX века. Новосибирск, 2003. С. 105.

¹²⁷ Волкова Г.К. Деятельность большевиков Западной Сибири по национализации банков (декабрь 1917 – май 1918 г.) // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. Кемерово, 1967; Сербин А.И. Национализация банков и транспорта Советами Сибири в первой половине 1918 г. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 26–30.

¹²⁸ В 1917 г. доля провинциальных акционерных коммерческих банков в общем балансе акционерных коммерческих банков России составляла 12,2%. Остальное приходилось на столичные банки. — См.: Шепелев Л.Е. Акционерные банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 165.

ли к разорению предприятий, и фондовые ценности, оставаясь в портфелях банков, обесценились.

Режим крайней экономии и повышение процента по вкладам на текущих счетах на 1–2% позволили осенью 1918 г. собрать небольшую наличность в кассах банков для возобновления активных операций. Но это были средства торгово-промышленных учреждений, возобновивших использование банковских счетов. Отлив денег частных вкладчиков, несмотря на предпринимаемые усилия, продолжался¹²⁹. Существенно оживить финансовый рынок, а уж тем более вернуть престиж банковской деятельности в условиях денежного дефицита было невозможно. Кредитная деятельность частных банков во второй половине 1918 г. оставалась убыточной¹³⁰. Связь между банками разных регионов отсутствовала. Меры по стимулированию кредитной активности, такие, как разрешение ссуд под залог государственных процентных бумаг, хранящихся в Государственном банке, утвержденное Административным советом Временного сибирского правительства 14 сентября 1918 г.¹³¹, мало изменили положение.

В конце 1918 г. в Томском Комитете Представителей акционерных коммерческих банков обсуждалось катастрофическое положение банков. Звучали предложения об одновременном закрытии всех отделений в связи с полным истощением ресурсов. После короткого осеннего оживления, в конце 1918 г. банковские операции вновь стали сокращаться и приносить всё большие убытки, дефицит балансов усиливался. Главной причиной стало отсутствие наличности¹³². 27 декабря 1918 г. Совет министров утвердил выделение огромного кредита в 100 млн руб. частным банкам на раскрепощение пассивов¹³³.

Т а б л и ц а 2 . 2

Баланс банковских учреждений востока России в 1919 г. (млн руб.)

	1 января 1919 г.	1 июля 1919 г.	1 августа 1919 г.
Баланс Госбанка	679	2083	2878*
Суммарный баланс акционерных коммерческих банков	548	888	1085

Источник: ГАРФ, ф. 143, оп. 1, д. 208, л. 7об.

*Данные на 1 сентября.

¹²⁹ ГАИО, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 68–70.

¹³⁰ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. М., 1998. С. 189.

¹³¹ СУР ВСИ. № 12. Ст. 114–115; ГАРФ, ф. 131, оп. 1, д. 103, л. 13–13об.

¹³² ГАТО, ф. 197, оп. 1., д. 78, л. 1–4.

¹³³ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 83.

В связи с нехваткой наличности как в коммерческих банках, так и в отделениях Государственного банка, действовал порядок, по которому крупные переводы в большинство пунктов страны сопровождалась пересылкой наличности. Причем, не полагаясь на почту, банки старались пользоваться курьерской службой Государственного банка. Министерство финансов само 1 августа 1918 г. рекомендовало отделениям Государственного банка требовать подкрепления наличными деньгами всех переводов на сумму свыше 20 тыс. руб.¹³⁴ Главное управление Государственного банка циркулярами от 15 января, 11 марта и 10 мая 1919 г. пыталось пресечь требование с клиентов наличных для денежных переводов, отмечая, что предыдущая рекомендация носила временный характер. Но в отсутствии наличности отделения шли на нарушение этих предписаний¹³⁵. Государственный банк гордо рапортовал, что в 1919 г. смог восстановить переводные операции в Архангельск, Одессу и Екатеринодар. Только задолженность по таким переводным операциям составляла на 1 января 1919 г. 30 млн руб., а на 1 июля – 70 млн руб.¹³⁶

Чтобы создать юридическую базу для более свободной деятельности отделений общероссийских банков на территории востока России, 14 марта 1919 г. Совет министров Российского правительства утвердил положения о временных дирекциях Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Петроградского международного коммерческого банков. Управляющие отделений, действовавших на территории востока России, получили право избрать своей властью Временную дирекцию, полномочную осуществлять управление банком как единым целым в отрыве от головного отделения, оставшегося в столице¹³⁷. Нужно отметить, что ещё до внесения поправок в акционерное законодательство, банкиры сами попытались организовать и выработать условия возрождения деятельности кредитно-банковских учреждений. Так, на Поволжском съезде банковских деятелей в конце лета 1918 г. были самочинно выбраны новые временные дирекции столичных банков, пересмотрены оклады должностных лиц. Всё это вводилось явочным порядком и лишь несколько месяцев спустя получило законодательное закрепление¹³⁸.

В 1919 г. для усиления кредитной активности Министерство финансов внесло ряд изменений в правила залоговых операций. Так, была расширена номенклатура товаров, под которые Государственный банк осуществлял подтоварные кредитные операции. Упростилась операция выдачи кредитов под транспортные документы. С 10 апреля 1919 г. в 3–5 раз бы-

¹³⁴ ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 553, л. 105–105об.; ГАИО, ф. 38, оп. 3, д. 5, л. 6.

¹³⁵ ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 553, л. 105–105об., 124; ф. 197, оп. 1, д. 83, л. 39.

¹³⁶ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 114; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 14–14об.

¹³⁷ СУР РП. № 10. Ст. 161–163.

¹³⁸ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917—1922. М. 1998. С. 180.

ли увеличены нормы выдачи подтоварных и вексельных кредитов, разрешаемых собственной властью местных отделений Государственного банка. Решениями от 29 апреля и 7 июля – ещё в 5–15 раз. Государственный банк возобновил выдачу ссуд под залог ценных бумаг, сданных на хранение, в размере 25% (с марта 1919 г. – 50%), но не более 3 тыс. руб. в год. Показательно, что объем кредитования коммерческих операций вырос по сравнению с довоенным временем с 9 до 16% от баланса, но если до войны Государственный банк двукратно покрывал свои активные коммерческие операции частными вкладами, то теперь – трехкратно. Следует учесть, что прирост баланса Государственного банка, как и акционерных банков, отставал от падения рубля, покрывая около 60% инфляции. Этим только и объясняется удельный рост коммерческих операций в структуре банковского баланса. Пятую часть коммерческих кредитов Государственного банка составляли кредиты, выдававшиеся акционерным коммерческим банкам, которые на государственные деньги посредничали в выдаче коммерческих кредитов¹³⁹.

Государственная система кредитных учреждений была более мощная, чем коммерческая. В начале 1919 г. на востоке страны действовало 30 отделений Государственного банка Сибири (готовились открыть ещё 10 отделений), 112 центральных сберегательных касс (с 18 городскими отделениями), 1149 почтово-сберегательных касс и 250 станционных железнодорожных отделений¹⁴⁰. Коммерческие банки настойчиво требовали от государства ссуду на «раскрепощение», т.е. чтобы в полную силу запустить коммерческое кредитование объемом в 1 млрд руб. И.А. Михайлов обещал в конце 1918 г. 300 млн руб., однако реально на эти цели было выделено, как уже отмечалось, 100 млн руб.¹⁴¹ К лету 1919 г. 8 дирекций акционерно-коммерческих банков получили из этой суммы только 74,5 млн руб. кредитов¹⁴².

Повысить процент по срочным вкладам банки могли очень незначительно (с 4–6 до 5–8%), и это мало стимулировало частных вкладчиков сохранять наличность от инфляции в кредитных учреждениях. Ведь реальный процент по вкладам, равный номинальному проценту за вычетом инфляции, был всё равно отрицательный. Тем не менее, в первой половине 1919 г. на востоке России действовало 9 российских акционерных коммерческих банков и 118 городских общественных банков, возникло не-

¹³⁹ СУР ВСП. № 12. Ст. 112; Правительственный вестник. 1919. 20 марта; ГАРФ, ф. Р-143, оп. 4, д. 4, л. 75, 101, 103, 179; оп. 1, д. 208, л. 3об.–7; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 140, л. 52–52об.; ф. 38, оп. 3, д. 5, л. 90; Наша заря (Омск). 1919. 7 марта; Заря (Омск). 1919. 7 марта; Русская армия (Омск). 1919. 8 марта; Эхо (Владивосток). 1919. 17 июля.

¹⁴⁰ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 25.

¹⁴¹ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 2 февр.; Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 7 марта; Русская армия. 1919. 18 июня; Заря. 1919, 19 июня; Наша заря. 1919. 17 июня.

¹⁴² ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 7.

сколько новых акционерных коммерческих банков, уставы двух были утверждены Министерством финансов, несколько банков открыли новые отделения на Дальнем Востоке. Особенно активны были отделения иностранных банков, которых насчитывалось 7¹⁴³. Это связано с получением государственных кредитов и возможностью банков осуществлять пассивные операции.

В 1919 г. банки очень активно практиковали подтоварные залоги, выдавая ссуды кооперативам, городским самоуправлениям, частным кампаниям. В конце лета 1919 г. посреднические кредиты банков составляли (млн руб.)¹⁴⁴:

а) под зерновые продукты	97
б) под товары	30
в) под транспортные документы на товары	3,5
г) по вексельным операциям (переучет векселей и спец. тек. счета)	21,5
д) по спец. тек. счетам под %%% бумаги	6,3
всего	158,3

Однако большинство залогов оставалось в просрочке и оборачивалось убытками банков, нечасто прибегавших к продаже заложенных товаров. Даже в случае возврата ссуд, рост инфляции лишал подобные операции коммерческой целесообразности. Основной доход банки извлекали из спекулятивных по сути операций – переводов денег с Урала и Сибири на Дальний Восток за комиссионные проценты и размен разных видов денежных суррогатов с большим лажем. Банковские спекуляции на Дальнем Востоке негативно сказывались на курсе российской валюты и расценивались в 1919 г. Российским правительством как угроза его финансовой безопасности.

Иностранные банки занимали особую нишу в кредитно-денежной сфере востока России. Падение советской власти вернуло им возможность развернуть свою деятельность на прежних, дореволюционных условиях. Свои отделения на Дальнем Востоке, прежде всего во Владивостоке и Харбине, открыли несколько крупных международных банков: Гонконг-Шанхайский, Индо-Китайский, Иокогама-Спешу (Иокогамский банк звонкой монеты), Чосен-банк (Банк Кореи). Основным источником их дохода был неэквивалентный обмен валюты на рубли и разных видов российских денег друг на друга. Они отказались принимать «сибирские» рубли и тем самым сильно способствовали понижению их курса. Среди общественности и управленцев Дальнего Востока многие полагали, что

¹⁴³ ГАТО, ф. 197, оп. 1, д. 83, л. 21–21об., 55–57; Заря. 1919. 26 февр., 21 марта; Русская армия. 1919. 23 марта; Эхо. 1919. 11 июля.

¹⁴⁴ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 7об.

это являлось достаточным основанием для закрытия отделений иностранных банков на территории, контролируемой Российским правительством¹⁴⁵. Сами же представители иностранных финансовых кругов отмечали, что действуют в рамках закона. Банковские спекуляции, в которых, кстати, были замешаны и отделения российских банков на Дальнем Востоке, есть лишь следствие слабости государства и расстройств торговли¹⁴⁶. Действительно и российские и иностранные банки практиковали дифференцированные условия приема вкладов на текущие счета в зависимости от купюр, которыми вносились деньги¹⁴⁷. Это, с одной стороны, являлось лишь реакцией банков на тенденции развития денежного рынка, а с другой – вело к усиленной дискриминации одних денег и приоритету других.

Естественно, валютная спекуляция была не единственной целью работы иностранных отделений банков. Иокогама-Спеши активно кредитовал экспорт сельскохозяйственной продукции из Манчжурии через Владивосток, а Банк Кореи, имевший свои отделения во Владивостоке, Спасске, Хабаровске, Благовещенске и Чите, обслуживал нужды японской армии. При этом банк разменивал военные боны, выдаваемые японским солдатам их правительством, на золото и собственные банкноты, охотно принимавшиеся населением¹⁴⁸.

Ещё одним типом организации, имевшей свой бюджет, являлись органы городских и земских самоуправлений. Одни исследователи включают их в структуру государственного аппарата, другие анализируют их как совершенно самостоятельные муниципальные образования. Нет смысла вдаваться в существо этой дискуссии. В рамках данного исследования вопрос решается легко – наличие самостоятельного бюджета не позволяет анализировать финансовое состояние земства как части государственного аппарата. Хотя их тесную связь с государством, в том числе и финансовую, игнорировать невозможно.

В данном разделе будут проанализированы бюджетные проблемы городских и земских органов. Будучи очень ограниченны в своих финансовых правах, не приспособлены к извлечению доходов в условиях революции и гражданской войны, они формировали свои бюджеты со значительным дефицитом. Но и в них они не вписывались, так как реальные теку-

¹⁴⁵ ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 998, л. 81–91; Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 15 апр.; Русский экономист (Владивосток). 1919. 20 авг.

¹⁴⁶ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 139об. Перевод недатированной статьи из газеты «Владдио-ниппо».

¹⁴⁷ ГАИО, ф. 155, оп. 2, д. 21, л. 17; Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

¹⁴⁸ Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 131.

щие расходы существенно превысили запланированные. Доля планируемых реальных доходов (налоговые поступления, муниципальные арендные статьи и прибыль муниципальных предприятий) городов и земств была примерно такой же, как и в государственном бюджете, составляя 3–5%¹⁴⁹. Значительную часть городских доходов (часто более половины) планировалось получать из казны в счет возврата пособий, т.е. сумм, причитавшихся в прошлом с казны на покрытие государственных расходов, но так и не выплаченных. Но это были тщетные надежды. Казна плохо компенсировала даже текущие затраты городов и земств по обслуживанию государственных нужд. Другим сметным источником доходов планировалось сделать банковские и государственные ссуды, получить которые удавалось лишь отчасти¹⁵⁰. Государство выдало городам и земствам значительные кредиты. Испрашивалось же к середине 1919 г., по сведениям правительственного офицера, 250 млн руб., по данным В.А. Аверина, основанным на архивных источниках, – 1,5 млрд руб.¹⁵¹ Ситуация была нелицеприятной – государство переложило на муниципальные органы часть своих расходов, основную долю которых не смогло компенсировать. Вместе с тем оно находило средства на выдачу коммерческих возвратных кредитов, хоть и под чисто символические проценты, которые, в свою очередь, обанкротившиеся земские и городские органы были не в состоянии выплатить в срок. Снова налицо – закручиваемая казной пружина взаимных долгов и неплатежей.

Между тем, бюджеты городских и земских самоуправлений были более социально ориентированы, нежели у государства. По данным А.А. Мышанского, в среднем 15% расходов приходилось на обслуживание образования, 10% – на нужды общественного призрения (содержание приютов, общественных столовых и т.д.). В скотоводческих районах существенная часть уходила на борьбу с эпидемиями и эпизоотиями скота (20–40%). В прифронтовых районах около 1/3 городских и земских доходов приходилось тратить на обслуживание медицинских учреждений для военных и беженцев¹⁵².

* * *

Проведенный анализ позволил составить относительно полное представление о масштабах основных статей государственных доходов и расходов, причем как в номинальном, так и в сопоставимом выражении. Из-

¹⁴⁹ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 2. С. 28.

¹⁵⁰ Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 21 янв.

¹⁵¹ Правительственный вестник. 1919. 17 сент.; Аверин В.А. К вопросу о кредитовании... С. 71.

¹⁵² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 17.

вестно, что эмиссия – это своеобразный инфляционный налог. Он налагается государством на наличные деньги. Его легко просчитать – он представляет собой разность между доходами и расходами (см. Приложение, табл. II и III). Источники позволили определить соотношение реальных и эмиссионных доходов, военных и гражданских расходов. Их соотношение до лета 1919 г. было сопоставимым и, следовательно, инфляционный налог должен был примерно покрывать расходы на ведение гражданской войны.

Но это – лукавая арифметика. Вопреки правилам бухгалтерского учета сумма этих двух видов доходов и расходов не равна. Объем расходов, определенный правительством в конце 1919 г., приблизительно на 9 млрд превышает эти оба вида поступлений (т.е. сумму реальных доходов и эмиссии). Государство использовало гораздо больше ресурсов, чем оплатило. Оно совершенно не успевало своевременно покрыть все свои траты даже посредством эмиссии. А в условиях инфляции это очень серьезный ресурс. Ибо разница курсов рубля на день получения товаров и услуг и день оплаты, а она была существенной, тоже составляет налог. Это был налог на предпринимательский сектор и домашние хозяйства. Нетрудно приблизительно посчитать его объём. Он равен сумме двух показателей: совокупному отсроченному платежу, помноженному на коэффициент инфляции в этот период, и штрафному проценту, взимавшемуся в то время в российской экономике за просрочку исполнения коммерческих договоров в реальном выражении. Последний показатель следует обязательно учесть. В нормальной экономике любая просрочка компенсируется, так как является упущенной выгодой. Первый показатель колеблется между 9 и 14,625 млрд. Нижняя цифра исходит из того, что ситуация дефолта возникла лишь в последние месяцы, и долг равен сумме недоплаченных платежей на момент ликвидации Российского правительства. Верхняя цифра определена при условии, что дефолт равномерно охватывал весь период деятельности антибольшевистских правительств, что ближе к истине. Таким образом, государство оплатило лишь половину полученных от общества ресурсов. Вторую половину изъяло бесплатно. Второй показатель (компенсация за упущенную выгоду) увеличивает исходную сумму ущерба негосударственного сектора экономики ещё на 10–15%.

Очевидно, что приведенная информация нуждается в дальнейшем уточнении. Более детальная реконструкция расходов возможна в ходе последующей работы с финансовыми документами антибольшевистских правительств. Уже проделанная часть исследования дает возможность сопоставлять как сводную, так и единичную информацию финансового характера, встречающуюся в источниках с общим уровнем доходов и расходов в текущий период. В этом его практическое значение для исследователей гражданской войны. Можно говорить о подведении итогов чисто экономической стороны описанной ситуации.

Лидеры «белых» правительств стремились к достижению бюджетного равновесия. Возникшая полтора десятилетия спустя кейнсианская экономическая модель будет исходить из целесообразности некоторого бюджетного дефицита, который стимулирует развитие народного хозяйства. Но Дж. Кейнс допускал дефицит умеренных размеров, не выходящий из-под контроля государственных финансовых институтов. Временные государственные образования востока России сразу вышли на такой уровень бюджетного дефицита, на котором почти перестают действовать макроэкономические регуляторы. В частности, государство не могло выбирать между эмиссией или займом как инструментом кратковременного покрытия бюджетного дефицита. В стабильной экономике займы позволяют эффективно сдерживать инфляцию. Но они производятся за счет сокращения уровня деловой активности, так как отвлекают средства негосударственных держателей денег (если речь идет о внутреннем займе). Эмиссия вызывает инфляцию, зато, напротив, влечет некоторый подъем деловой активности. У антибольшевистских правительств востока России не было выбора. Их «займоспособность» находилась на нулевой отметке. Зато и инфляция оживляла активность хозяйственных институтов только в краткосрочном периоде, только для первого обращения денег. Новые деньги не могли эффективно работать в экономике, обесцениваясь ранее, чем начинали давать отдачу. В казну они вовсе не возвращались, поэтому в долгосрочной перспективе второго и далее оборота, напротив, резко тормозили активность. Создавая дополнительное предложение денег, государство поднимало уровень занятости в отдельных секторах, но в целом в экономике он падал или компенсировался ростом скрытой безработицы.

Глава 3

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Налоговое законодательство

Известно, что налоговая политика выполняет две важные функции: экономическую и социальную. Экономическая состоит в том, чтобы аккумулировать с помощью налогов денежные средства в руках государства. Социальная заключается в перераспределении доходов между различными слоями населения. Необходимыми условиями для проведения эффективной налоговой политики являются, во-первых, обеспечение посредством налогов достаточного количества финансовых ресурсов, во-вторых, справедливое распределение налогового бремени между различными социальными группами населения, в третьих, окупаемость самого процесса сбора налогов.

В Российской империи существовало большое количество прямых и косвенных налогов. Основу прямого обложения составляло несколько видов налогов с земли и недвижимости, сборы от которых шли в государственную казну и бюджеты органов местного самоуправления. Для иноязычных жителей окраин сохранялось архаичное налогообложение с душ, кибиток, стойбищ. Существовал также государственный промысловый налог на торговую и производственную деятельность. Из косвенных налогов самыми значительными являлись акцизы (налоги на определенные товары, прямо включаемые в виде надбавки в цену) и таможенные пошлины (налоги, взимаемые за провоз через границу страны товаров, имущества и ценностей). Разновидностью косвенных налогов были фискальные монополии. В царской России значительным источником налоговых поступлений являлся доход от монопольной продажи спиртного.

Первая мировая война повлекла за собой изменения в налоговой системе России и структуре доходов государства. С одной стороны, выросли налоговые ставки. В то же время упала собираемость прямых налогов. Недоимки по ним росли с каждым годом. Были введены строгие ограничения на продажу алкогольных напитков, что привело к уменьшению доходов от винной монополии, дававшей ранее значительные поступления в бюджет. Но в целом доля косвенных налогов увеличилась.

Февральская революция принесла новые изменения. Начался сбор введенного годом ранее прогрессивного подоходного налога. В будущем его предполагалось сделать основой налоговой системы. Резко выросли налоги на торговую и производственную деятельность. 27 марта 1917 г. Временное правительство запретило продажу водки, а в сентябре ввело моно-

полюю на сахар заграничного производства. Планировалось также введение единовременного подоходного налога на военные нужды с имущих слоев населения. Однако Временное правительство было свергнуто раньше, чем узаконило эту меру. Изменения, внесенные в налоговое законодательство при Временном правительстве, носили эволюционный характер.

Большевики в 1917 г. выступали за радикальное изменение налоговой системы: отмену всех косвенных налогов и введение прогрессивного имущественного налога, который переложил бы основное налоговое бремя на «эксплуататорские» классы. Однако с приходом большевиков к власти законодательной отмены существовавших налогов, за исключением земельных, не последовало. Местные налоговые органы после Октябрьской революции не были упразднены, но сбор налогов практически прекратился. В первой половине 1918 г. основным источником существования советской власти стали контрибуции, которыми бессистемно облагались имущие слои российского общества. До ноября 1918 г. советские органы собрали с населения контрибуций на сумму 816,5 млн руб., чем обеспечили приток средств в государственную и местную казну. В 1918 г. большевистское правительство ввело единовременный десяти миллиардный налог на непролетарские слои населения. Правда, большевикам удалось собрать лишь 1,6 млрд руб., но и эта сумма составила половину всех советских налоговых поступлений в 1918 г.¹

Впервые общую оценку налоговой политике антибольшевистских правительств Сибири дал в 1926 г. В. Эльцин, который утверждал, что основным источником существования контрреволюционного режима явилось выкачивание средств из деревни с помощью увеличения налогов, а также продажи казенной водки². Своё мнение историк доказывал единственной выдержкой из газетной публикации, в которой приводились сведения о динамике только этих видов налоговых поступлений. Разделяя точку зрения В. Эльцина, исследователи 1950—1980-х и отчасти 1990-х гг. сводили налоговое законодательство контрреволюции к восстановлению царских порядков. Специально практику сбора поземельных и земских налогов рассматривали Ю.В. Журов и Т.В. Мальцева, но в отрыве от изучения нормативной базы исследователи пришли к необоснованным выводам³.

¹ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 171.

² Эльцин В. Крестьянское движение в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2–3. С. 17–20.

³ Журов Ю.В. Социально-экономическое положение крестьянства Енисейской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX века. Красноярск, 1962. С. 135–144; Он же. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 52–53; Он же. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 57–58; Мальцева Т.В. Земство Западной Сибири в годы гражданской войны (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974. С. 36, 72.

В отечественной историографии существует две попытки разобраться в налоговом законодательстве антибольшевистских правительств Сибири. Статья Н.Г. Соколова отличается очень неполным, крайне идеологизированным подбором материала⁴. Публикации Н.И. Дмитриева не страдают идеологической заданностью, но тоже не полны. К тому же его слабое знакомство с налоговой системой дореволюционной России привело к существенным неточностям. Так, по мнению автора, с промышленных предприятий земские налоги не собирались, ряд существовавших до революции акцизов Н.И. Дмитриев представляет как изобретение Российского правительства, лесные и почтово-телеграфные сборы относит к налоговым⁵. Современные исследователи не рассматривают непосредственную работу налоговых органов, ограничиваясь анализом опубликованной статистики.

Противники большевиков на востоке России унаследовали от советов вполне работоспособный налоговый аппарат. Уполномоченный Временного Сибирского правительства по финансовым делам А.П. Мальцев 14 июня 1918 г. докладывал Западно-Сибирскому комиссариату, что налоговые органы готовы к продолжению работы⁶. Аналогичная ситуация обнаруживается на Урале, если не считать короткого, вполне естественно перерыва в функционировании налогового аппарата, связанного с военными действиями⁷. Лишь в Поволжье, судя по отчетам, налоговые органы не смогли быстро восстановить свою работу и сформироваться в единую структуру⁸. Потому вряд ли есть основания согласиться с мнением Н.И. Дмитриева, что налоговый аппарат пришлось в короткие сроки воссоздавать, начиная от министерских структур и заканчивая местными учреждениями⁹.

Отметим, что политические конфликты в лагере восточной контрреволюции продолжали негативно сказываться на работе налогового аппарата и после свержения советской власти. Противоборство между Комучем и Временным сибирским правительством привело к тому, что на пограничных станциях появились таможенные посты, действовавшие в августе

⁴ Соколов Н.Г. Антинародная сущность налоговой политики в деревне эсеро-меньшевистских правительств и колчаковского режима в Сибири (1918—1919 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 265–272.

⁵ Дмитриев Н.И. Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4. С. 210–216.

⁶ ГАРФ, ф. Р-341, оп. 1, д. 37а, л. 67–67об.

⁷ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 139.

⁸ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 54об.

⁹ Дмитриев Н.И. Экономическая политика А.В. Колчака и ее реализация // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 24.; Он же. Налоговая политика белогвардейских правительств... С. 211.

1918 г.¹⁰ Борьба за контроль над Владивостокской таможенной между Деловым кабинетом Д.Л. Хорвата и Временным правительством автономной Сибири привела к тому, что в таможню от этих правительств поступили разные правила регулирования ввоза и вывоза товаров, а сама Владивостокская таможня в конце августа 1918 г. оказалась под контролем японских войск¹¹.

Непосредственно на местах сбором налогов занимались различные учреждения. Поземельными налогами ведала губернская (или областная) податная инспекция, разделенная на участки, обычно соответствовавшие уездам. Каждый участок обслуживался податным инспектором, имевшим иногда одного – двух помощников. В городах существовали подоходные и промысловые отделения податной инспекции, осуществлявшие сбор подоходного и промыслового налогов. Штатное расписание налоговых органов сохранилось с дореволюционных времен. На окраинах империи с их огромными расстояниями податной аппарат не справлялся с несением своих обязанностей: одному податному участку, имевшему несколько инспекторов, приходилось обслуживать громадные территории. Для Российской империи эта проблема не стояла остро, так как основная часть налоговых сборов приходилась на европейскую часть территории страны. С середины 1918 г. несоответствие штатов податной инспекции масштабам обслуживаемой территории на востоке России приобрело особенную остроту. Только за вторую половину 1918 г. в Министерство финансов поступили просьбы об открытии более чем 60 новых податных участков. В своем докладе от 18 декабря 1918 г. о положении податной инспекции, подготовленном для Совета министров, И.А. Михайлов ходатайствовал об учреждении 100 новых инспекторских должностей¹². Однако эту просьбу Совет министров оставил без внимания.

В ведении губернских и областных акцизных управлений находились сбор акцизов и винная монополия с ее обширной хозяйственной частью: складами, казенными лавками и винокуренными заводами. После запрещения продажи спиртных напитков это хозяйство бездействовало и приходило в упадок, но сохранились значительные запасы готового спирта. На территории, находившейся под юрисдикцией омских контрреволюционных правительств, существовала также сеть таможенных учреждений. По мере увеличения территории, на которую распространялась власть контрреволюции, эта сеть тоже расширялась. К началу 1919 г. она насчи-

¹⁰ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала А.В. Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 169–170.

¹¹ Временное автономное правительство Сибири // Красный архив. 1929. Т. 5(29). С. 40–41.

¹² ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 130–136.

тывала 4 таможни первого класса, 6 – второго класса, 36 таможенных участков и 97 таможенных постов¹³.

Падение курса рубля и революционные потрясения трансформировали структуру и снизили объём налоговых поступлений, и всякие попытки их оживления требовали от государственной власти серьезных усилий. Экстенсивные меры свелись к повышению налоговых ставок и введению новых источников обложения, интенсивные – к повышению собираемости налогов за счет ужесточения мер взыскания и надзора, изменения классификации облагаемых объектов, регулирования налоговых льгот. Экстенсивные мероприятия не были для России новым явлением: с началом Первой мировой войны государственная власть регулярно прибегала к этой мере, но не могла обогнать инфляцию¹⁴. Большевики прервали эту деятельность, и именно при советской власти налоговые поступления снизились вопиюще.

Для любого антибольшевистского правительства вопрос о возобновлении сбора налогов и выработке в новых условиях соответствующих основ налоговой политики имел первостепенное значение. В июне 1918 г. вопрос о налоговых ставках обсуждался на финансовой комиссии при Западно-Сибирском комиссариате, которая рекомендовала поднять ставки большинства налогов¹⁵. Одновременно те же рекомендации своему правительству сделала и Податная комиссия при Финансовом совете Комуча¹⁶. Вопреки очевидной необходимости Совет министров Временного сибирского правительства 27 июля 1918 г. принял решение продлить на 1918—1919 гг. действовавшие с 1915 г. ставки государственного налога с городской недвижимости, государственной оброчной и поземельной подати, кибиточного сбора с киргизского населения, основного промыслового налога¹⁷. Сбору подлежали также недоимки за 1917 г. Правда, постановлением от 23 сентября 1918 г. ставки основного промыслового налога – фиксированного сбора с предприятий – все же были подняты с 1919 г. на 50–100% по сравнению с принятыми в 1914—1915 гг. 1 октября 1918 г. увеличили ставки патентных сборов приблизительно в пропорции, соответствующей росту акцизных ставок¹⁸.

Комуч тоже очень долго не решался поднять ставки прямых налогов. Его приказы от 3 октября 1918 г. предписывали возобновление сбора еди-

¹³ Обзор деятельности Министерства финансов за вторую половину 1918 г. Омск, 1919. С. 29.

¹⁴ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1957. С. 335.

¹⁵ ГАРФ, ф. Р-196, оп. 5, д. 36, л. 2–4об.

¹⁶ Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 143.

¹⁷ СУР ВСИ. № 6. Ст. 51.

¹⁸ Там же. № 13. Ст. 120; Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX – 1920 г.). Томск, 2003. Вып. II. С. 242.

новременного налога на прибыль и дополнительного промыслового налога с более широкого круга предприятий. Были привлечены к платежу процентного сбора торговые предприятия 4-го и 5-го разрядов и промышленные предприятия 7-го и 8-го разрядов¹⁹.

Существовал ещё один налог в действовавшей системе прямого налогообложения – на прирост прибылей. Его ввели в 1916 г. для обложения разницы в прибыли текущего и предшествующего года торгово-промышленных предприятий и личных промысловых занятий. При этом совокупное налоговое бремя не должно было превышать 50% прибыли. С 1917 г. ставки налога повысили: изъятию подлежало до 40–80% прироста прибыли, а планка общего налогового бремени с предпринимателей позволяла изымать до 90% всей прибыли. Если принять во внимание инфляцию, станет ясно, что отчетность предприятий и промыслов показывала огромный рост номинальных прибылей, подлежащих в соответствии с законом изъятию, тогда как реальная прибыль могла даже сокращаться. Совершенно естественным было то, что большинство предпринимателей стремилось скрыть свои прибыли от фискальных органов. Часто они оттягивали уплату налога на конец года, чтобы инфляция снизила реальные размеры выплат. В ответ ещё в начале 1918 г. налоговые органы установили разверсточный характер определения прибыли, что больше соответствовало средневековым податям.

Известно, что рост налогового пресса на бизнес в стадии падения производства очень опасен для экономики. Министерство финансов Российского правительства, понимая ситуацию, стремилось уменьшить общее налоговое бремя на торговлю и промышленность. По этой причине не были продлены повышенные в 1917 г. ставки налога. Максимальное общее налогообложение в 1919 г. снова снизили до 50% прибыли. 9 апреля 1919 г. Совет министров повысил налог на прирост прибыли для предприятий со средней прибылью, но позволил налоговым органам увеличивать или уменьшать ставку, если предприятие находилось в особенно благоприятных или неблагоприятных условиях²⁰.

Итак, государственные органы почти заморозили ставки налогов на широкие слои населения и выбрали «скромный» рост прямого налогообложения бизнеса. Основной упор был сделан законодателями на повышение ставок косвенных налогов, в первую очередь – акцизов. 27 июля 1918 г. Совет министров утвердил постановление о повышении ряда акцизных ставок: на спирт – до 48 руб. с ведра, на вино – до 32–48 руб. с ведра. Это означало десятикратное повышение и приблизительно соответствовало уровню падения рубля. Акцизы на пивные дрожжи, папиросную

¹⁹ Вестник Комуча (Самара). 1918. 4 окт.

²⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 июня.

бумагу и гильзы, спички, табак возросли в 1,5–5 раз²¹. 10 сентября Административный совет поднял ставки акциза на пиво в 6,3 раз²². 24 октября 1918 г. Административный совет поднял акцизные ставки на чай в несколько раз в зависимости от его сорта. На заграничный чай акциз был установлен в 1,5–3 раза выше, чем на отечественный. 1 ноября были в несколько раз увеличены пошлины на заграничный чай. Новые пошлины действовали независимо от того, когда чай был ввезен. Это прочно оградило от конкуренции торговцев отечественными сортами этого продукта и заставило их оплатить казне налоги по расценкам, отвечавшим текущему уровню цен²³. 19 октября 1918 г. Совет министров постановил повысить с 1 января 1919 г. в два раза все оклады гербового сбора²⁴.

5 октября 1918 г. Временное областное правительство Урала повысило акцизы на спиртные и табачные изделия, спички²⁵. Остальные антибольшевистские правительства осенью 1918 г. воздержались от законодательного повышения налоговых ставок. Но с ноября 1918 г. сибирские нововведения распространились на весь восток России.

Рост ставок косвенных налогов продолжился и при Российском правительстве. 20 января 1919 г. И.А. Михайлов предложил Совету министров поднять в 10 раз по сравнению с дореволюционным дополнительный акциз на право продажи водки. Была разрешена более широкая и свободная продажа вина и водки. 4 февраля 1919 г. акцизы и пошлины на табачные изделия были подняты еще в несколько раз. В то же время табак сибирского производства был освобожден от налогов до 1920 г., что должно было стимулировать местное табачное производство. 9 апреля 1919 г. в 5–10 раз был поднят патентный сбор за производство и продажу крепких спиртных напитков. 12 мая 1919 г. Совет министров повысил акциз на бензол и толуол, керосин и прочие продукты нефтепереработки в 4 раза по сравнению с 1916 г. 23 июня 1919 г. опять были увеличены ставки акциза на вино, на этот раз – трехкратно. 6 февраля 1919 г. в 10 раз были увеличены судебные и канцелярские пошлины. Вводились и другие незначительные повышения налогов и сборов²⁶.

Рост косвенного обложения был более интенсивным, чем прямого, но он оставался неровным, скачкообразным, отставал от инфляции, механиз-

²¹ СУР ВСП. № 6. Ст. 52.

²² Там же. № 12. Ст. 109; Выявление и изучение... Вып. II. С. 206.

²³ СУР ВСП. № 21. Ст. 183; № 23. Ст. 210; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 78. Раньше пошлина высчитывалась от цены чая на момент его ввоза в Россию.

²⁴ СУР ВСП. № 23. Ст. 202. Н.И. Дмитриев указывает, что ставки этого налога выросли в 22,8 раза, что не соответствует действительности. — См.: Дмитриев Н.И. Налоговая политика... С. 213.

²⁵ СУР ВОПУ. № 6. Ст. 35.

²⁶ Там же. № 2. Ст. 15; № 6. Ст. 83; № 7. Ст. 109; № 8. Ст. 113; Правительственный вестник. 1919. 8, 19 февр., 5 марта; 1 июня, 29 июля; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 13. С. 15; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 162.

ма гибкого повышения ставок создать не удалось. В то же время власть пыталась использовать косвенные налоги в качестве механизма регулирования внутренней и внешней торговли.

Новых налогов введено было не очень много, и все они, с фискальной точки зрения, носили второстепенный характер. 26 июня 1919 г. Совет министров ввел пятидесяतिकопеечный сбор с почтовых телеграмм в пользу общества российского Красного креста²⁷. В августе 1919 г. Министерство финансов разработало законопроекты о введении пяти новых чрезвычайных налогов²⁸. Их введение мотивировалось необходимостью усилить обложение зажиточных слоев населения: 25-процентный налог на объявления коммерческого содержания; 50-процентный налог на билеты тотализаторов; удвоение обложения билетов на увеселительные мероприятия и зрелища (его планировалось довести до 200% от стоимости билета); налог на ресторанные счета в размере 50%, оплата которого должна была производиться путем наклейки на счета марок, приобретаемых владельцами ресторанов в казначействах; 10% предлагали взимать с дорогих вещей, продаваемых на аукционах и в комиссионных складах. Освобождались от обложения одежда, обувь и другие предметы первой необходимости не дороже 2 тыс. руб.²⁹ Особенно важным считалось введение налога на коммерческие посылки, целью которого было не только увеличение денежных поступлений в казну, но и борьба со спекуляцией. Мелкие торговцы стали отправлять свой товар по почте, что было дешевле, безопаснее, чем по железным дорогам, и позволяло скрывать предпринимательскую деятельность от государственных органов. Это было нарушением правил торговли, перегружало почтовые отделения, которые перестали справляться со своей основной задачей и превратились в транспортные конторы для подпольных торговцев. С точки зрения фиска, это вело к недообложению предпринимательской деятельности. Министерство финансов предложило взимать 10% с заявленной стоимости коммерческих посылок³⁰. Новые налоги были введены в сентябре 1919 г. Их основной целью являлось перераспределение налогового бремени в сторону большего обложения богатых граждан³¹. Важный законопроект, разработанный в Министерстве финансов летом 1919 г., но не принятый – налог на наследство. Он должен был стать одним из краеугольных камней будущей реформы прямого налогообложения, приближающих его к поимущественному. Ставки налога колебались по прогрессивной шкале в зависимости от степени родства и размера наследуемого имущества от 2 до 32%³².

²⁷ ГАРФ, ф. 146, оп. 4, д. 49а, л. 158.

²⁸ Русь (Омск). 1919. 15 авг.; Сибирская речь (Омск). 1919. 2 окт.

²⁹ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 35, л. 254–256.

³⁰ Там же, л. 257–258.

³¹ Правительственный вестник. 1919. 17 авг., 25 сент.

³² Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 18. С. 18; № 25. С. 1–3.

Идея о введении обложения новых объектов – нефти и угля, кожи и ткани, сахара – так и осталась в проектах³³.

Следует отметить, что Комуч 3 октября 1918 г. успел законодательно подтвердить сбор единовременного налога на доходы, предусмотренного постановлением Временного правительства от 13 октября 1917 г. Он начинался с 15 ноября и охватывал все учреждения, организации, предприятия и частных лиц, обязанных уплачивать подоходный налог³⁴. Естественно, никаких усилий по реализации этого постановления поволжские налоговые органы предпринять не успели.

В Министерстве финансов Российского правительства разрабатывался еще один проект, преследовавший цель увеличить налоговый пресс на имущие слои общества. Подоходное отделение Министерства финансов Российского правительства вернулось к идее Временного правительства о единовременном подоходном налоге с имущих слоев. В начале лета 1919 г. оно разработало проект закона о чрезвычайном военном налоге в сумме 100 млн руб.³⁵ Правда, в прессу просочились сведения о намерении казны собрать 750 млн³⁶. Подоходное отделение успело произвести предварительную раскладку общей суммы налога по губерниям и городам. Срок окончательной раскладки назначался до 15 июля, а срок сбора – до 15 ноября. Тем не менее Министерство финансов даже не представило проект в Совет министров ввиду его слабой разработки и зыбких юридических оснований. Было непонятно, кого и по каким критериям надлежит относить к имущим классам, как производить раскладку непосредственно по плательщикам. Проект, вероятно, не был пропущен и по причине одиозности самой идеи, слишком напоминавшей большевистские контрибуции.

Фискальные монополии рассматривались как важнейший источник увеличения государственных доходов. Ко времени падения советской власти на востоке России фискальных монополий не существовало. Принятую в сентябре 1917 г. сахарную монополию Временное сибирское правительство подтвердило лишь в сентябре 1918 г. 5 сентября 1918 г. была установлена карточная монополия³⁷.

Восстановление винной монополии при «белых» произошло повсеместно и, главным образом, по причинам финансовым. В Поволжье инициатива возникла 17 июля 1918 г. и исходила от акцизного ведомства³⁸, пи-

³³ Там же. № 18. С. 19; № 19. С. 8

³⁴ Вестник Комуча. 1918. 4 окт.

³⁵ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 5, д. 25, л. 23–26.

³⁶ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 16 июня; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 3 июля; Друг деревни (Томск). 1919. № 5–6; Вестник Манчжурии (Харбин). 1919. 28 июня.

³⁷ СУР ВСН. № 20. Ст. 74.

³⁸ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 10, л. 75об.

тавшего надежду на получение 9 млн руб. дохода³⁹. В закон о возобновлении казенной продажи спиртных напитков она воплотилась только 10 сентября⁴⁰.

В сентябре 1918 г товарищ главноуправляющего финансовым ведомством Урала В.А. Всеволожский предложил реализовать населению 18 тыс. вёдер казенного и частного спирта в 6 уральских уездах, ожидая от этой операции 49 470 786 руб. чистого дохода. Он полагал, что на будущее следует возобновить казенную продажу спиртного. Но для осуществления этого проекта требовалось 4 529 213 руб., и от него пришлось отказаться⁴¹.

Западно-Сибирский комиссариат не имел намерения отменять «сухой закон». Финансовое совещание при Западно-Сибирском комиссариате отклонило идею возобновления торговли запасами казенного спирта и выдвинуло предложение о продаже его за границу по высокой цене, несмотря на всю утопичность этой идеи⁴². Получив пост министра финансов, И.А. Михайлов занял в этом вопросе принципиальную позицию: торговля спиртным должна приносить максимальный доход государству, для чего необходимо снять ограничения на производство и продажу спиртного, введенные в Первую мировую войну, и возродить государственную монополию. 10 июля и 10 сентября 1918 г. Совет министров принял постановления, разрешавшие в городах распродажу готовых запасов казенного спирта, а также вина и пива⁴³.

Идея восстановления винной монополии вызвала дискуссию в обществе как по причинам нравственного характера (многие общественные деятели, особенно работники земств и кооперации, считали недопустимой наживу на алкоголе), так и в силу чисто финансового интереса (винопромышленники рассчитывали нажиться на частной торговле спиртным). Первые выступили за сохранение всех запретов, вторые – за открытие свободной частной торговли алкоголем. А.В. Колчак поддержал мнение правительства. С 28 декабря 1918 г. казенная винная монополия была восстановлена⁴⁴.

³⁹ Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье в 1918 г.). Ульяновск, 1998. С. 160.

⁴⁰ Вестник Комуца. 1918. 10 сент.

⁴¹ ГАСО, ф. Р-1951, оп. 1, д. 5, л. 144–145об., 149–150об.

⁴² ГАРФ, ф. Р-196, оп. 5, д. 36, л. 4–4об.; ЦХДНИИО, ф. 300, оп. 1, д. 722, л. 2–15об.

⁴³ СУР ВСП. № 2. Ст. 12; № 12. Ст. 110.

⁴⁴ Правительственный вестник. 1919. 17 янв.; Законодательная деятельность... Вып. 1. С. 128–130. История отмены винной монополии подробнее см.: Звягин С. Особенности пополнения бюджета при А.В. Колчаке // Директор. Новосибирск, 1996. № 3–6. С. 161–166; Он же. Сибирское земство и самогонварение в 1918—1919 гг. // История крестьянства России: Материалы шестнадцатой Всероссийской заочн. науч. конф. СПб., 2000. С. 112–116; Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 79–83.

Важной стороной деятельности правительства явилось изменение порядка сбора некоторых налогов в соответствии с новыми условиями. Руководитель подоходного отделения Министерства финансов И.Н. Хроновский и его помощники разработали целую концепцию реформирования налоговой системы, предполагая приблизить прямые налоги к поимущественному типу обложения, укрепить систему местного налогообложения⁴⁵. Но в условиях революционных катаклизмов он видел возможность только для мелких усовершенствований существующих налогов.

До революции существовало разделение всех предприятий и промыслов на шесть разрядов. Сумма сбора основного промыслового налога зависела от разряда предприятия. Кооперативные торговые и промышленные предприятия освобождались от уплаты дополнительного промыслового налога – процентного сбора с оборотного капитала. Стараниями С.Ю. Витте к началу XX в. деление предприятий на разряды в целом отражало их фактическое различие по размеру производственных фондов и объему денежного оборота. За годы Первой мировой войны предприятия крупной промышленности, обязанные уплачивать дополнительный промысловый налог, в большинстве своем превратились в нерентабельные. Зато выросли обороты и прибыльность как кооперативов, так и мелких торговых предприятий. Значительно увеличилось их количество. Таким образом, система взимания промысловых налогов с предприятий перестала отражать реальную доходность и прибыльность. Территория страны по дореволюционному законодательству тоже была поделена на разряды, в соответствии с которыми устанавливалась различная стоимость патентных свидетельств. В Сибири и на Дальнем Востоке она предусматривалась ниже, чем в центре страны.

В Министерстве финансов понимали необходимость отмены архаичных способов взимания налогов с предприятий. Постановлением Административного совета Временного сибирского правительства от 23 сентября 1918 г. налоговая льгота для мелких предприятий была отменена. С 1 января 1919 г. они привлекались к уплате дополнительного промыслового налога⁴⁶. В тот же день Временное сибирское правительство утвердило единую усредненную стоимость патентных свидетельств, независимо от существовавшего ранее деления территории на разряды⁴⁷. Однако деление на разряды самих предприятий и промыслов сохранилось. Хотя несправедливость старой системы была очевидна, но более справедливый

⁴⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 20. С. 1–4; № 21. С. 1–8; № 25. С. 1–3; Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 марта.

⁴⁶ СУР ВСИ. № 13. Ст. 120.

⁴⁷ Там же. № 14. Ст. 132; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 12.

способ оценки прибыли и оборота в условиях экономического кризиса применить было невозможно.

Министерство финансов предложило отменить подушный налог с кочевых сибирских народов. Он носил черты явного феодального пережитка, а низкие ставки налога делали его сбор нерентабельным⁴⁸. Весной 1919 г. Министерством финансов был разработан законопроект о замене подушного сбора с бурят Забайкалья поземельным обложением⁴⁹.

Сложнее было изменить порядок сбора дополнительного промыслового налога, квартирного налога, государственного, городских и земских налогов с недвижимых имуществ. Их трудоёмкий расчет был связан с определением стоимости и доходности имуществ и предприятий и производился раз в несколько лет. Налоговые органы были не в состоянии своевременно реагировать на быстрое изменение стоимости предприятий и имуществ, структуры прибылей. Далеко не совершенная и до революции система подсчета этих налогов в условиях гражданской войны потеряла всякий смысл.

С 1 января 1919 г. сумма общего дохода граждан, не облагаемого подоходным налогом, была увеличена с одной до трех тысяч рублей в год, что было вызвано повышением прожиточного минимума. Несмотря на то, что это вело к снижению объемов налоговых сборов, целесообразность этой меры была несомненна – она была призвана защитить малоимущие слои. Чтобы снизить отток опытных кадров из государственного аппарата в частные предприятия, для государственных чиновников был установлен пониженный процент налога⁵⁰.

В связи с тем, что поступление всех прямых налогов происходило с большими отсрочками, росло не только количество недоимок, росла и пеня на них. Однако за время советской власти сбор налогов был почти полностью прекращен, и взимание пени за этот период не являлось справедливым. 19 июня 1919 г. Совет министров постановил, что за период советской власти пеня за недоимки прямых налогов не подлежит взысканию⁵¹.

Следует отметить особенно плачевное финансовое положение городских и земских органов. Земства обладали правом сбора с земель и недвижимости, устанавливали надбавки к промысловым свидетельствам и патентам. С 17 июня 1917 г. земства получили право на 10%-ную надбавку к подоходному налогу. Города формировали свой бюджет главным образом за счет налогов с принадлежавших им земель и недвижимости

⁴⁸ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 5, д. 25, л. 11.

⁴⁹ Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. С. 117.

⁵⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 9. С. 15, 26–27.

⁵¹ Правительственный вестник. 1919. 5 авг.; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 91, л. 176об.

(взималось до 10% с ежегодного дохода или до 2% с общей стоимости), надбавок к промысловым свидетельствам и патентам на торговлю (10–20% от общегосударственных), с 1918 г. – 8%-ную надбавку к подоходному налогу. Было также большое количество мелких сборов. В 1918 г., устанавливая раскладку налогов на новое трехлетие, земства не могли увеличивать их более чем на 50% по сравнению с предыдущим трехлетием⁵².

Муниципальные органы постарались максимально поднять сборы в пределах допустимых лимитов, но это давало 20–50%-ную прибавку по некоторым неосновным видам налогов⁵³. Поэтому они начали активно добиваться изменения налогового законодательства, составив довольно мощное лобби. Земства настаивали на праве 100%-ной надбавки к подоходному налогу в свою пользу. После того, как вопрос обсуждался на Поволжском (август 1918 г.) и Сибирском (сентябрь 1918 г.) земско-городских съездах и в комиссиях по изменению земских и городских налогов при Министерстве финансов, предполагалось внести изменения в земское и городское обложение. Однако большинство предложений муниципальных работников не было принято, так как они вели к переобременению отдельных категорий налогоплательщиков и, будучи легко переключаемыми с торговцев на потребителей, вели к росту цен⁵⁴. В результате закон о расширении бюджетных прав городов был принят оперативнo 10 апреля 1919 г., а аналогичный проект в отношении земских органов «утонул» до осени в министерских согласованиях, а потом – дискуссиях между членами Государственного экономического совещания⁵⁵.

Анализ одного только законодательного материала свидетельствует о том, что, во-первых, налоговое бремя на востоке страны продолжало существенно снижаться. Это вытекает из сравнения роста налоговых ставок и темпов инфляции. Во-вторых, законодательство предусматривало его перераспределение в сторону уменьшения прямого обложения широких

⁵² Кириллов А.К. Земские налоги в Сибири: до и после 1917 года // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 166; Яковлева Н.А. Финансовое обеспечение земских органов самоуправления // Финансы Алтая. 1747–2002. Барнаул, 2002. С. 157–158, 162–163; Старцев А.В. Финансово-хозяйственная деятельность органов городского самоуправления Алтая во второй половине XIX – начала XX века // Там же. С. 226–229; Барнаульская городская дума. 1877–1996. Барнаул, 1999. С. 21–22.

⁵³ ГАНО, Ф. Д-97, оп. 1, д. 243, л. 73, 84; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). Тюмень, 1995. С. 307; Барнаульская городская дума. С. 221; ГАСО, ф. Р-1196, оп. 1, д. 1, л. 64об.–65; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 10 окт.

⁵⁴ Правительственный вестник. 1919. 7 авг.; Резолюция финансовой комиссии земской секции 1-го Всесибирского земско-городского съезда // Финансы Алтая. 1747–2002. Барнаул, 2002. С. 214; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 44, л. 1–7; ф. Р-176, оп. 6, д. 617, л. 1–11.

⁵⁵ Правительственный вестник. 1919. 17 июня; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 1, д. 186, л. 3–14; ф. Р-190, оп. 1, д. 77, л. 13–18об.

слоев населения, роста косвенного обложения и обложения предпринимательской деятельности.

Формы и методы реализации налоговой политики

Законодательство, изменившее налоговые ставки и порядок взимания налогов и введившее новые источники налогообложения, служило базой для интенсификации налоговых сборов. В политике антибольшевистских правительств присутствовал еще комплекс организационных и агитационных мероприятий, призванный обеспечить реальное увеличение налоговых поступлений. В Поволжье и на Урале приоритет был отдан административным механизмам – штрафы за невыплату налогов и даже неподачу декларации о доходах увеличивали. Местные власти привлекали милицию к сбору налогов⁵⁶. В Самаре горячие головы предлагали преодолевать кризис налоговых неплатежей восстановлением круговой поруки: сделать раскладку поземельных налогов на всё общество, а не отдельных лиц, а сбор всех прямых налогов возложить на одного из членов волземуправы. Особая налоговая комиссия Сызрани и финансовое совещание при особоуполномоченном Комуча в этом городе в августе 1918 г. рекомендовали Комучу восстановить подушную подать, считая, что только она позволит охватить всех налогоплательщиков и исключить массовый уход от налогов⁵⁷. Архаизация экономической системы хорошо осознавалась участниками событий и воспринималась как неизбежный шаг к оптимизации налоговых сборов в условиях социального хаоса. Участники тех же общественных совещательных органов в Сызрани постановили, что их решения обладают верховенством по отношению к общероссийским законам.

Несколько иные методы обнаруживаются в практике сибирских властей. С июля по октябрь 1918 г. Временное сибирское правительство развернуло агитационную кампанию среди крестьян в пользу уплаты земельных и земских налогов. При Министерстве внутренних дел с июня по октябрь 1918 г. действовал информационно-агитационный отдел⁵⁸, в задачу которого входило в том числе ведение агитации в деревне за уплату налогов, а также сбор информации об отношении населения к действиям правительства, в том числе к его налоговым мероприятиям⁵⁹. Информацион-

⁵⁶ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 13, л. 1–2.

⁵⁷ Там же, л. 2, 8об., 11об.

⁵⁸ Мышанский А.А. Деятельность информационно-агитационного отдела Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства (июнь–ноябрь 1918 г.) // Материалы XXXVII МНСК. История. Новосибирск, 1999. С. 47–50; Он же. Орган государственного контроля за массовым сознанием населения Сибири в период контрреволюции (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 82–85.

⁵⁹ ГАРФ, ф. Р-1561, оп. 1, д. 2, л. 37.

ная сторона деятельности отдела оказалась более полезной и значимой для правительства, чем агитационная. Инструкторы отдела докладывали, что большинство сельских сходов отказались платить налоги, находя различные предлоги⁶⁰. Эта информация подготовила правительство к тому, что не агитация, а организационное усовершенствование податного аппарата, административные взыскания и силовое давление должны стать главным способом увеличения налоговых сборов. 5 июля 1918 г. товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский циркулярной телеграммой обязал милицию оказывать содействие в сборе налогов земским и государственным податным органам. Всем местным властям в этом же документе предлагалось созвать совещание для разработки мероприятий по сбору налогов⁶¹. Казенные палаты регулярно оповещали через листовки, прессу и лично налогоплательщиков об изменениях налогового законодательства, сроках уплаты налогов, порядке обжалования и сообщали, с какого времени начнется взимание с помощью милиции. При этом они активно взаимодействовали с кооперативными и предпринимательскими организациями⁶². Земские и городские органы сами подключились к возобновлению сборов окладов и недоимок своих прямых налогов⁶³. Но соперничать с дореволюционным налоговым аппаратом было сложно: кадровый состав за время революции ухудшился катастрофически, оставались на службе или приходили малоквалифицированные кадры, многие должности по долгу оставались вакантными, чиновники плохо справлялись со своими обязанностями⁶⁴.

Местные власти с лета 1918 г. стали широко привлекать милицию к взысканию недоимок и составлению описей недоимщиков⁶⁵. Циркуляр Главного управления налогов и сборов от 6 февраля 1919 г. рекомендовал, а циркуляр от 3 марта 1919 г. даже предписал податным инспекторам ис-

⁶⁰ ГАТ, ф. И-730, оп. 1, д. 121, л. 3–4об., 6, 12. Случаи эти описаны в историографии. – См.: Рошевский П.И. Гражданская война... С. 150–151; Сибирь в период гражданской войны... С. 105.

⁶¹ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 8, л. 22; оп. 8, д. 26, л. 17.

⁶² Белое движение. Каталог листовок 1917–1920. СПб., 200. С. 47, 55, 58; Восточный курьер (Чита). 1919. 3 сент.; Дальневосточное обозрение (Благовещенск). 1919. 8, 16 марта; Сибирская речь. 1919. 6 марта; Наша заря (Омск). 1919. 7 марта; Заря (Омск). 1919. 8 марта; Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 11 февр.; Освобожденная Россия (Пермь). 1919. 1 апр.; ГАРФ, ф. Р-143, оп. 5, д. 11, л. 72, 77; ф. Р-197, оп. 2, д. 27, л. 5; ГАСО, ф. Р-1953, оп. 2, д. 19, л. 12–57; ГАТО, ф. 196, оп. 19, д. 2019, л. 618–619; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 197, л. 115.

⁶³ Белое движение. С. 57, 58; Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). Тюмень, 1995. С. 350–351; ГАСО, ф. Р-1196, оп. 1, д. 1, л. 27; ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 47, 51.

⁶⁴ ГАТ, ф. И-583, оп. 1, д. 1570, л. 114–119.

⁶⁵ Белое движение. С. 63; ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 8, л. 22; оп. 8, д. 26, л. 17; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 286, л. 6; ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 44, 45; Свободный край (Иркутск). 1918. 8 нояб.

пользовать милицию при проведении обходов населения и других фискальных мероприятий⁶⁶. Весной 1919 г. работники милиции разносили по месту жительства налоговые уведомления, в отсутствие податных инспекторов составляли списки недоимщиков, взимали штрафы и сумму неуплаченного в срок налога⁶⁷. В крупных городах даже были созданы специальные отделы по взиманию налогов и недоимок. Эта мера действовала довольно эффективно и быстро приводила к росту платежей. В июле–августе 1918 г. отдел сборов Новониколаевской городской милиции собрал казенных налогов и недоимок на 163 094 руб., городских – на 47 516 тыс. руб. Иркутская городская милиция в апреле–мае 1919 г. собрала 500 тыс. руб. казенных налогов и сборов⁶⁸.

Для повышения эффективности фискальных мероприятий в деревне милиция часто дублировала распоряжения налоговых органов о сборе налогов, адресуя их волостным управлениям. Тогда непоступление сборов можно было трактовать как неисполнение данных распоряжений, что являлось основанием к привлечению сельских старост и председателей правлений к административной ответственности. В местностях, находившихся на военном положении, административные взыскания накладывали и военные власти. Кратковременные аресты или их угроза действовали достаточно эффективно⁶⁹. С ноября–декабря 1918 г. на основной части Сибири сбором налогов с крестьян занимались не столько податные инспектора, редко выезжавшие в деревни, сколько уездная милиция при содействии волостных земских управ⁷⁰. Российский исторический опыт свидетельствует, что угроза насилия в большинстве случаев заставляет крестьян идти на уступки. До реального применения силы дело доходило редко. Это было учтено сибирскими чиновниками, предполагавшими сделать упор на демонстрацию силы⁷¹, и нашло практическое подтверждение⁷². Четко прослеживается и обратная зависимость. Часто непоступле-

⁶⁶ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 5, д. 25, л. 6; ГАТО, ф. 437, оп. 1, д.1, л. 16.

⁶⁷ Освобожденная Россия. 1919. 1 апр.; ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 8, л. 22; д. 26, л. 17; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 131, л. 9–10; д. 197, л. 115; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 286, л. 6.

⁶⁸ Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 46; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 235.

⁶⁹ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 28 авг.; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 197, л. 17–17об.

⁷⁰ См., например: Бюллетени Земского отдела МВД при Главном управлении по делам местного хозяйства (Омск). 1919. № 2. С. 45; Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 28 янв., 18 февр.; ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 41об.; ГАТ, ф. И-730, оп. 1, д. 123, л. 10.

⁷¹ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 8, л. 17.

⁷² Бюллетени Земского отдела МВД. 1919. № 2. С. 49, 56; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 197, л. 17–17об.; ГАТ, ф. И-722, оп. 3, д. 143, л. 1–3, 67, 103–103об., 130, 134, 136, 138, 140, 146, 163, 165, 167, 169, 172, 179, 180, 185, 187, 189, 192, 198; ф. 730, оп. 1, д. 90, л. 23, 26–26об., 32об.–33; д. 121, л. 34.

ние налогов объяснялось пассивным отношением милиции к просьбам податных инспекторов о содействии⁷³.

Все же действия милиции в деревне нельзя трактовать однозначно – далеко не всегда милицейские рейды проходили гладко. Во-первых, редко выбиравшиеся в деревню милицейские отряды действовали обычно комплексно, т.е. старались собрать сразу все недоимки и окладные налоги, штрафы за несанкционированные порубки леса, изъять самогонные аппараты, оружие и т.д. Связано это было с тем, что добровольно и постепенно крестьяне обычно ничего делать не соглашались. Поэтому мероприятия фискального и конфискационного характера, растянутые во времени для города, на деревню обычно обрушивались в виде одной карательной акции. Вторая причина состоит в том, что милиция часто злоупотребляла насильственными мерами в ходе проведения мероприятий по сбору налогов.

Были и другие способы административного воздействия на налогоплательщиков. 30 октября 1918 г. Акмолинское уездное совещание представителей правительственных, общественных учреждений и должностных лиц постановило в целях взыскания налогов запретить отпуск товаров кооперативам тех волостей уезда, которые еще не уплатили налоги. Это позволило увеличить поступление налогов в Акмолинском уезде, но Министерство финансов признало эту меру незаконной, и ее пришлось отменить⁷⁴.

Нередко от безысходного безденежья муниципальные органы шли на нарушения налогового законодательства и повышали лимиты обложения, разрешенного законодательством, и даже вводили совершенно незаконные виды обложения: на тифозных больных, на содержание охраны. Эти решения обычно опротестовывались государственными органами или лицами и организациями, заинтересованными в отмене незаконного обложения⁷⁵. Подчас земства стремились и успевали произвести переоценку недвижимых имуществ быстрее, чем казенные палаты. Тогда земская раскладка многократно расходилась с формально дозволенными объемами, основанными на оценке 1915 г., что и вызывало протесты губернских властей⁷⁶.

Очевидна территориальная неравномерность распределения налоговых сборов. Основные поступления в конце 1918 – первой половине 1919 г. давали наиболее населенные и освоенные территории Тобольской, Том-

⁷³ ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 54; д. 197, л. 17–17об.; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 312, л. 14; ТФ ТАТюМО, ф. И-730, оп. 1, д. 90, л. 23.

⁷⁴ Омский вестник (Омск). 1918. 21 нояб.; ГАРФ, ф. 146, оп. 4, д. 8, л. 12–20об.

⁷⁵ Городская дума. Бюллетень (Пермь). 1919. 31 янв.; Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 26 марта, 5 апр.; ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 43, л. 63–64; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 97, л. 9–10; ГАСО, ф. Р-1951, оп. 1, д. 76, л. 45–45об.

⁷⁶ Кириллов А.К. Земские налоги в Сибири... С. 167.

ской, Алтайской губерний и Акмолинской области. Периферия слабо участвовала в налоговых сборах и словно «выпадала» из единого фискального пространства. Причем национальные государственные образования проявляли завидную активность в стремлении обособиться. Правительство Алаш-Орды летом и осенью 1918 г. попыталось собирать все налоги и подати с казахов в свою пользу, но в октябре её действия были пресечены местными военными⁷⁷. Правительство Башкирии в сентябре 1918 г. распорядилось собирать все государственные налоги в свою пользу⁷⁸. То же касалось и земских налогов на территориях проживания башкирского населения. Эта практика, однако, вызвала активное противодействие Оренбургского земства, так как вела к развалу его деятельности в местах череполосного проживания русских и башкир. Земцы были не против автономии, но стояли за организованный и постепенный раздел земского хозяйства. Ситуация усугублялась тем, что башкирские автономисты претендовали и на сбор недоимок по земским налогам за прежние годы и захватывали уже существующие земские учреждения вместе с их кассой⁷⁹. 1 ноября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства распорядился отменить постановление Башкирского правительства, касавшееся сбора налогов⁸⁰. Созданный в Каракорумском уезде Главный алтайский комитет туземных народностей ввел дополнительное самообложение алтайцев в свою пользу. Собственные налоги в 1919 г. собирала и Бурнацдума⁸¹. Казачий сепаратизм тоже давал знать о себе в налоговой сфере. По решению 5-го войскового круга Амурского казачьего войска войсковое правление 19 ноября 1918 г. распорядилось собранный с казаков подоходный налог сдавать не в казначейство, а в поселковые и станичные правления. Попытка Амурской казенной палаты опротестовать действия казаков в 1919 г. осталась безрезультатной – правления отвечали, что не в праве нарушать постановления круга⁸².

Зайсанский податный инспектор в октябре 1918 г. сообщал, что у налогового и земского аппаратов нет средств на работы по сбору налогов, милиция пассивна, население безнаказанно игнорирует уплату налогов. «В некоторых киргизских волостях, по частным данным, подати все же собраны, но не сданы, а на них спекулируют волостные управители»⁸³. Распространены были случаи, когда волостные земства расходовали государ-

⁷⁷ Аманжолова Д.А. Казахское движение Алаш и Россия. М., 1995. С. 79–80.

⁷⁸ Вестник правительства Башкирии (Оренбург). 1918. 9 сент.

⁷⁹ Оренбургский Вестник Комитета членов Учредительного собрания (Оренбург). 1918. 26 авг.

⁸⁰ Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917—1945 гг.). М., 2000. С. 193.

⁸¹ Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 173–174.

⁸² ГАРФ, ф. Р-143, оп. 5, д. 11, л. 81, 102, 104, 106.

⁸³ ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 54.

ственные налоги на собственные нужды⁸⁴. В Иманском уезде Приморской области единственным источником налоговых поступлений летом 1919 г. оказались налоги с торговой деятельности потребительских обществ⁸⁵.

Сепаратизм имел далеко не локальные негативные последствия: сборы автономистов насчитывали сотни или тысячи рублей⁸⁶, но дезорганизованное население стремилось вовсе воздержаться от уплаты налогов. Казна недосчиталась миллионов.

Одним из важнейших прямых налогов, собиравшихся в «белой» Сибири, был подоходный налог. Порядок его сбора остался неизменным с весны 1917 г.: налогоплательщик составлял декларацию о доходах и в соответствии с ней должен был уплачивать от 2 до 30% от суммы своих доходов. При таком способе сбора налога значительная часть доходов оказывалась неучтенной.

В деревне подоходный налог практически нигде не собирался изначально, а за время советской власти его прекратили взимать и в городах. Во второй половине 1918 г. казенным палатам Сибири и Дальнего Востока приходилось заново налаживать работу подоходных присутствий и восстанавливать списки плательщиков. 6 февраля 1919 г. Главное управление налогов и сборов специально для сбора подоходного налога предложило ввести в городах должность казенных сборщиков, а также привлечь милицию. К марту почти во всех городах Акмолинской области, Томской и Енисейской губерний, в крупных городах Дальнего Востока казенные сборщики приступили к исполнению своих обязанностей. Циркуляр Главного управления налогов и сборов от 3 марта 1919 г. предписывал собирать оклады и недоимки подоходного налога путем планомерного обхода городского населения чинами милиции. На учете налоговых органов, по далеко не полным данным на 1917—1918 г., находилось около 215 тыс. плательщиков⁸⁷. В крупных городах были открыты новые пункты приема налогов в отделениях банков. В 1919 г. возобновилась регулярная проверка фискальными органами нотариальных документов. В соответствии с указаниями Главного управления налогов и сборов весной 1919 г. местные казенные палаты организовали централизованный сбор подоходного налога с работников государственных и общественных учреждений, организаций и предприятий, что должно было существенно увеличить количество налогоплательщиков⁸⁸. Что касается остального населения, только летом 1919 г. было более или менее налажено взывание недоимок

⁸⁴ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 197, л. 40; д. 379, л. 18.

⁸⁵ Дальневосточное обозрение. 1919. 29 июня.

⁸⁶ ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л. 51.

⁸⁷ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 5, д. 11, л. 4. Отсутствовали данные по Оренбургской и Семипалатинской областям, Харбину, неполные данные имелись по Тобольской губернии, фрагментарные – по Пермской губернии.

⁸⁸ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 5, д. 25, л. 6.

по подоходному налогу за 1917—1918 гг., оклады и штрафы по которым обесценила инфляция. В поле зрения подоходных присутствий и милиции попадали рядовые обыватели-недоимщики, легко соглашавшиеся оплатить 10–20 рублей. Крупные недоимщики оставались не выявленными⁸⁹. Сама система сбора налога вела к тому, что в условиях инфляции он не мог ни обременить плательщика, ни дать существенный доход казне: ведь в каждом текущем году выплачивался налог, исчисленный с доходов предыдущего года.

При существовавшем порядке сбора подоходного налога на основе деклараций доходы части населения, обладавшей значительными денежными средствами, – крестьянства, лиц свободных профессий, спекулянтов – по-прежнему не улавливались контрольным аппаратом, так как они просто не заполняли декларации. Крестьяне путали доходы и прибыль от коммерции и дружно свидетельствовали, что доходы есть только у местных торговцев. Изредка выбравшиеся в деревню инспектора делали раскладку по крупному имуществу (коровы, огороды), но крестьяне редко её признавали. Только меньшая часть граждан, главным образом, работавших по найму или официально считавшихся предпринимателями, попадала под контроль фискальных органов, которые вели проверку торговых актов, ведомостей выдачи заработной платы и других документов.

Лица с фиксированным доходом не были заинтересованы в том, чтобы их сограждане укрывались от уплаты подоходного налога. 20 марта 1919 г. Совет министров принял постановление об установлении контроля общественности за сбором подоходного налога. Оно предписывало выставлять на публичное обозрение списки добровольно декларируемых гражданами доходов. Разрешались общественный контроль, перепроверка и обжалование публикуемых данных⁹⁰. Но результаты реализации этого постановления в делопроизводстве налоговых органов выявить не удалось.

В соответствии с постановлением от 3 апреля 1919 г. впервые в России вводился новый порядок сбора налога с лиц, работавших по найму. С 1 июня 1919 г. ежемесячное удержание налога должно было производиться предприятием, которое одновременно подавало в казенную палату сведения о выплаченном своим работникам жаловании⁹¹. Это должно было решить одну проблему – начисленные налоги теперь не были подвержены инфляции.

В Министерстве финансов хорошо понимали, что слабый сбор подоходного налога объяснялся прежде всего сокрытием большей частью населения своих доходов, однако эффективного решения проблемы власть

⁸⁹ Там же, ф. 143, оп. 5, д. 11, л. 14об.; ГАТО, ф. 200, оп. 1, д. 254, л. 1–677.

⁹⁰ СУР РП. № 6. Ст. 71.

⁹¹ Там же. Ст. 77; Вестник финансов, промышленности и торговли. № 19. С. 26–27.

найти не смогла. Как это часто бывало в России, государственная власть переложила ее «с больной головы на здоровую». Реального усиления контроля над скрывавшими свои доходы гражданами не произошло, зато было обеспечено взимание налога со служащих, которых фискальным органам удавалось контролировать и раньше. Это гарантировало государству более эффективное и своевременное поступление подоходного налога с части граждан, и раньше составлявших основную категорию плательщиков. Нужно отметить, что вводимый порядок вполне соответствовал практике, утвердившейся в стране в 1920-е гг. и существующей поныне, вполне эффективной и оправдавшей себя. Наряду с архаизацией налоговой системы под влиянием революции наблюдалась и последовательная модернизация властью отдельных её частей. С другой стороны, примечательно, что наибольшей модернизации были подвержены виды прямого обложения, связанные с подоходным исчислением, т.е. именно те, за которые ратовали российские либералы и социалисты. Но налоговые преобразования не обеспечили кардинального роста сборов там, где они были сориентированы на сознательность налогоплательщика. Вырвавшись из-под контроля государства и потребовав гражданских прав, российский житель оставался носителем подданнической культуры и нуждался во внешнем контроле⁹².

В ситуации более сложную, чем государство, попали муниципальные органы востока России. Их сборы, хотя и увеличились по сравнению с периодом конца 1917 – первой половины 1918 г., но все же оставались на катастрофически низком уровне. Основная масса земских и городских налогов взималась с оценочной стоимости недвижимости. Оценка же недвижимости в Сибири производилась до Октябрьской революции. За прошедший после неё год инфляция обесценила существовавшие оклады приблизительно до 10% их первоначальной стоимости. Поэтому земские управы спешно принялись за переоценку недвижимости, что позволило поднять многие виды обложения в 10 и более раз. Однако поступления большинства видов земских налогов (например, военного, лесного, квартирного) продолжали оставаться практически нулевыми. Основой земского бюджета во второй половине 1918 г. по-прежнему был поземельный земский налог, несмотря на то, что ставки его тоже не пересматривались с 1917 г. Для городского бюджета перспективным было повышение торгово-промышленных сборов. Но закон позволял пересмотреть ставки только в новом году. Большинство городских дум озаботилось заранее тем, чтобы в 1919 г. поднять сборы за рыночную торговлю, аренду рыбалок, извоз

⁹² Кацонис Я. Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 457–466; Он же. Подданный и гражданин: налогообложение в России до и после 1917 г. и его подтекст // Россия в XXI веке. 1999. № 1. С. 168–189.

в 4–10 раз⁹³. Однако инфляция 1919 г. далеко опередила рост налоговых ставок.

Особый упор был сделан на интенсификацию налогообложения торгово-промышленной деятельности. Здесь, как правило, мероприятия проводились в комплексе и охватывали все виды налогов: прямые и косвенные, государственные и муниципальные. Наблюдавшееся в период контрреволюции увеличение импорта товаров широкого потребления сопровождалось ростом контрабанды. Силы, которыми располагало правительство, не позволяли вести эффективную борьбу с этим явлением. Основной поток контрабанды шел через Забайкалье и Приамурье, где государственная власть была слаба.

Постановления Российского правительства от 4 февраля и 6 марта 1919 г. предписывали увеличить количество таможенных участков и их оснащение, расширяли права таможенных инспекторов⁹⁴. В соответствии с этими постановлениями и была усилена кормчая стража Приамурья, что не способствовало, однако, борьбе с контрабандой. Казаки пограничных станиц Дальнего Востока, составлявшие кормчую стражу, в годы гражданской войны оказались сами почти поголовно втянуты в контрабандную торговлю⁹⁵. 24 июля 1919 г. Министр финансов уже просил упразднить кормчую стражу Приамурья и за счет сэкономленных таким образом средств усилить таможенную амурском участке границы⁹⁶.

Правительство не ограничивалось организационным усовершенствованием таможенного аппарата, а использовало для борьбы с контрабандой также усиление штрафов и наказаний за нарушение законодательства. С 12 августа 1919 г. Совет министров ввел пятикратное обложение пошлиной и акцизами товаров, задержанных при попытке контрабандного провоза. Местные таможенные управления получили право безвозмездно реквизировать контрабандные сахар и спиртные напитки, а лица, задержавшие эти товары, должны были получать вознаграждение в виде половины от его продажной цены. Ужесточались денежные штрафы и репрессивные меры за утайку чая от таможенных органов, за незаконную торговлю спиртными напитками собственного изготовления⁹⁷.

Уже 8 июля 1918 г. товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский обратился к министру внутренних дел В.М. Крутовскому с просьбой обеспечить меры по наблюдению за правильным исполнением Устава об акцизных сборах со стороны милиции. В письме отмечалось, что никогда ещё в истории страны не наблюдалось столько нарушений акцизного за-

⁹³ ГАНО, ф. Д-97, оп. 1, д. 243, л. 153.

⁹⁴ СУР РП. № 6. Ст. 89.

⁹⁵ Протоколы 6 войскового круга Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1919. С. 22.

⁹⁶ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 106, л. 503–521.

⁹⁷ Правительственный вестник. 1919. 5 марта, 12 авг.

конодательства, как в период революции⁹⁸. Руководство уральских налоговых органов также отмечало, что сбор налогов держится на милиции⁹⁹. А на заседании Временного областного правительства Урала 18 сентября 1918 г. было высказано оставшееся нереализованным предложение учредить при милиции специальные должности сборщиков налогов, подчиненных ведомству финансов¹⁰⁰.

Именно на милицию легла задача проверять городские рынки и прочие торговые места на предмет того, все ли предприниматели имели документы, подтверждавшие их права на занятия торговой деятельностью и оплаты косвенных налогов со всех товаров, и это оказалось достаточно действенной мерой, о чем свидетельствует значительный объем конфискаций контрабандного товара и интенсивное поступление штрафов¹⁰¹. Но штрафами не ограничивались – с провинившихся брали сразу все полагавшиеся налоги¹⁰². Страх быть пойманным и оштрафованным делал своё дело – проверки весной 1919 г. в Томской губернии показали, что почти все известные налоговым органам по предыдущему учету торговцы и потребительские общества выбрали промысловые свидетельства¹⁰³. Насколько эта проверка отражала реальную картину, и типичную ли ситуацию она демонстрировала, судить трудно. Торговцы оказывались хитрее государства и, выставляя на прилавки дорогую, обандероленную и оплаченную акцизами продукцию, предлагали купить из-под полы дешевую контрабанду. Сами налоговые органы усложняли работу себе и милиции по чисто техническим причинам. За отсутствием акцизных и гербовых марок и бандеролей установленного образца акцизные чиновники вынуждены были импровизировать с цветной бумагой, штампеями, подписями, облегчая подделку и запутывая контролировавшие инстанции¹⁰⁴.

В качестве особого направления взаимодействия правоохранительных и акцизных органов на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке следует выделить борьбу с нарушениями винной монополии¹⁰⁵. Это направление возникло задолго до гражданской войны с ограничением в 1914 г. продажи крепких спиртных напитков, но во второй половине 1918 – 1919 гг. сотрудничество двух ведомств усилилось. Важно отметить, что предста-

⁹⁸ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 881, л. 5; д. 1067, л. 20.

⁹⁹ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 55, л. 6–7; ф. Р-1953, оп. 2, д. 3, л. 13–13об.; ф. Р-1951, оп. 1, д. 5, л. 167–167об.

¹⁰⁰ Там же, ф. Р-569, оп. 3, д. 30, л. 26.

¹⁰¹ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 902, л. 400; д. 1076, л. 3; ГАТ, ф. И-583, оп. 1, д. 1565, л. 59–61.

¹⁰² ГАТО, ф. 200, оп. 1, д. 255, л. 25, 32, 35об., 38, 41, 44.

¹⁰³ Там же, д. 253, л. 6–114.

¹⁰⁴ Там же, ф. 209, оп. 1, д. 881, л. 9, 60; оп. 2, д. 1080, л. 22, 31; ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 15, л. 23.

¹⁰⁵ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 15, л. 23; Звягин С. Особенности пополнения бюджета... С. 163; Он же. Милиция Мариинского уезда в 1918—1919 гг. // Сибирь – фронт. Кемерово, 2000. С. 34.

вители власти сами провоцировали крестьянское недовольство. Дело было не только в самом факте борьбы с самогонварением, но и в методах его проведения. Милиция не справлялась с данной задачей и занималась самогонщиками реже, чем было положено, а вот военные власти, особенно карательные отряды, усиленно проводили репрессии. Лица, заподозренные в производстве и продаже самогона, подвергались поркам, их имущество конфисковывали часто без всяких описей. Подобные жестокости только озлобляли население против властей, неспособных организовать продажу водки и вина в деревне¹⁰⁶.

Руководители милицейских подразделений часто выражали недовольство тем, что выполнение фискальных обязанностей отвлекает личный состав от основной работы. С этим связано появление в современной историографии утверждения, что правительство принуждало милицию выполнять совершенно чужие для неё функции фискального аппарата¹⁰⁷. Подобная оценка являлась некорректной, так как содействие налоговым органам входило в круг обязанностей милиции¹⁰⁸. Другое дело, что до революции фискальные органы прибегали к помощи милиции в исключительных случаях, теперь же значительная часть налоговой работы оказалась возложена на милицию, что мешало наблюдению за общественным порядком, косвенно могло вести к ухудшению криминогенной обстановки.

Итак, государственная власть использовала разные методы стимулирования налоговых поступлений: агитацию, укрепление налогового аппарата, реформирование порядка сбора налогов и принуждение населения к налоговым выплатам. На использование первого метода летом–осенью 1918 г. Временное Сибирское правительство возлагало большие надежды, но, быстро поняв его неэффективность, отказалось от него. Лишь часть мероприятий принесла результат (введение института казенных сборщиков подоходного налога и изменение порядка его сбора, расширение таможенного аппарата). Другие мероприятия не привели к ожидаемым результатам (например, введение общественного контроля за сбором подоходного налога). Наибольшее влияние на увеличение налоговых поступлений оказывали принудительные меры, на которые с осени 1918 г. был сделан основной упор.

¹⁰⁶ Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны... С. 100; ЦХИДНИКК, ф. 64, оп. 11, д. 14, л. 67.

¹⁰⁷ Звягин С.П. Правоохранительная политика... С. 237–238; Никитин А.Н. Милиция Российского правительства... С. 46; Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999. С. 77.

¹⁰⁸ ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 881, л. 103.

Статистика налоговых сборов

Несмотря на то, что налоговые органы Поволжья и Урала в июне–октябре 1918 г. осуществляли определенную работу по возобновлению налоговых сборов, никакой сводной информации, позволившей бы определить результаты этих усилий, выявить не удалось.

Подвести определенный итог налоговой политики контрреволюционных правительств Сибири позволяет анализ статистических материалов, отражающих динамику изменения налоговых сборов в контексте долговременных тенденций.

Первая мировая война обнаружила тенденцию к сокращению поступлений от прямых налогов и увеличению – от косвенных. В 1918–1919 г. эта тенденция продолжала углубляться. Доля прямых налогов в государственном бюджете колебалась от 5 до 9% (см. Приложение, табл. II).

Несмотря на слабость податного аппарата, меры, предпринятые для увеличения сбора поземельных налогов, дали положительный результат. Министерство финансов считало такой результат большим успехом. Однако при этом собиралось около 50% окладов, хотя этот показатель колебался в зависимости от губернии, что открывало простор для исследовательских интерпретаций. В советской историографии предпочитали приводить примеры налоговых неудач. Опубликованные документы свидетельствовали, что в декабре 1918 г. в Енисейской губернии крестьянством было внесено лишь 19,2% недоимок и оклада¹⁰⁹. Правда, в Тобольской губернии с августа 1918 г. по начало января 1919 г. было собрано 3 359 714 руб., или 72,6% от оклада¹¹⁰. И это не такой уж низкий результат, даже по сравнению с последними предвоенными годами¹¹¹. Важно отметить, что среди прямого налогообложения государственный поземельный налог играл лидирующую роль только в сентябре–декабре 1918 г., составляя 15–30%. В 1919 г. он давал только 10–15%. Утверждение, что поземельное обложение было основой бюджета сибирской контрреволюции, а на крестьянство падало основное бремя налогов, ставшее общепринятым в историографии, следует признать неверным. Если напомнить, что остальные виды налогов слабо затрагивали сельскую местность, а именно там проживало 90% населения, то можно смело утверждать, что на деревню падало наименьшее налоговое бремя.

¹⁰⁹ К характеристике социально-экономического положения крестьянства Енисейской губернии в годы гражданской войны / публ. Журов Ю.В., Смолина Ю.В. // К изучению экономики Енисейской губернии в конце XIX начале XX в. Красноярск, 1962. С. 233.

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 146, оп. 4, д. 8, л. 29.

¹¹¹ Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX вв. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 36–43; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 220.

Вывод о необременительности поземельного налога можно сделать на том основании, что его ставки не пересматривались с 1915 г., а, следовательно, составляли в реальном исчислении 5–10% от своего прежнего размера. При этом следует учесть, что собираемость поземельного налога составляла лишь половину запланированного, т.е. реальное бремя поземельного налога оказалось в 1918—1919 гг. еще меньше. Поступления поземельного земского налога в среднем также составляло около 50% от ставок обложения. В исследовательской литературе приводятся сведения, что земские сборы в 1918 г. увеличились в 4,5–30 раз по сравнению с 1917 г., а в 1919 г. они выросли еще в 8,5–77 раз по сравнению с предыдущим годом¹¹². На основании этих данных историки делают вывод о гигантском росте налогов. Источником информации для таких суждений послужили поуездные ведомости сбора прямых налогов за исследуемый период. В них содержатся сведения о приросте налоговых сборов в 1918—1919 гг. в сравнении с соответствующими месяцами предыдущих лет. Следовательно, эти цифры дают основания говорить не о росте самих налогов, а только о росте их собираемости. К тому же в отчетности «белых» проводилось сравнение с самыми неблагоприятными месяцами 1917—1918 гг., когда сбор налогов в Сибири сократился до минимума. Известно, что в первой половине 1918 г. земские органы Сибири почти прекратили свою деятельность, и земские налоги в это время практически не собирались. С казенными налогами дело обстояло не лучше. Например, по Томской казенной палате государственной оброчной подати со старожилов вместе с недоимками на 1918 г. было исчислено 6 926 891 руб., а поступило в течение первого полугодия 151 291 руб., или около 2%; по Тобольской губернии за первые 7 месяцев 1918 г. поступило 2,5% поземельных налогов¹¹³. По этой причине за первые месяцы 1919 г. цифры годового прироста по некоторым уездам действительно оказались десятикратными, хотя абсолютные денежные показатели оставались низкими¹¹⁴. В сравнении с периодом наибольшего бездействия фискальных органов бремя поземельных налогов выросло, но продолжало оставаться ниже, чем в дореволюционной России. Причем это суждение верно как по отношению к казенным, так и к земским сборам.

Необходимо отметить, что по разным губерниям и уездам наблюдалось значительное колебание в поступлениях прямых налогов и в соотно-

¹¹² Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 109; Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне... С. 57; Гордеев О.Ф. О налоговой системе в аграрном секторе во времена колчаковщины // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск 1994. Ч. II. С. 15; Крестьянство Сибири в период социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 47.

¹¹³ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 197, л. 24; ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 8, л. 29.

¹¹⁴ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 4, д. 49а, л. 1–158.

шении разных видов налогов между собой. Подобные колебания зависели от военной и политической обстановки в данной местности, от взаимоотношений различных властных структур. Так, в первые месяцы после занятия «белыми» Пермской губернии земских налогов там собиралось в 1,5–2 раза больше, чем государственных, так как земскую власть в губернии восстановили, а государственную власть фактически подменили военные. В апреле 1919 г. в связи с укреплением государственного налогового аппарата в губернии соотношение собираемых налогов изменилось на прямо противоположное. Другим примером может служить динамика поступления земских налогов в Каракорумском уезде Алтайской губернии. Если в 1918 г. уездной земской управе удалось собрать 2/3 от окладных сборов, то в 1919 г. – только 10%¹¹⁵. По губерниям Сибири, дававшим основной доход от прямых налогов, казенные сборы в 1,5–2,5 раза превышали земские. Наиболее слабыми поступлениями отличались Урал, Семипалатинская область, Забайкалье и Дальний Восток, где власть государственной администрации была слаба. Например, в Семипалатинской области к концу 1918 г. удалось собрать только 173 тыс. руб. уездного земского сбора¹¹⁶. Следует признать ошибочным мнение Ю.В. Журова и Т.В. Мальцевой, что земские налоги составляли львиную долю – 9/10 всех налоговых сборов¹¹⁷. Эти выводы были сделаны на основании единичных данных по отдельным уездам Енисейской губернии и совершенно необоснованно распространены на всю Сибирь.

Основой прямого обложения в 1919 г. являлись налоги на торговую и промышленную деятельность – пятая часть сборов. К ним относились промысловый налог, а также выручка от продажи лицензий на производство и торговлю товарами, обложенными акцизами, – патентный сбор. При этом нельзя утверждать, что производственно-торговая деятельность сильно отягощалась этими налогами. Во-первых, было очень распространено уклонение от них. По сведениям управляющего Томской Казенной палатой, к лету 1919 г. в Томской и Алтайской губерниях недоимки по прошлогодним окладам составили 92%¹¹⁸. Во-вторых, этот вид налогов был легко переложим на потребителя. Инфляция только упрощала этот процесс.

Третий важнейший источник прямого налогообложения – подоходный налог. Основная его тяжесть ложилась на плечи рядовых горожан, в первую очередь, работавших по найму. Они испытывали на себе наибольшую

¹¹⁵ Яковлева Н.Я. Земские учреждения в Горном Алтае в 1917—1919 гг. // Социально-экономическое развитие Алтая в 1917—1985 гг. Барнаул, 1989. С. 23.

¹¹⁶ Земский вестник (Кустанай). 1919. № 6. С. 7.

¹¹⁷ Журов Ю.В. Социально-экономическое положение крестьянства... С.138; Он же. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны... С. 51; Мальцева Т.В. Из истории сибирского земства (лето—осень 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны... С. 103.

¹¹⁸ ГАТО, ф. 437, оп. 1, д. 1, л. 27.

тяжесть личных налогов. В 1918 г. из ожидаемых не менее 24 млн руб. поступлений по казенным палатам востока России поступило около 6 млн¹¹⁹. Благодаря мероприятиям правительства по улучшению сбора подоходного налога денежные поступления от него в казну увеличились в апреле–мае 1919 г. приблизительно в два раза. Налог был получен с трех четвертей всего учтенного дохода горожан. Правда, в тогдашних условиях это привело к усилению неравномерности сбора налога с разных социальных слоев. Деревня, вопреки закону, по-прежнему была практически избавлена от обязанности его уплаты. Городские жители в большинстве своем вынуждены были заплатить налог, так как попадали в списки налогоплательщиков. Работники организаций, предприятий и учреждений, бывшие ранее в одинаковом положении с другими горожанами, весной 1919 г. лишились возможности укрыть свои доходы от налога или оттянуть его выплату. Именно на них легло основное бремя подоходного обложения.

К сожалению, статистики сборов чрезвычайных налогов, веденных Российским правительством летом–осенью 1919 г., не велось. Однако существуют источники, дающие сведения об их поуездных сборах. Данные документы свидетельствуют, что результаты мероприятий Российского правительства по расширению источников обложения и усилению сборов с имущих слоев населения оказались ничтожными. Новые источники обложения давали доходы в объеме до нескольких десятков тысяч рублей на уезд, что не дает основания согласиться с А.Н. Никитиным и Н.Г. Соколовым о переобложенности чрезвычайными налогами населения¹²⁰.

Косвенные налоги приносили казне 60–70% доходов (см. Приложение, табл. II). Наиболее доходным их видом являлась винная монополия. Как уже отмечалось, Временное сибирское правительство возобновило продажу спиртного из государственных запасов на пять месяцев раньше восстановления винной монополии. Однако именно принятие закона о винной монополии способствовало привлечению дополнительных средств в казну. Если в июле–октябре 1918 г. торговля спиртным не принесла значительного пополнения в бюджет, то в 1919 г. – намного опередила все другие виды налоговых доходов. В январе 1919 г. от продажи казенных спиртных напитков было выручено 26 млн 42 тыс. руб., а в феврале – 34 млн 361 тыс. руб., что соответственно на 20 и 60% больше, чем в декабре 1918 г. Доход от него оставался стабильно высоким всю первую половину 1919 г. и давал третью часть бюджетных поступлений. Общий доход от торговли вином за 1919 г. Министерство финансов в декабре

¹¹⁹ Подсчет по: ГАРФ, ф. Р-143, оп. 5, д. 11, л. 4.

¹²⁰ Никитин А.Н. Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социальные и экономические проблемы Сибири переходного периода 1917—1937 гг. Омск, 1987. С. 26; Соколов Н.Г. Антинародная сущность... С. 265–272.

1919 г. определило в 456 млн руб.¹²¹ И это несмотря на то, что летом 1919 г. были потеряны Прикамье, Урал и часть Тобольской губернии, а в оставшейся её части, Акмолинской области и Томской губернии как прифронтовой зоне ввели запрет на торговлю спиртным.

Акцизы и таможенные пошлины, вместе составлявшие такую же часть поступлений, как и винная монополия, являлись налогами на производственно-торговую деятельность. Но большая их часть перекладывалась на потребителя. Значительную долю товаров, обложенных косвенными налогами, потребляли казенные ведомства, поэтому можно утверждать, что часть косвенного обложения казна перекладывала сама на себя. Сбор косвенных налогов распределялся по территории пропорционально развитию торговли и промышленности. Наибольший доход давал Владивосток и Томская губерния. Доля Урала была низка в силу специфики расположенных там производств.

С первых месяцев прихода контрреволюции к власти значительную долю государственных доходов составляли акцизы. Это объяснялось тем, что акцизные управления сохранили наибольшую дееспособность в течение периода «первой» советской власти и не нуждались в восстановлении. Во второй половине 1918 г. общая сумма доходов контрреволюционной государственной власти от них превышала сумму доходов от прямых налогов на 20%, а в первой половине 1919 г. – на 65%. Значительно возросла роль таможенных пошлин. В Российской империи во время Первой мировой войны доходы от них составляли около четверти поступлений от всех косвенных налогов. Значение импорта для «белого» востока России было особенно велико в связи с его изолированностью от европейской части страны. Ввоз товаров резко увеличился в октябре 1918 г., когда закончились боевые действия на основных транспортных путях, и продолжал расти в дальнейшем. Доля таможенного обложения в общем объеме косвенных налогов во второй половине 1918 г. составляла около 50–70%, к февралю 1919 г. снизилась до 25%, но абсолютные его показатели продолжали возрастать. Около половины всех таможенных доходов приносила Владивостокская таможня¹²².

Министерство финансов ожидало, что монополия торговля сахаром явится еще одним значительным источником пополнения государственного бюджета. В сентябре 1917 г. Временное всероссийское правительство установило монополию на торговлю сахаром. Временное сибирское правительство восстановило эту монополию. И.А. Михайлов в своем докладе Совету министров предложил в фискальных целях временно установить цену закупленного казной сахара в 160 руб. за пуд. Министр считал, что «сахарный голод и спекулятивные цены допускают временное назна-

¹²¹ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 149об.

¹²² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 12. С. 20; № 14. С. 19–20.

чение высоких продажных цен на сахар». По его расчетам, государство могло продавать до 500 тыс. пудов в месяц, получая около 105 руб. чистой прибыли за пуд. 24 октября 1918 г. новые цены на сахар были утверждены¹²³. В ноябре 1918 г. Министерство финансов учредило особую должность уполномоченного по заготовке сахара на Дальнем Востоке, который за полгода своей деятельности заключил сделки на покупку 2 млн пудов, уплатив при этом более 30 млн руб. и 4 млн иен. Из закупленного объема только 365 тыс. пудов были доставлены на склады акцизного управления, а из Владивостока в Сибирь к маю 1919 г. было отправлено только 81 тыс. пудов сахара¹²⁴. Расчеты министра являлись в корне ошибочными: доходы казны от сахарной монополии за январь–апрель 1919 г. оказались в 10 раз меньше, чем ожидалось от сделанных вложений, – 11 126 916 руб. 27 мая постановлением Совета министров была допущена свобода розничной торговли сахаром при сохранении государственной монополии на его ввоз и оптовую продажу. За май–июнь 1919 г. казна получила от сахарной монополии 26 849 690 руб.¹²⁵

Зато оправдало себя возобновление казенной продажи вином. Правда, подсчитать долю накладных расходов и чистой прибыли казны в общих доходах от этого вида деятельности не представляется возможным.

В условиях гражданской войны и растущей инфляции доходы казны от налогов составляли незначительную часть ее поступлений (см. Приложение, табл. II). Основная часть казенных трат компенсировалась не за счет налоговых поступлений, а за счет печатания денег. Роль налогов в период власти контрреволюции в Сибири была во много раз ниже, чем в Российской империи.

Реакция населения

В советской историографии жестокий налоговый гнет считали одной из основных причин проявления крестьянством недовольства антибольшевистским политическим режимом. Многие современные историки продолжают по инерции воспроизводить этот тезис¹²⁶. Несмотря на его очевидную идеологическую подоплёку, разобраться в реакции крестьянства на налоговую политику властей все же необходимо.

В 1914—1917 гг. удельный вес выступлений крестьянства против податной системы в общем количестве антиправительственных выступле-

¹²³ СУР ВСН. № 20. Ст. 157.

¹²⁴ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 1, д. 17, л. 99.

¹²⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 25. С. 7.

¹²⁶ Гордеев О.Ф. О налоговой системе в аграрном секторе... С. 15–17; Курышев И.В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати). Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1998. С. 57.

ний заметно снизился¹²⁷. С осени 1917 г. деревня не знала принудительного сбора налогов, а добровольная их уплата стремительно падала. Государственные поземельные налоги были отменены декретом о земле. Во время агитационной кампании лета 1918 г. инструкторам информационно-агитационного отдела МВД удалось добиться одобрения большинством сельских сходов намерения властей возобновить сбор налогов¹²⁸. Однако это был «эзопов язык» революции. Деревня, как и в 1917 г., готова была одобрить любую власть в той степени, в которой власть готова будет отказаться от вмешательства в мирские дела. Это стало очевидно при проведении сельскими обществами налоговых раскладок. Крестьянство было убеждено, что раз инициатива прекращения поземельных сборов в конце 1917 – первой половине 1918 г. исходила от государственной власти, каковой в то время являлись большевики, значит оно законно. В правосознании крестьянства сбор недоимок за этот период был противоправной акцией властей, так как придавал закону обратную силу. Неплатежеспособность сельского населения стала камнем преткновения, что многократно отмечалось и налоговыми чиновниками¹²⁹, и сторонними наблюдателями¹³⁰. Крестьянство повсеместно стремилось избежать уплаты недоимок за 1917 – первую половину 1918 гг. Значительная часть сельских обществ отказалась от раскладки поземельных налогов, как обычно облекая свою позицию в форму политической мифологии: отмена налогов с земли возводилась то к свержению царя, то к социализации земли, то к белочешскому перевороту. Встречалась экзотическая мотивация: неуплата за товары со стороны кооперативов и изъятие правительством «керенок»¹³¹. Часто крестьяне объясняли свою позицию неудовлетворенностью работы новых земских органов, прекращением медобслуживания, земской гоньбы и т.д.¹³² Упорство крестьян заставило власти прибегнуть к демонстрации силы, а иногда и к её применению, как правило, неосторожному.

Однако действия правительства не привели к массовому активному сопротивлению. Нередко проблема была в элементарной неосведомленности и неведении. Особенно это касалось земских налогов. До революции в Сибири земств не было, и земские налоги собирались казенными палатами. Земское положение распространилось на Сибирь только в

¹²⁷ Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г.. Новосибирск, 1975. С. 64.

¹²⁸ ГАРФ, ф. Р-1561, оп. 1, д. 2, л. 37; Семенова Н.М. Печать об отношении крестьян к социально-экономической политике Временного сибирского правительства // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 137–145.

¹²⁹ ГАОО, ф. 1711, оп. 1, д. 31, л.40; К характеристике социально-экономического положения... С. 233.

¹³⁰ ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 786, л. 19.

¹³¹ Барабинская степь (Каинск). 1918. 17, 24 авг.; Сибирская земская деревня (Тобольск). 1919. № 12. Вып. 2. С. 4.

¹³² Рощевский П.М. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 148–150.

1917 г. и привело к изменению порядка и объемов денежных сборов. Поэтому не только само население ещё не было осведомлено о порядке раскладки земских сборов, но подчас инструкции, идущие от земств, даже губернского уровня, не соответствовали закону и только запутывали крестьян¹³³. Тюменское уездное земское собрание в связи с невозможностью выяснить ценность облагаемых земским сбором имуществ в уезде утвердило раскладку земского сбора по мужским душам, фактически возродив отмененную ещё царским правительством подушную подать¹³⁴. Очень частыми стали случаи отмены раскладки, произведенной сельскими обществами, в силу их незаконности. При этом податные инспектора обнаруживали известную с дореволюционных времен, но усилившуюся под влиянием «общинной революции» тенденцию: сельские общества старались значительную часть налогового бремени переложить на лиц, проживавших на территории сельского общества, но не приписанных к нему. Облагались причты, церковная и монастырская недвижимость, учителя, почтовые и лесные чиновники, переселенцы, по закону освобожденные от налогов¹³⁵. Кроме того, имея по закону право привлекать к обложению торгово-промышленные предприятия, расположенные на их территории, сельские общества склонны были перекладывать на них значительную часть раскладки, не считаясь с их доходностью¹³⁶. Такое поведение крестьян кажется вполне логичным и не выходящим за рамки обычного, укладывается в крестьянские представления о моральной экономике. Требуя ввести раскладку по доходам, крестьяне заявляли, что доходы имели лишь те, кто торговал, а не на земле работал. Часто сельские жители настаивали на том, что обложение их подоходным налогом произведено ошибочно. Но если им всё же приходилось выплачивать этот налог, они предпочитали привычные способы раскладки – по бойцам, по душам¹³⁷.

Главными стали пассивные формы борьбы: отказ от раскладки налогов между хозяйствами, описи имущества недоимщиков. Крестьяне обосновывали свои действия жалобами на непосильность налогового бремени, крайнее обнищание¹³⁸. Эти утверждения следует воспринимать критично – крестьянский социум склонен к социальной мимикрии¹³⁹. В прессе встречаются сведения о такой форме ухода от налогов, как сокрытие раз-

¹³³ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 379, л. 19.

¹³⁴ Правительственный вестник. 1919. 12 февр.; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 2, д. 27, л. 6.

¹³⁵ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 379, л. 204; ГАТ, ф. И-743, оп. 1, д. 1, л. 17.

¹³⁶ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 379, л. 21.

¹³⁷ Минусинский край (Минусинск). 1919. 8 мая.

¹³⁸ Сибирская земская деревня (Тобольск). 1919. № 12. Вып. 2. С. 4.

¹³⁹ Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально (по материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 г.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 195–208.

меров посева¹⁴⁰. Революционный земельный передел только облегчил сокрытие земли от налоговых органов.

Открытые формы сопротивления налоговым сборам проявлялись только тогда, когда они сопровождались другими насильственными мерами, такими, как возвращение дезертировавших из армии новобранцев, взимание лесных штрафов. Причем налоги не были основной причиной возмущения. Об этом наглядно свидетельствуют даже опубликованные источники, содержащие детальную информацию о вооруженных столкновениях крестьян с контрреволюционной властью. Так, несмотря на довольно широкое применение насильственных мер при сборе поземельного налога, эти действия властей вызвали вооруженное сопротивление только в Мариинском уезде Томской губернии, где сопровождались взиманием лесных штрафов¹⁴¹. В Тобольской губернии, несмотря на систематические рейды милиции по сбору поземельных налогов в конце 1918 – начале 1919 гг., активного сопротивления крестьян выявлено не было¹⁴². Правда, Икейское восстание в Енисейской губернии имело причиной взывание земских налогов¹⁴³. Взаимосвязь войны и налогообложения проявлялась подчас причудливо. В апреле 1919 г. в Манском районе Красноярского уезда поднялось крестьянское восстание. В ходе его подавления возросли земские налоги и повинности. Тогда семь крестьянских селений заявили о желании перейти в казачество, что освобождало их от земских платежей. Их прошения были удовлетворены управлением Енисейского казачьего войска, что породило тязбу войска и губернского земства. Даже вмешательство управляющего Енисейской губернией П.И. Троицкого на стороне земства не позволило ему отстоять свои фискальные интересы¹⁴⁴.

Хотя насильственный сбор налогов и недоимок и не явился непосредственной причиной вооруженных столкновений, усилия, позволившие властям собрать с деревни около половины причитавшихся прямых налогов, дорого обошлись режиму. В Тобольской губернии удалось собрать 68% поземельных налогов, а по Курганскому уезду управляющий рапортовал, что налоги 1918 г. собраны на 98%, за первую половину 1919 г. государственные и земские налоги взысканы почти безнедоимочно без применения дополнительных мер к взысканию¹⁴⁵. Неплохая собираемость

¹⁴⁰ Друг деревни (Томск). 1919. № 5–6. С. 64.

¹⁴¹ Борьба за власть Советов в Томской губернии: Сб. документов. Томск, 1957. С. 372–378; Установление советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.). Сб. документов. Кемерово, 1967. С. 305–322.

¹⁴² Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 148–151.

¹⁴³ Показания Павла Дмитриевича Яковлева / публ. и послесловие Н.А. Скориковой // Сибирский архив. Архивные документы, публикации, факты, комментарии. Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Иркутск, 2000. Вып. 1. С. 48.

¹⁴⁴ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 19–20. С. 6–7; № 21. С. 6–7.

¹⁴⁵ Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. С. 151; ГАТ, ф. И-722, оп. 2, д. 14, л.8об.

налогов была в Алтайской и Томской губерниях, Акмолинской области. В Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в декабре 1918 г. лишь одно из трех–пяти сельских обществ (преимущественно старожильческих) приступило даже к раскладке и начало оплату налогов и недоимок. В первой половине 1919 г. ситуация не менялась в лучшую сторону¹⁴⁶. Получив от поземельных сборов 1–3% бюджетных средств, государство возбудило против себя недовольство многомиллионной массы крестьянства.

Пересчет земских поземельных повинностей в 1919 г. хоть и привел к росту окладов в 10–20 раз, но тоже не смог изменить ситуацию в земском налогообложении¹⁴⁷. В Курганском уезде государственная оброчная подать составила всего 4,5% от поземельного обложения, остальное – земские налоги¹⁴⁸. Податные инспектора забили тревогу – это могло привести к переобложению населения¹⁴⁹. Но их беспокойство было напрасным: в первом полугодии крестьяне платили недоимки прошлых лет, а во втором – инфляция свела на нет новые ставки. Только это было уже несущественно, поступления поземельных налогов с августа 1919 г. практически прекратились – власть доживала свои последние дни.

В городах случаи массового сопротивления сбору налогов вообще отсутствовали. Всё ограничивалось протестами или индивидуальным уклонением от уплаты налогов, особенно с крупных доходов. Возобновление сбора промыслового налога и налогов на прирост прибыли было связано с большими проблемами. Получив раскладку, предприниматели в массовом порядке опротестовывали её. В качестве обоснования они обычно указывали две основные причины: закрытие или приостановка работы предприятий за период обложения и преувеличенное исчисление прибыли. В последнем случае налогоплательщики отмечали неимоверно возросшие накладные расходы, ухудшившиеся условия торговли и часто апеллировали к налоговым органам коллективно, через посредничество предпринимательских представительских структур¹⁵⁰. Кооператоры очень нервно восприняли свое привлечение к оплате дополнительного промыслового налога и гербового сбора. Кооперативная работа, с их точки зрения, не имела целью извлечение коммерческой прибыли и являлась общественной, общепольной деятельностью, а власть их уравнила с буржуазией¹⁵¹. Наре-

¹⁴⁶ Земский журнал (Нижнеудинск). 1919. № 1. С. 8–9; № 3. С. 10–11; № 4. С. 9; № 5. С. 11–12; № 11. С. 10; № 12. С. 8. (Журнал содержит ежемесячные волостные сводки о ходе поступления налогов); ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 138, л. 23–24об.

¹⁴⁷ ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 138, л. 47–47об.

¹⁴⁸ ГАТ, ф. И-722, оп. 2, д. 13, л. 8об.

¹⁴⁹ ГАРФ, ф. Р-197, оп. 1, д. 186, л. 52.

¹⁵⁰ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 20 сент.; Свободный край (Иркутск). 1919. 8 авг.; ГАРФ, ф. Р-190, оп. 1, д. 82, л. 84–86об.; ГАТО, ф. 200, оп. 1, д. 249, л. 57–57об., 72; ГАСО, ф. Р-1953, оп. 2, д. 63, л. 14, 25–26.

¹⁵¹ Вестник Всесибирского совета кооперативных съездов (Омск). 1919. № 6–7. С. 11; № 8–9. С. 4.

кания вызывали и требования властей к предпринимателям выбрать промышленные свидетельства и оплатить налоги за период, когда их предприятия находились в управлении рабочих коллективов¹⁵².

Социальное напряжение вызвали и настойчивые попытки возобновления сбора подоходного налога с буржуазии. Наиболее состоятельная часть населения при советской власти подверглась контрибуциям и грабёжам или спасалась бегством. Многие считали, что 1917 и 1918 гг. вместо доходов принесли одни убытки, и платить налог не с чего¹⁵³. Но рабочие гораздо более негативно отнеслись к тому, что по мере роста их номинальной заработной платы, они оказались в числе лиц, облагаемых подоходным налогом, и получили окладные листы, хотя при существовавшей дороговизне их реальные доходы сокращались¹⁵⁴. Повышение необлагаемого минимума до 3000 руб. смогло отчасти смягчить ситуацию.

Усиление косвенного налогообложения, особенно когда оно сильно затрагивало материальное благосостояние населения, могло вызвать резко негативную реакцию. Примером может служить установление 23 октября 1918 г. новых цен на сахар, являвшийся предметом государственной монополии. Цена в 160 руб. за пуд была не слишком высока для сибирского рынка, куда спекулянтами ранее завозился сахар и по более высокой цене. Зато для Дальнего Востока монопольная цена оказалась в четыре раза выше существовавшей ранее рыночной. Новые монопольные цены вызвали панику среди городского населения Дальнего Востока, которое требовало не распространять их на Дальний Восток. Это требование было поддержано местными властями¹⁵⁵. Открытое массовое возмущение населения вынудило Временное сибирское правительство снизить монопольную цену на сахар на 30–40% (3–4 руб. за фунт) и таким образом ослабить недовольство¹⁵⁶.

Обыватели и предприниматели гораздо чаще выражали отношение к косвенному налогообложению опосредованно, продавая и покупая из-под полы неотягощенный акцизами и пошлинами товар¹⁵⁷. Степень собираемости налогов с производственной и торговой деятельности была крайне низкой, несмотря на то, что давала значительную долю налоговых поступлений. По свидетельствам чиновников промысловых отделений, большая часть торговцев и промышленников не выкупала промышленные свидетельства, следовательно, уклонялась от уплаты налогов с оборота¹⁵⁸. Из приведенной ниже табл. 3.1 сложно судить, в какой степени сокращение

¹⁵² ГАТО, ф. 200, оп. 1, д. 249, л. 69–100.

¹⁵³ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 18 февр.

¹⁵⁴ Военные ведомости (Новониколаевск). 1918. 24 дек.

¹⁵⁵ Приамурье. 1918. 31 окт., 1 нояб.; Вестник Манчжурии (Харбин). 1918. 9 нояб.

¹⁵⁶ Приамурье. 1918. 10 нояб.

¹⁵⁷ ГАТО, ф. Ф-437, оп. 1, д. 1, л. 31.

¹⁵⁸ ГАРФ, ф. Р-146, оп. 8, д. 26, л. 70.

случаев выплаты основного промыслового налога и сумм выплаты связано с упадком торговли, а в какой – с уклонением от оплаты промысловых свидетельств.

Таблица 3.1

Сведения о поступлении основного промыслового налога по Томской казенной палате

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Число протоколов о выплате налога	1640	1356	777	257	380
Сумма налоговых поступлений, руб.	673099	824890	691434	427816	292841

Источник: ГАТО, ф. Ф-437, оп. 1, д. 1, л. 33–33об. В документе дана разбивка по 11 податным участкам. Мы приводим только сводные сведения. Томская казенная палата обслуживала в 1917—1918 гг. территорию Томской и Алтайской губерний.

Исследователь вынужден судить о реакции населения на возобновление сбора налогов с торговли и промышленности по косвенным данным. Слабый государственный аппарат был способен собирать налоги только с небольшой части доходов граждан, чем и объясняется почти полное отсутствие активного выражения своей позиции городскими обывателями, рабочими, торговцами.

* *
*

Анализ законодательной и административной практики государственных органов восточной контрреволюции, статистических материалов, поведения различных социальных слоев населения позволяет сделать выводы, значительно отличающиеся от принятых в отечественной историографии. Сразу следует оговориться, что отдельные мероприятия по возобновлению сбора налогов региональными властями Поволжья и Урала трудно оценивать в силу отсутствия видимых результатов. Их анализ полезен лишь с точки зрения изучения потенциальных путей решения налоговых проблем и сравнения действия властей в разных регионах на начальном этапе контрреволюции. Поэтому дальнейшее подведение итогов будет без оговорок относиться лишь к налоговой политике Временного сибирского и Российского правительств.

Налоговая политика контрреволюции отличалась в невыгодную сторону при ее сравнении с советской. Большевики, придя к власти, объявили отмену налогов, чем snискали себе популярность в широких слоях населения. Собираемые с населения контрибуции затрагивали небольшую

часть населения и поэтому не вызывали массового недовольства. Временное сибирское правительство начало с восстановления отмененных большевиками налогов, что резко снизило его популярность, особенно в деревне. Не имея ни авторитета, ни развитого налогового аппарата, сознательно отказываясь от контрибуций, «белые» обрекли себя на постоянный недостаток денежных средств. Поправка на инфляцию показывает, что усилия по извлечению налоговых платежей из населения принесли более чем скромный результат (см. Приложение, табл. III).

В дальнейшем контрреволюционные правительства стремились усилить налоги на зажиточные слои населения. Основной упор при этом делался на законодательные и экономические методы регулирования налоговых сборов. Насилие же использовалось лишь как мера второстепенная и крайняя. Такая «мягкая» налоговая политика не принесла положительного результата, не стала фактором ни финансовой, ни социальной стабилизации. Основное внимание антибольшевистские правительства направили на законодательные и организационные изменения прямого налогообложения и возобновление сборов прямых налогов. Однако сохранение дореволюционных ставок нивелировало положительный эффект от возобновления их сбора. В результате они давали очень небольшие поступления в бюджет.

Казалось бы, сохранение низкого налогового бремени на широкие слои населения должно было принести положительный социальный эффект, однако ожидания властей не оправдались. Крестьянство, столкнувшееся не только с возобновлением ликвидированного большевиками земельного обложения, но и сбором недоимок по нему, в целом проигнорировало требования властей о выплате налогов. Парадоксально, но недоимки по прямым налогам, скопившиеся от прошлых лет, облегчили положение правительства. Их сбор составил существенную долю налоговых поступлений, тогда как текущие налоги население оплачивало неохотно. Рабочие и служащие вместо ожидаемого переложения налогового бремени на имущие слои весной 1919 г. столкнулись с ужесточением сбора налогов. Именно на них легла основная часть платежей прямых и косвенных налогов. Законодательство контрреволюционных правительств Сибири предусматривало очень высокое обложение доходов буржуазии и частных торговых предприятий, но буржуазия, на словах поддерживавшая курс власти на высокое обложение имущих слоев, реально скрыла большую часть своих капиталов и доходов от казны.

Можно сформулировать несколько выводов экономического характера. Во-первых, традиционным инструментом оценки налоговой политики является её анализ через кривую Лоренца. Она отражает то, в какой степени налогообложение «выпрямляет» неравенство доходов населения, т.е. выполняет функцию восстановления социальной справедливости (рис. 1). На востоке России в исследуемый период основная часть налогов собира-

лась с людей с достатком средним и ниже среднего. Следовательно, кривая выглядела как на рис. 2, что не отвечало ни замыслам правительства, ни ожиданиям общества.

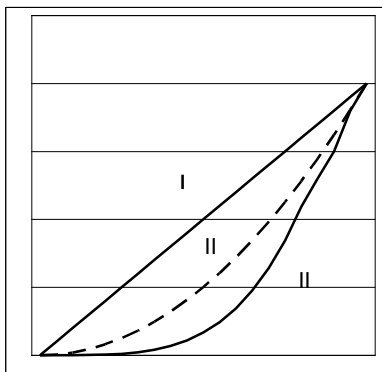

Рис. 1. Кривая Лоренца

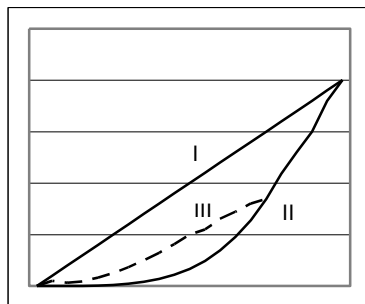

Рис. 2. Кривая Лоренца в ситуации распределения основного налогового бремени на население с низким и средним доходом

I – Линия абсолютного равенства

II – Кривая распределения доходов до уплаты налогов

III – Кривая распределения доходов после уплаты налогов

Во-вторых, в экономике существует другой критерий оценки налогов – через кривую Лаффера, с помощью которой анализируется, насколько оптимально рассчитано и распределено налоговое бремя (рис. 3). Превышение точки оптимума ведет к падению собираемости налогов и, в конечном итоге, снижает эффект самого налогообложения. На первый взгляд, собранные данные свидетельствуют о невысоком обложении. Почему же тогда их собираемость была столь низка? Ответ на этот вопрос лежит за рамками сугубо экономических факторов. Объем налоговых сборов есть не только функция от величины налогового бремени, но также и от легитимности власти. Её, конечно, невозможно просчитать в цифрах, но всё же можно представить в виде условной шкалы. При нормальном уровне легитимности этот политический фактор не будет оказывать воздействия на сбор налогов. Но чем ниже опускается уровень признания обществом своего правительства, тем ниже смещается кривая Лаффера (рис. 4). В определенный момент население начинает сопротивляться любым проявлениям фискальных усилий власти.

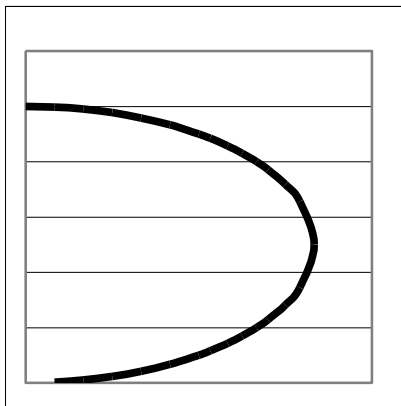

Рис. 3. Кривая Лаффера

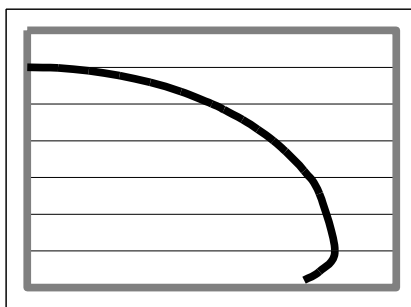

Рис. 4. Кривая Лаффера в условиях кризиса доверия правительству

Наконец, последний, третий, момент связан с окупаемостью налоговой системы. Восстановление и поддержка налогового аппарата потребовали от государства значительных усилий. Сохранив низкий уровень обложения, антибольшевистские правительства, как правило, не достигали точки окупаемости налоговых сборов. Точных данных о том, во сколько обошелся сбор налогов на востоке России, не существует. Но очевидно, что они складываются не только из расходов на содержание собственно аппарата по сбору налогов, но также армии, милиции, агитационного аппарата в той мере, в которой они обеспечивали осуществление налоговых поступлений. Очевидно, что эта сумма превышала миллиард рублей, и окупали себя лишь отдельные виды налогов.

Глава 4

ДЕНЕЖНАЯ ЭМИССИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Основной источник формирования бюджетных средств

Эмиссия была основным источником формирования бюджета большинства антибольшевистских правительств гражданской войны. Поэтому историю денежной эмиссии можно считать историей их доходов. Хотя это очевидно, но исследований, посвященных данной научной проблеме, очень немного и в основной своей массе это статьи по нумизматике. В них акцент делается на внешний вид денежных знаков и лишь иногда рассматриваются обстоятельства их изготовления. В данном разделе внимание будет уделено экономическим аспектам эмиссии.

Под эмиссией следует понимать выпуск новых денежных знаков. К разновидности эмиссии относится и выпуск в обращение ценных бумаг в качестве средства платежа. При первом приближении очень сложно понять масштабы научной проблемы, связанной с историей эмиссии. Но она не сводится к вопросу о том, когда и сколько денег напечатала та или иная власть. Авторитет денежных знаков определяется многими факторами. Их печатание – дело не простое. До революции этим занимался специальный орган – Государственная экспедиция заготовления ценных бумаг. Она имела в своём распоряжении специальное оборудование и полиграфические материалы, позволявшие создавать денежные знаки высокого качества и со специальной защитой. Ценность денег подкреплялась не только золотым обеспечением, но и трудностью их подделки, а также тем, что Государственный банк – единственный эмитент денег в России – гарантирует их относительно устойчивую ценность. Даже когда в годы Первой мировой войны в стране стали ощущаться инфляционные процессы, а свободный обмен бумажных денег на золото был приостановлен, эти гарантии оставались в силе в том смысле, что основной банк государства по-прежнему гарантировал регулирование этих процессов и единство экономического пространства страны.

За период с середины 1914 г. по 1 марта 1917 г. объём денежной массы вырос в 6,2 раза, к 1 ноября 1917 г. – в 12 раз, а к 1 января 1918 г. – в 17 раз. Но это была первая фаза инфляции, так как индекс цен за предреволюционный период войны возрос всего лишь на 207% (или на 197% по другим подсчетам). В новую фазу инфляции страна вступила в 1917 г.: рост денежной массы примерно в 2,7 раза сопровождался увеличением

цен в 4,27 раза¹. Отныне эмиссия вызывала кратное увеличение цен и остановить выпуск новых денег стало практически невозможно. В этом состоянии в середине 1918 г. и разразился антибольшевистский мятеж на востоке страны.

17 июня 1918 г. Комуч позволил прием наравне с деньгами серий государственных займов². 23 сентября в Поволжье было разрешено хождение Займа свободы и прочих государственных процентных бумаг со штампом Самарского отделения Государственного банка. На словах Комуч отверг возможность эмиссии собственных денег по соображениям хозяйственной целесообразности. Тем не менее, Е. Едидович совершенно справедливо отнес данную меру к эмиссионным шагам поволжского правительства³. Тем более, что речь шла не столько о ценных бумагах, находившихся на руках у населения, сколько о выпуске в обращение оставшихся нераспределенными листов государственных займов. Государственных ценных бумаг в Поволжских отделениях Государственного банка находилось достаточно много, что позволило Комучу иметь даже некоторый запас денег. Так, по отчетам управляющего Самарского отделения Государственного банка, на 23 августа 1918 г. банк имел в остатке свободных 97 626 000 руб. И это при том, что в предыдущий период расход банка в 3–6 раз превышал кассовые поступления⁴. И всё же это была лишь паллиативная мера борьбы с безденежьем – выпуск денежного суррогата на основе существовавших государственных ценных бумаг.

Собственные деньги Комуч выпустил чуть позже – между 23 сентября и 2 октября 1918 г. Сделано это было без законодательного утверждения. Более того, на выпущенных деньгах значилось место выпуска г. Уфа и время выпуска – 1 ноября 1918 г., что ввело коллекционеров в заблуждение⁵. До сих пор денежными знаками Комуча занимались исключительно бонисты, которые описывали внешние признаки данного исторического источника, но не старались уточнять объём эмиссии. По данным Главного управления Государственного банка Сибири, общее количество денег, выпущенных в обращение Комучем, составляло 273 млн руб.⁶ Никакого обеспечения эти деньги не имели.

¹ Бокарев В.П. Рубль в эпоху войн и революций // Русский рубль: два века истории. М., 1994. С. 177–183; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 72.

² Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918. С. 21, 45–46; Самарские ведомости (Самара). 1918. 20 июня; Городской вестник (Самара). 1918. 20 июня.

³ Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003. (Цит. по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi/edidovich.htm>)

⁴ ГАРФ, ф. Р-4375, оп. 1, д. 13, л. 173.

⁵ Едидович Л. Деньги Комуча.

⁶ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 55–55об.

Возможность выпуска новых денежных знаков обсуждалась Временным Сибирским правительством уже в первые дни его существования. В июле 1918 г. Н.Д. Буяновский запросил информацию с мест о возможности и условиях печатания денежных знаков и получил положительный ответ 13 июля из Томска и 24 августа из Иркутска⁷. В начале осени 1918 г. при Министерстве финансов была образована Экспедиция заготовления государственных ценных бумаг.

19 сентября 1918 г. Административный совет постановил, что для устранения недостатка в мелких купюрах Государственному банку Сибири в качестве временной меры предоставляется право выпуска разменных казначейских знаков достоинством в 1, 3, 5, 10 руб. на общую сумму 50 млн руб. 1 октября 1918 г. Административный совет принял постановление о выпуске 5%-ных краткосрочных обязательств Государственного казначейства Сибири достоинством в 5000, 1000 и 500 руб. на сумму 100 млн руб. сроком на один год. Через 11 дней Административный совет разрешил Государственному банку дополнительный выпуск казначейских знаков на сумму 100 млн руб. На этот раз предполагались купюры достоинством в 50, 25, 20, 10, 5, 3 и 1 руб. Государственному казначейству также разрешался дополнительный выпуск краткосрочных обязательств ещё на 200 млн руб. Это постановление предусматривало помимо купюр прежнего достоинства ещё выпуск сторублёвой банкноты⁸.

Правда, это был не настоящий государственный заем. Условия государственного займа предусматривали, что купившие обязательства граждане внесут в Государственный банк наличные деньги на сумму купленных обязательств за вычетом процентов, а по истечении срока займа государство должно будет вернуть деньги их владельцам с начислением процентов. Последним настоящим государственным займом был Заем свободы. Временное правительство действительно развернуло широкую агитационную кампанию по размещению этого займа и распространило его среди обеспеченных слоев населения, но сделало это с большим трудом и не в полном объеме. Еще царское правительство стало выпускать отпечатанные обязательства в обращение, обещая их оплату в будущем. Фактически такого рода краткосрочные обязательства являлись прикрытием обыкновенной эмиссии. Именно такие обязательства стало выпускать Временное сибирское правительство.

Для организации печатания денег в начале сентября 1918 г. в Иркутск и Владивосток был командирован директор общей канцелярии Министерства финансов Н.Н. Карамзинский. В течение сентября–октября 1918 г. предпринятые им попытки организовать печатание купюр срывались из-за

⁷ Там же, оп. 1, д. 35, л. 1, 7–7об.; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 15.

⁸ СУР ВСИ. № 15. Ст. 128, 136; № 16. Ст. 144, 145.

отсутствия хорошей бумаги, краски или печатного оборудования⁹. В конечном счете было решено начать выпуск денежных знаков низкого качества в типографиях Иркутска и Омска и одновременно заняться поисками необходимых для улучшения качества печати оборудования и материалов. С этой целью в начале ноября в Японию был послан полковник Краморенко¹⁰. 31 октября 1918 г. в Иркутске, в типографии военнотопографического отдела, была отпечатана первая партия сибирских казначейских знаков. В Омске первые краткосрочные обязательства были изготовлены в ноябре, в Екатеринбурге – в декабре¹¹.

Но загрузить мощности имевшихся типографий не смогли. Иркутская типография начала работу с шестидневным запасом расходных материалов. Типографии постоянно испытывали дефицит средств для оплаты текущих расходов, недостаток краски и бумаги, которая ввозилась частями из Японии¹². Поэтому ожидаемого улучшения состояния денежного рынка не последовало. По официальным данным, эмиссия в октябре 1918 г. составила 8 млн руб. и покрыла 4,2% месячных расходов. В ноябре объем выпуска равнялся уже 33 млн руб., или 9,9% от государственных расходов.

Беда в том, что ограниченное в своих технических возможностях Министерство финансов торопилось расплатиться с долгами и печатало «сибирские деньги» преимущественно в крупных купюрах – тысячных и пяти тысячных. Такой подход только обострял ситуацию. Основная часть эмиссии пошла на погашение долгов по зарплате за предыдущие месяцы. Администрация предприятий вынуждена была выдавать заработную плату одной пяти тысячной купюрой на 10–20 человек¹³. У кредитных учреждений и торговых предприятий возникали проблемы при приеме денег. В качестве временной меры использовали выдачу вместо денег чеков местных отделений Государственного банка. Даже налоговые органы не могли принять платежи от населения из-за отсутствия размена. Естественно, это приводило к протестам рабочих и служащих¹⁴. Местная пресса и делопроизводство казначейств изобилуют свидетельствами того, что в конце лета – осенью 1918 г. сибирский денежный рынок испытывал жесточайший дефицит мелких денег для размена. Хотя казенные палаты рассылали в уездные казначейства разменную монету и мелкие купюры, они оседали в карманах обывателей, и проблема оставалась нерешенной. Работники винных лавок и артельщики сельских кооперативов использовали денеж-

⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 11–17, 34; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 15.

¹⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 41–43, 66.

¹¹ Там же, л. 49, 66, 77; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 71.

¹² ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 35, л. 44–46, 66–67, 123–123; ф. Р-197, оп. 5, д. 99, л. 319–320.

¹³ ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 51, л. 256–259; ф. 149, оп. 1, д. 560, л. 381–381об.

¹⁴ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 43, л. 1–27; ГАТО, ф. Р-1362, оп. 1, д. 51, л. 260; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 51; Русская речь (Новониколаевск). 1918. 13 дек.

ный кризис для мошеннического обогащения. Собрав выручку мелкими деньгами, они за мзду меняли их на крупные купюры, которые потом сдавали в казначейство или кассу союза в качестве авансов за товары¹⁵. Предпринимались необычные меры преодоления денежного кризиса. Например, запретили списывать ветхие купюры. Кассы железных дорог прекратили размен денег, требуя вносить точно стоимость товаров и услуг без сдачи. Спиртное стали продавать только за мелкую разменную монету, используя винные лавки как источник получения «мелочи»¹⁶. Подчас власть действовала на грани мародерства. В Иркутске губернский комиссар П.Д. Яковлев в июле 1918 г. приказал найденные по время обысков мелкие деньги принудительно обменивать на крупные¹⁷. Некоторые учреждения (земства, кооперативы и т.д.) предписали собиравшиеся в мелких знаках поступления разменивать на крупные купюры и только их сдавать в казначейства¹⁸. Несколько снизив остроту дефицита разменных знаков для себя, они дополнительно «закупоривали» и так плохо работавшую циркуляцию мелких денег и тем самым в перспективе ещё более усугубляли ситуацию.

Получилось, что Временное сибирское правительство выпустило в оборот купюры неходовых номиналов, т.е. заведомо неликвидные деньги. Причем, в самом Министерстве финансов отлично понимали нужды денежного рынка и, запрашивая у Административного совета право на эмиссию, заявляли, что предпочтительнее печатать именно мелкие купюры, но технически эта задача оказалась пока невыполнима¹⁹.

Естественно, рынок быстро среагировал на просчеты правительства. Сибирские деньги стали непопулярны, их можно было разменять только у спекулянтов, получив за них романовские или «керенки» по более высокому курсу. До деревни, торговавшей с городом продовольствием, они почти не доходили. Зато в обмен на продукты в деревню направлялся поток мелких, наиболее ликвидных купюр, оседаая в крестьянских «кубышках» и «чулках». Известно, что рынок стремится к установлению цен, соответствующих наиболее распространенным в обращении купюрам. Поэтому дефицит мелких денежных знаков стимулировал рост цен. К тому же сибирские деньги долгое время не поступали на периферию. Царивший в отдаленных регионах острый денежный голод по-прежнему приводил к сокращению товарооборота, приостановке платежей кредитными

¹⁵ Народное дело (Красноярск). 1919. № 2–3. С. 24.

¹⁶ ГАТО, ф. 149, оп. 1, д. 560, л. 235–340; Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 24 янв.; Русская речь. 1918. 29 окт.

¹⁷ ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 5.

¹⁸ ГАТ, ф. И-745, оп. 1, д. 3, л. 10.

¹⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 5–6.

учреждениями, в том числе и государственными, спекуляции на обмене денежных знаков различного образца²⁰.

Эмиссия не «разморозила» финансовые потоки. Усилия по организации печатанья денег принимались с большим опозданием, возлагались на людей, не обладавших необходимой властью и полномочиями. Накопившиеся проблемы денежного дефицита стали предметом обсуждения на заседаниях Чрезвычайного Государственного экономического совещания 22 декабря 1918 г. и 26 января 1919 г.²¹ В ответ на справедливые упреки в неспособности организовать выпуск мелких денежных знаков в достаточном количестве А.И. Михайлову удалось убедить совещание, что все недостатки в работе Экспедиции заготовления ценных бумаг уже исправлены, и денежный кризис вот-вот будет преодолен. Как отмечал Г.К. Гинс, «сражение с министром финансов было проиграно»²². Зато И.А. Михайлов, помня, что из-за дефицита денежных знаков он чуть было не лишился своего поста, продолжал рапортовать во всех отчетах и интервью о том, что денежный кризис окончательно преодолен. Эти заявления явно искажали действительное положение дел. Из реальных мер по преодолению денежного кризиса была предпринята только одна – в САСШ был отправлен заказ на изготовление 10 млн 50-копеечных купюр, которые American Banknote Co обязалась изготовить в течение января–марта 1919 г.²³

Существовала ли у Временного сибирского и Российского правительств возможность реально обеспечить свой денежный знак? Сегодня не только в сознании рядовых российских граждан, но и профессиональных историков прочно утвердилось мнение, что «золотой запас» стал материальной основой существования колчаковского режима.

Обстоятельства, при которых значительная часть «золотого запаса» оказалась в руках Колчака, хорошо известны. 7 августа 1918 г. отряды В.О. Каппеля захватили в Казани эвакуированное туда во время Первой мировой войны золото Государственного банка. По распоряжению Кому-ча золото без всякого учета перевезли сначала в Самару²⁴, а затем в Уфу и Челябинск. Любопытно, что 13 сентября Административный совет утвердил предложенный своим военным министром текст ультимативного

²⁰ Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 3 нояб.

²¹ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 1, д. 86, л. 148–153, л. 315–323.

²² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Впечатления и мысли очевидца. Пекин, 1921. Т. 1. С. 120.

²³ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 39.

²⁴ В Казани золото из здания Государственного банка в спешке переносили в трамвайные вагоны солдаты, по рельсам доставляли к пристани, перегружали на пароход «Фельдмаршал Суворов». Но уже тогда начался учет рассыпанного золота. Мемуаристы не допускают мысли, что солдаты белой армии могли «прикарманить» себе хоть что-нибудь, легко предполагаемая мелкие хищения золота отступавшими большевиками. — См: Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 69–70.

предложения Комучу вывезти «золотой запас» из Самары в более безопасное место. Его должны были довести до сведения адресата делегаты Временного сибирского правительства на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г.²⁵ В ответ члены Комуча 16 сентября 1918 г. предписали эвакуацию ценностей Самарского отделения Государственного банка (включавших золотой запас) не далее Уфы²⁶. После ликвидации Комуча, в ноябре 1918 г., «казанский груз» был перевезен в Омск и поступил в хранилища Государственного банка²⁷. Информация о том, что Комуч вынужден был отдать чехословацким легионерам по их требованию 900 000 зол. руб. в уплату за службу, часто встречается в литературе²⁸, но не находит подтверждения в документах Государственного банка по казанской части «золотого запаса»²⁹. Столь же мифичными кажутся и сведения о том, что Совет управляющих ведомствами Комуча незадолго перед отправкой золота из Уфы изъял неизвестную сумму денег, из которых 3 млн руб. выделили для работы Съезда учредительного собрания³⁰.

Использование золота для оплаты своего внутреннего долга и укрепления финансов могло благотворно повлиять на экономическую ситуацию. Но для этого нужен был выбор иных приоритетов экономической политики и политическая воля для того, чтобы их придерживаться. Колчак ограничил задачи своего правительства только ведением вооруженной борьбы с большевиками и текущим гражданским управлением. «Непредрешение» основных вопросов политического устройства и экономической жизни было распространено и на золотой запас. Вопрос о его использовании должно было решать Национальное собрание, созыв которого откладывался до окончательной победы над большевиками. Пока же романовское золото было заперто в хранилищах Омского отделения Государственного банка, и «временная» государственная власть делала вид, что для нее этих ценностей не существует. Намерение проявить политическое

²⁵ ГАРФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 103, л. 13–13об.

²⁶ Там же, ф. Р-670, оп. 1, д. 1, л. 65.

²⁷ Там же, ф. Р-176, оп. 4, д. 33, л. 284; Гутман (Ган) А. Россия и большевизм. 1914—1920. Шанхай, 1921. Ч. 1. С. 256–257.

²⁸ Латышев И. Как Япония похитила русское золото. М., 1996. С. 16; Сироткин В. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 71; Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914—1920 гг. // Дипломатический ежегодник. М., 1995. С. 245, 251; Масарский М., Сироткин В. Вернется ли в Россию дореволюционное золото // Там же. С. 217. Ссылка на крайне недостоверную и пристрастную публикацию В.М. Зензинова «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года». Сборник документов. Париж, 1919 и некую неназванную публикацию в ЧССР и СССР.

²⁹ РГАЭ, ф. Р-2324, оп. 16, д. 47, л. 5–63; д. 53, л. 174–175об.

³⁰ Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. (Очерки истории Урала. Вып. 13). Екатеринбург, 2002. С. 25. Автор дает ссылку на книгу Е.Е. Колосова «Сибирь при Колчаке», в которой эти сведения отсутствуют.

благородство у лидеров белого движения взяло верх над политическим реализмом.

Со взглядами Верховного правителя вполне согласовывалась позиция Министерства финансов и МИД, руководство которых считало, что стабилизировать финансовое положение возможно и без использования золотого запаса. Начиная с осени 1918 г. и до осени 1919 г., сначала Временное Сибирское правительство, а затем Российское правительство адмирала А.В. Колчака связывали надежды на улучшение своего финансового положения с дипломатическим признанием со стороны союзников. Оно давало им право претендовать на купюры из САСШ, отпечатанные там еще по заказу правительства Г.Е. Львова. По мере их получения предполагалось осуществить замену множества денежных знаков, обращавшихся на рынке, на деньги американского образца.

Иностранная финансовая помощь – призрак, маячивший вдали

В советской историографии тема финансовой помощи Колчаку со стороны союзников нашла отражение в большинстве произведений о гражданской войне. В силу своего негативного характера по отношению к контрреволюции прекрасно уживались вместе два противоположных тезиса. С одной стороны, утверждалось, что антикоммунизм лидеров Антанты заставлял непрерывно расширять поддержку лидерам белого движения, не скупясь на средства. С другой стороны, постоянно подчеркивалось, что за все получаемое из-за границы Колчак расплачивался со своими «хозяевами» – интервентами золотом или сырьём, причем требования союзников были чрезмерно высоки³¹. Особенно большой вклад в обоснование этих идей внесли работы С.Г. Лившица и М.И. Светачева³².

³¹ Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири в 1918—1920 гг. Новосибирск, 1952. С. 25; Геронимус А.И. Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку // Исторические записки. 1949. № 29. С. 43–44; Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США. М., 1952. С. 151–152; Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957. С. 30–33; Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке. М., 1951. С. 35–36; и др.

³² Лившиц С.Г. Оптом и в розницу. Как Колчак торговал сибирской землей // Алтай. 1967. № 2. С. 133–147; Он же. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг. Барнаул, 1979. С. 33, 63–75; Он же. Политика Японии в Сибири. 1918—1920. Барнаул, 1991. С. 66–73; Светачев М.И. Экономическая экспансия империалистических держав на советском Дальнем Востоке. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1963. С. 9–17; Он же. Экономическое проникновение и соперничество империалистических держав на советском Дальнем Востоке в 1918—1919 гг. // Уч. зап. Хабаровского гос. пед. ин-та № 205. Хабаровск, 1964. С. 55–118; Он же. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918—1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. Вып. 2. С. 3–42; Он же. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 165–170; Он же. Сибирь, Антанта и политика помощи «белым» // Дальний Восток в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 248–266.

Впервые вопрос об иностранной финансовой помощи антибольшевистскому движению востока России был поднят еще Временным правительством автономной Сибири. В начале августа советник МИД дерберовского правительства Д.Ф. Оржешко обратился к американскому консулу Э.Р. Моррису с просьбой о выдаче его правительству займа. Э.Р. Моррис просил уточнить предполагаемые условия займа и гарантии возвращения и выразил уверенность, что САСШ смогут возобновить доставку в Россию материалов, уже заказанных при Временном правительстве³³. Во время поездки председателя Совета министров Временного сибирского правительства П.В. Вологодского по Дальнему Востоку он тоже поднимал вопрос о выделении финансовой помощи. Шансы П.В. Вологодского увеличило появление во Владивостоке экс-председателя Совета министров Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Именно он в 1917 г. сделал в САСШ крупный заказ на печатание для России денежных знаков нового образца. «Челночная дипломатия» экс-преьера была поддержана Временным сибирским правительством, выделившим средства и возложившим на князя полномочия по ведению переговоров с иностранными представителями³⁴. Г.Е. Львов добился, чтобы глава британской военной миссии А. Нокс и высокий комиссар Франции М. Реньо написали своим правительствам представления о необходимости выделения Омску аванса в 15 млн руб.³⁵ В ноябре 1918 г. Г.Е. Львов продолжил свою деятельность по организации экономической помощи Омску уже в Вашингтоне³⁶. От Михайлова он получил задание добиться в Нью-Йорке кредита в сто миллионов³⁷. Однако появившуюся в дальневосточной печати информацию о том, что САСШ уже предоставили Омску заем в \$5 млн, американские дипломатические источники категорически опровергали³⁸.

Необходимым условием «размораживания» всех американских кредитов России и передачи русским выполненных заказов, в том числе и отпечатанных купюр, было появление в России несомненного правопреемника Временного правительства. С образованием Директории проблема казалась решенной. 7 октября 1918 г. российский посол в САСШ Б.А. Бахметьев поднял вопрос³⁹, а уже 4 ноября 1918 г. американский финансовый атташе сообщил Российскому министру финансов, что два парохода с 70 млн купюр на общую сумму 3 млрд 325 млн руб. уже готовы к отправ-

³³ Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т. 4(34). С. 93.

³⁴ Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 386.

³⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (Далее FRUS). 1918. Russia. Vol. II. Washington, 1932. P. 405.

³⁶ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 35.

³⁷ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 154, л. 55.

³⁸ FRUS. Vol. II. Washington. 1932. P. 453, 460.

³⁹ Там же. Vol. III. P. 75.

ке, а в конце января 1919 г. будут отправлены остальные 14 млн купюр (их сумма в источнике не уточняется)⁴⁰. Исследователь О. Парамонов приводит другие сведения. По его данным, пароходы с купюрами имели на своем борту знаков на 3,9 млрд руб. (т.е. всю отпечатанную в Америке партию. — В.Р.). Общая же сумма заказанных денежных знаков вместе с ещё не перевезенными из Сан-Франциско составила 12,3 млрд руб.⁴¹ И.С. Шиканова со ссылкой на документы Архива внешней политики России приводит сумму 2 млрд 375 млн руб.⁴² Разной в приводимых исследователями данных объясним. Во-первых, ситуация быстро менялась, и в источниках разного времени приводятся сведения, сильно отличавшиеся друг от друга. Во-вторых, в самих архивных источниках даже одного и того же времени может попадаться разная, порой противоречащая друг другу информация. Назрела необходимость разобраться, наконец, в истинной картине.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. ухудшил позиции антибольшевистского движения на международной арене, чем осложнил вопрос об американских купюрах. Правда, этого не почувствовали российские дипломатические представители. По сообщению Г.Е. Львова 1 декабря 1918 г. из Вашингтона, несмотря на то, что из отпущенных в 1917 г. \$600 млн Россия израсходовала только треть, правительство САСШ отпущив остальную часть кредитов после большевистского переворота прекратила, сделанные посольством заказы аннулировало. Но, по уверению Г.Е. Львова, ему удалось добиться высылки в Сибирь оружия, оборудования и, самое главное, кредитных билетов, отпечатанных по его заказу для России⁴³. Бравада Г.Е. Львова опережала события. На самом деле, союзники, хотя и поддерживали правительство адмирала А.В. Колчака в деле борьбы с большевиками, не пожелали признать его права на общероссийское правление. Более того, декларация Российского правительства от 21 ноября 1918 г. о принятии всех денежных обязательств царского и

⁴⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 35–36.

⁴¹ Парамонов О. Американские полтинники // Родина. 1998. № 9. С. 74. Впрочем, насколько точен автор этой статьи, судить трудно. Упомянув, что черпает информацию из архивных документов, О. Парамонов дает отсылки только на опубликованные источники, к тому же его статья содержит фактические ошибки. Так, Российское правительство никогда не было официально признано союзниками, как утверждает автор статьи, иркутская Экспедиция заготовления государственных бумаг была создана не в 1919 г, а осенью 1918 г. Автор сам не может разобраться, когда же пароходы с деньгами прибыли в российский порт, сначала указав правильную дату – 23 декабря, в соседнем абзаце он утверждает, что к 1 ноября деньги уже были во Владивостоке.

⁴² Шиканова И.С. Русские денежные знаки, отпечатанные в США (1917—1920 гг.) // Новейшие исследования в области нумизматики. Труды Государственного исторического музея. М., 1998. Вып. 98. Ч. XIII. С. 153.

⁴³ Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926. С. 93.

Временного правительств⁴⁴ не была подкреплена реальными делами. Обещание И.А. Михайлова, сделанное, кстати, специально для иностранных средств массовой информации, о выделении в следующем, 1919 г., 58 832 843 зол руб. в погашение процентов по внешнему долгу⁴⁵ оказалось чистым блефом. Вопреки ожиданиям российской стороны, оно произвело на союзников скорее негативное впечатление, тем более, что шло в разрез с просьбами посольств предоставить новую отсрочку уплаты российского долга⁴⁶. В конце 1918 г. Российское правительство отказалось от проплаты в срок очередных процентов по внешним долгам, хотя международному сообществу было известно, что романовское золото позволяло это сделать. Отсутствие у Российского правительства дипломатического признания усугубилось недоверием к его финансовым обещаниям.

Не иначе, как фантастическими следует признать утверждения Ю.Н. Ципкина, что САСШ разморозили активы царской России и Временного правительства и разрешили Колчаку использовать 109,3 млн долларов, замороженных после прихода к власти большевиков⁴⁷. Хотя правдой является то, что Б.А. Бахметьев до лета 1919 г. верил, что ему удастся убедить американское правительство сделать это⁴⁸.

Не имеет никаких оснований утверждение М.И. Светачева и Ю.Н. Ципкина о том, что американцы якобы сами намеревались передать деньги в Россию и тем самым создать условия для финансового закабаления Сибири. Исследователь полагает, что это намерение натолкнулось на противодействие союзников по Антанте, не желавших уступать американцам контроль над сибирским и дальневосточным регионами⁴⁹. Едва ли передача денег на первоначальных условиях могла привести к закабалению державой, в которой отпечатаны деньги. Ведь САСШ не несли никаких гарантий обеспечения своих денежных знаков, как, например, сделали англичане в отношении денег, отпечатанных в Великобритании для Северной области («николаевки»)⁵⁰.

⁴⁴ Правительственный вестник. 1918. 24 нояб.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2002. Вып. I. С. 28.

⁴⁵ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 47.

⁴⁶ FRUS. Vol. III. P. 49–53.

⁴⁷ Ципкин Ю.Н. Еще раз о судьбе «белогвардейского» золота // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 98.

⁴⁸ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919—1951. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С. 117.

⁴⁹ Светачев М.И. Империалистическая интервенция... С. 137–138; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистское движение на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1917—1922). Хабаровск, 2003. С. 101.

⁵⁰ См.: FRUS. V. II. P. 58–59, 67–68, 70–71, Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920 гг. М. 1993. С. 105–106; Овсянкин Е.И. Денежные знаки Северной России. 1918—1923 гг. Архангельск, 1995. С. 13–17; Шиканова И.С. К вопросу о денежной реформе в Северной России (1918—1920 гг.) // Нумизматический сборник. Часть XIV. Труды Государственного исторического музея. М., 2001. Вып. 115. С. 296–317.

В конце 1918 г. американские власти приказали своим представителям на Дальнем Востоке не отдавать деньги в распоряжение Российского правительства. Прибывшие во Владивосток пароходы с денежными знаками, простояв без разгрузки несколько дней, взяли курс на Филиппины, потом отправились в Иокогаму. Более того, 11 января 1919 г. у российского представителя в Сан-Франциско была отобрана лицензия на вывоз оставшихся денежных знаков, погрузка ящиков с купюрами приостановлена⁵¹. В мае 1919 г. денежные купюры на сумму 1450 млн руб. из Иокогамы были перевезены на американский военный склад во Владивостоке, но передачу их русской стороне опять задержали. Американская сторона требовала дополнительного штемпелевания, подтверждающего, что всю ответственность за выпуск в обращение этих денег берет на себя «омское» правительство⁵². Американцы упорно отказывали ему в праве называться Российским. Замечание Дж.Д. Смита, что это формальное препятствие было главным, подтверждается документально⁵³. На это же основание указывали представители Англии и Франции. Но даже когда французы сняли свои претензии, американцы продолжали препятствовать передаче денег России. Более того, отказывая омскому Государственному банку в праве на эмиссию, САСШ соглашались выдать деньги только для проведения их обмена на местные денежные знаки и «керенки», почему настаивало на передаче Омску только 500 млн руб.⁵⁴ Уже в марте 1919 г. Российское правительство договорилось с американцами о передаче представителями Соединенных штатов купюр не во Владивостоке, а в Омске. Предполагалось, что в сибирскую столицу денежные знаки придут под американским контролем. Причем назывались постоянно разные суммы и сроки передачи банкнот российской стороне⁵⁵. Однако решение вопроса так и не сдвинулось с места до конца сентября, когда местным властям Дальнего Востока из привезенных денег передали 50-копеечные банкноты. 17 сентября во Владивостоке приступили, наконец, к отгрифовке американских купюр, но они должны были поступить только в полосу отчуждения КВЖД. Передача 25-ти и 100-рублевых купюр задерживалась на этот раз неуплатой по новым контрактам на изготовление банкнот. В конце осени 1919 г. они уже не могли помочь Российскому правительству⁵⁶.

⁵¹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 32; д. 10а, л. 74; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 50, 61; д. 134, л. 3–Зоб.; FRUS. III. P. 97–98, 101; Smile J.D. Civil War in Siberia... P. 414;

⁵² ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 84; ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 76, 143.

⁵³ Там же, д. 187, л. 15; см.: Smile J.D. Civil War in Siberia... P. 413.

⁵⁴ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 116, 143; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 11, 122, 147; д. 529, л. 42, 61, 644; Внешняя политика контрреволюционных правительств в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 96.

⁵⁵ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 129; д. 10а, л. 16; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 122.

⁵⁶ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 8, 12, 14, 180; д. 18, л. 16; д. 29а, л. 25–28; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1995. С. 143.

Часть денег, перевезенная в Иркутск, была отгрифована там, но поступила в обращение уже во времена существования ДВР. Другая часть была выпущена в обращение Приморской областной земской управой⁵⁷.

Конечно, отпечатанные в Америке деньги не имели никакого реального обеспечения. Однако их передача Российскому правительству облегчила бы его финансовое положение. Эти денежные знаки были высокого качества, и их хватило бы для выплаты всего текущего внутреннего государственного долга и замены ими государственных кредитных билетов и многочисленных денежных суррогатов местного хождения. Купюры не были своевременно переданы Российскому правительству в силу как политической наивности и близорукости российских политиков, так и непоследовательности союзных держав в деле поддержки колчаковского режима. Американцы не отказывались от передачи денег, но и не называли точных сроков, когда готовы будут это сделать. Взаимное непонимание между российским финансовым ведомством и союзниками оказалось роковым для кредитно-денежной политики Российского правительства. Оно постоянно находилось в ожидании, что деньги будут переданы со дня на день. В зависимости от получения американских денежных знаков ставилась вся дальнейшая финансовая политика.

Несмотря на столь неблагоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, в конце 1918 г. в недрах колчаковского Министерства финансов возник ряд проектов по стабилизации финансового положения за счет союзников. Вопрос этот волновал и общественность, поэтому сибирские экономисты публично и приватно высказывали свои предположения об укреплении денежной единицы. Единственная на сегодняшний день попытка проанализировать данные проекты предпринята в статье С.С. Ипполитова⁵⁸. Он же осуществил публикацию ряда документов, связанных с идеей финансовых реформ⁵⁹. Статья содержит ряд важных наблюдений. В частности, в ней верно отмечено, что большинство авторов, составляя свои проекты, базировалось на представлениях классической экономики, исходило из того, что природные богатства Сибири сами по себе являются достаточным обеспечением национальной валюты⁶⁰. Для инфляционной кредитно-денежной системы и кризисной экономики такие основания

⁵⁷ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. С. 282; Парамонов О. Американские полтинники. С. 75; Нестеренко Ю. С привкусом партизанщины. Деньги. Банки. Золото ДВК. 1917—1925. Чита, 1999. С. 27—28; Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 280.

⁵⁸ Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию // Гражданская война в России (1917—1922 гг.). М., 2002. С. 177—193.

⁵⁹ Белый восток: политика и финансы / публ. Ипполитова С.С. (Цит. по: http://www.antibr.ru/reader/ah_vostfin_ksd.html). Важнейшие документы публикатор привел в извлечениях, поэтому возникает необходимость обращаться к их архивным оригиналам.

⁶⁰ Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию... С. 181.

оказались ложными, поэтому предлагаемые меры имели характер прожектерства. Однако в целом с концепцией С.С. Ипполитова трудно согласиться. Он полагает, что проекты финансовой стабилизации были составлены государственными и общественными деятелями и попали в правительство с подачи союзников. Державы согласия имели корыстную цель убедить правительство передать контроль над эмиссией иностранным державам, что помогло бы им закабалить Россию и вернуть военные долги. Применительно к проанализированным в статье С.С. Ипполитова и опубликованным им же проектам И.К. Окулича и С.А. Угета, имевшим якобы ключевое значение, очевидно это не более чем авторский домysel. Союзникам не было никакого резона влиять на Российское правительство через И.К. Окулича, да и сам его проект оставляет впечатление крайне несерьезного документа⁶¹. К тому же в архивах встречаются и категорические возражения на указанные проекты стабилизации российских финансов⁶², которые составитель не включил в свою публикацию, видимо, чтобы не нарушать ими выстроенную им концепцию. Иностранные дипломаты давали свои рекомендации напрямую, о чем С.С. Ипполитов не упомянул, хотя это видно из опубликованных документов и давно известно советским исследователям⁶³. Нужно отметить, что тезис С.С. Ипполитова вообще воспроизводит советскую историографическую традицию, в соответствии с которой российская буржуазия и созданные ею правительства являлись лишь марионетками – выразителями корыстных интересов интервентов⁶⁴.

В действительности проектов по стабилизации российских финансов было гораздо больше, чем приведено в публикации С.С. Ипполитова. Первые из них появились ещё летом 1918 г. В целом они намечали три основных пути обеспечения эмиссии – золотой эквивалент (В.П. Аничков, В.И. Новицкий, более ранний, от декабря 1918 г., проект А.И. Путилова), товарный эквивалент (В.И. Новицкий, январь 1919 г., Б.Э. Торгуд, июль 1919 г.), обеспечение под иностранный кредит (И.К. Окулич, август

⁶¹ Белый восток: политика и финансы. Это, правда, не помешало Министру финансов назначить И.К. Окулича в начале 1919 г. особоуполномоченным Российского правительства по финансовым делам в САСШ, Великобритании и Франции. — ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 142, л. 159.

⁶² ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 27–29; д. 187, л. 7–10об.

⁶³ FRUS... Vol. III. P. 72–78; Светачев М.И. Американская политика помощи и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири (1918—1919 гг.) // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск, 1970. С. 36–42; Он же. Империалистическая интервенция... С. 136–138; Он же. Сибирь и Дальний Восток в контрреволюционных планах Антанты и США (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103; Соскин В.Л. Крах мирной интервенции. (1918—1919 гг.) // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита, 1972. С. 198–206.

⁶⁴ См., например: Чучин Ф. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 24–26.

1918 г., А.И. Путилов, май 1919 г.)⁶⁵. Последний вариант казался наиболее приемлемым. Но здесь главным вопросом оказалось обеспечение предполагавшегося займа. Важно также отметить, что некоторые чиновники Министерства финансов и МИД (И.А. Осседновский, В.И. Новицкий), экономисты и общественные деятели в России и в эмиграции (Н.П. Огановский, В.Д. Набоков) прекрасно осознавали, что единственный путь укрепления рубля – дать немедленно реальные гарантии его обеспечения в виде покупки валюты на золото или передачи части российских недр в концессию иностранцам. Реализм не оставлял места для патриотических сентенций. Если у России нет в настоящее время фондовых ценностей, их можно получить только в обмен на недра, предприятия⁶⁶. Однако финансовый курс в тот момент определяли другие люди, исходившие из того, что помощь России – это долг наших союзников, и оптимистично оценивавшие как внутриэкономическое положение, так и изменения международной обстановки, связанные с окончанием Первой мировой войны. Поэтому МИД обратилось к союзникам с просьбой о предоставлении нового валютного займа с целью стабилизировать рубль. Запрос включал в себя: 1) 40 млн руб. на покрытие расходов на содержание чехословацких войск; 2) 40 млн руб. на содержание Российской армии; 3) 25 млн руб. для осуществления сахарной монополии; 4) возобновление всех кредитов, открытых царскому и Временному правительствам и закрытых после большевистского переворота. В качестве гарантии обеспечения выступало улучшение финансового положения на востоке России и российский сырьё (само по себе, а не возможность его эксплуатации иностранными государствами). Любая эмиссия денежных знаков на российской территории должна контролироваться Министерством финансов. Варианты частичного иностранного контроля за эмиссией, предлагавшиеся французскими и американскими дипломатами, отвергались⁶⁷.

⁶⁵ ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 36, л. 1; ф. Р-197, оп. 5, д. 46, л. 6, 7; ф. Р-198, оп. 6, д. 17, л. 4–9, 12–19; д. 29а, л. 5–8; ф. Р-200, оп. 1, д. 174; л. 10–25, 41–43об.; д. 185, л. 16–22об.; д. 187, л. 28–35 (автор не располагает текстом декабрьского 1918 г. проекта А.И. Путилова, а только отзывам на него В.А. Каменки); д. 202, л. 11–14; Белый восток: политика и финансы; Торгуд Б.Э. К вопросу о денежной реформе // Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 15. С. 1–10; Субботовский И. Союзники, русские реакционеры... С. 234–239.

⁶⁶ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 12; д. 233, л. 12–18; Николаев А.А. Проблема сибирского регионализма: из неопубликованных экономических работ Н.П. Огановского // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1998. № 2. С. 65; Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала А.В. Колчака. 1918—1919 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 171.

⁶⁷ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 134, л. 56; д. 185, 1–1об.; 11–11об., 43–45, 60; д. 187, л. 12–13, 35–36. Выдержки из этого документа в другой архивной копии приводит О.В. Будницкий (См.: Будницкий О.В. Деньги для «белого дела» // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125). С. 61). Аналогичных документов по дипломатическим каналам было отправлено несколько. См., например: ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 23–26.

В начале 1919 г. был предпринят ряд попыток обеспечить получение части военной контрибуции с Германии, которая могла бы пойти в погашение предполагаемого иностранного кредита⁶⁸. Русским политическим совещанием в Париже были предприняты определенные усилия и для получения средств в пользу «белого дела» от союзников. Бывший министр финансов царского правительства П.Л. Барк предложил поднять вопрос о 60 млн ф. ст., переданных до революции английскому казначейству для обеспечения российских кредитов. В дальнейшем и другие участники заседаний стали исходить из необходимости получить от англичан и французов русское золото, переданное им во время войны⁶⁹. Похоже, тень «великой России» затмила глаза даже известным в прошлом своим реализмом российским политическим деятелям. О.В. Будницкий справедливо отмечает, что большинство экономистов и финансистов, принимавших участие в заседаниях Финансово-экономической секции Русского политического совещания в Париже, собиралось разговаривать с союзниками на равных, как будто они представляли могучую империю, а не развалившееся под ударами революции государство⁷⁰. Единственным условием возвращения русского золота из иностранных банков была полная оплата полученных во время Первой мировой войны кредитов. Участники парижских совещаний хотели сначала вернуть обеспечение старых кредитов на родину, а потом под него же получить новые кредиты.

Это – одна из причин активной борьбы в конце 1918 – начале 1919 г. Российского правительства за дипломатическое признание и уклонения стран Антанты от такового⁷¹. Нужно отметить, что, не допустив Россию до получения германской контрибуции, сами союзные державы в послевоенное время активно использовали германские деньги для погашения своих военных долгов.

Несмотря на утопичность основных положений финансовых проектов в условиях слабости государственной власти и отсутствия политического единства в стране, сама идея создать параллельно со старыми обесценившимися деньгами новую валюту, ограничить её выпуск и установить котировку на международном валютном рынке с целью последующей замены старых денег на новые вполне переключается с большевистской ре-

⁶⁸ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 12.

⁶⁹ Будницкий О.В. Деньги для «белого дела». С. 62–65.

⁷⁰ Там же. С. 61. П.Л. Барка в период исполнения им министерских обязанностей трудно было упрекнуть в отсутствии здравого смысла. — См.: Беляев П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002.

⁷¹ О борьбе за участие российских представителей (Русское политическое совещание) на Парижской мирной конференции наиболее подробно см.: Шмелев А.В. Внешняя политика... С. 40–48.

формой Г.Я. Сокольников–Н.Н. Кутлера, проведенной в 1922—1924 гг.⁷² Утопизм, однако, пересиливал все положительные стороны проектов. В важнейших документах, подготовленных Министерством финансов и МИД, финансовая стабилизация в России открыто ставилась в зависимость от очень крупных иностранных вложений в нашу экономику, которые преподносились как моральный долг союзников⁷³.

Провал расчетов на международную финансовую помощь заставил омских политиков более реалистично оценить ситуацию. Весной–летом 1919 г. основные усилия Российского правительства были сосредоточены на улучшении качества выпускаемых денежных знаков и минимизации российских финансовых издержек за экономическую помощь, получаемую из-за рубежа.

На фоне внешнеполитических неудач Российское правительство оказалось вынуждено делать все больший упор на расширение эмиссии «сибирских» денег. На рубеже 1918—1919 г., несмотря на бравады И.А. Михайлова, недостаток денежных знаков, особенно мелких, ощущался повсеместно в той же острой форме⁷⁴. 17 декабря 1918 г. Совет министров постановил выпустить в обращение 5%-ных обязательств на сумму в 500 млн руб., 11 февраля 1918 г. – 700 млн руб., 7 и 28 марта 1919 г. – по 1 млрд руб., а 3 июня 1919 г. – еще на сумму в 2 млрд руб., итого вместе с деньгами Временного сибирского правительства – на сумму 4 млрд 650 млн руб.⁷⁵ Но эти постановления не отражали действительную динамику денежной эмиссии. Проблема недостатка материалов и оборудования для печатания денег в 1919 г. продолжала стоять остро⁷⁶. Сведения Государственного банка о движении денежной наличности показывают, что эмиссия всё время не успевала за отведенными законом лимитами, а в обращение денег выпускали ещё меньше⁷⁷.

Один из способов решения проблемы состоял в том, чтобы сделать новый заказ на изготовление качественных купюр в Америке. Почву для

⁷² Бокарев Ю.П. Рубль в эпоху революций // Русский рубль: два века истории. М., 1995. С. 199–238; Он же. Денежная реформа середины 20-х годов и крушение рынка // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 113–119.

⁷³ См. Доверительную записку Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов в МИД «Современный момент в финансовой политике Министерства финансов» от 29 ноября 1918 г. Записка Министра финансов И.А. Михайлова от 20 декабря 1918 г. (Выдержки см.: Белый восток: финансы и политика). Нами выявлено несколько копий и вариаций этих записок: ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 42, л. 4–7, 12, ф. Р-200, оп. 1, д. 187, л. 3–6, 17–21, 37–38об.; д. 187, л. 7–10об.

⁷⁴ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 6 февр.; Русская речь. 1918. 13 дек.; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 123–125; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103, л. 100–103, 119; д. 197, л. 20.

⁷⁵ СУР РП. № 4. Ст. 44; № 14. Ст. 221; Правительственный вестник. 1919. 1 мая, 25 февр., 6 июня.

⁷⁶ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 82, л. 2об.–60.

⁷⁷ Там же, ф. Р-5863, оп. 1, д. 82, л. 3об.–4, 9об.–10, 19об.–20, 27об.–28, 33об.–34, 41об.–42, 53об.–54, 59об.–60.

этого начал зондировать Б.А. Бахметьев ещё в октябре 1918 г.⁷⁸ Финансовому агенту Российского правительства С.А. Угету удалось в январе 1919 г. заключить в САСШ контракт на изготовление 10 млн 50-копеечных банкнот для России. Позже заказ был расширен до 50 млн. Другой заказ, на 60 млн 3-х и 5-рублевыми купюрами стоимостью \$900 000, американцы принять отказались. При этом они сослались на неплатёжеспособность колчаковского правительства, отказавшегося оплатить проценты 1918 г. по американскому государственному займу⁷⁹. В течение нескольких месяцев С.А. Угет пытался разместить заказ на печатание новых купюр с отсрочкой платежа. Но американская сторона требовала 25% предоплаты и регулярной проплаты частями по мере выполнения заказа. Поэтому с большим опозданием, только получив валютные переводы из Омска, в сентябре–октябре 1919 г. С.А. Угет смог заключить контракты на изготовление дополнительной партии 50-копеечных, 12 млн 10-рублевых, 32 млн 25-рублевых, 6 млн 100-рублевых, 1,5 млн 1000-рублевых и 5000-рублевых купюр 200 тыс. шт. Контракт на 25-ти и 100-рублевые купюры был рассчитан на 9 месяцев и должен был обойтись в \$162 250, 500-сот и 1000-рублевые – \$168 000. 6 октября 1919 г. был подписан контракт на изготовление 100 тыс. 50-копеечных и 20 млн 50-рублевых купюр за \$185 000. Велись переговоры об изготовлении 3-х, 5-ти и 10-рублевых банкнот, видимо, очень большой партии, т.к. сумма контракта должна была составить \$775 000. Из за отсутствия денег этот контракт не был подписан⁸⁰. Общая сумма денег, вновь заказанных в САСШ, должна была достигать 9 млрд 550 млн руб., а вместе с 3,9 млрд из заказа 1917 г. и 50 млн полтинников, изготовленных в январе–марте 1919 г., – 13 млрд 475 млн. Суммарная стоимость заказов – \$1290 000⁸¹. Следовательно, в существующей историографии приводятся не полные, а промежуточные данные. Так О. Парамонов называет сумму в 12,3 млрд, правда, без ссылки на источник⁸². И.С. Шиканова указывает сумму в 8,5 млрд⁸³. В нумизматических публикациях встречается информация о том, что отпечатанные в САСШ полтинники всё же поступили в обращение. Они были выпущены во Владивостоке, Харбине и Иркутске уже накануне падения

⁷⁸ FRUS... Vol. III. P. 79–80.

⁷⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 44; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 66; Из секретной телеграммы представителя колчаковского правительства С.А. Угета. Вашингтон. 15 февраля 1919 г. // Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1995. С. 142. Редакторы сборника опубликовали данный документ с купюрами, что вынуждает нас обращаться к архивной копии этой телеграммы. — ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 36.

⁸⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 15, 18, 20–38, 145, 189–190; ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 99.

⁸¹ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 10а, л. 223–223об.

⁸² Парамонов О. Американские полтинники. С. 74.

⁸³ Шиканова И.С. Денежная реформа А.С. Колчака // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 129. Эти данные встречаются в газетах за сентябрь 1919 г. — См.: Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 9 сент.

Российского правительства⁸⁴. Но точных данных об объёме этих выпусков никто не приводит.

Действительно, российским властям были переданы только эти мелкие купюры. Произошло это в сентябре 1919 г. Причем передача состоялась при условии, что российская сторона поставит на них штампель, что ещё на пару месяцев оттянуло их выпуск в обращение⁸⁵. Получив, наконец, партию 25-ти и 100-рублевых купюр (в конце октября 1919 – начале 1920 гг.), российские финансовые службы не успевали отгрифовать их в количестве, достаточном даже для снабжения полосы отчуждения КВЖД. Главная проблема заключалась в отсутствии средств для найма частных типографий, и решить её удалось только с помощью реквизиции соответствующего оборудования. Всего во второй половине 1919 г. от американцев было получено 1450 млн руб., из которых к концу года отгрифовали 682 024 800 руб.⁸⁶ Ещё в июле 1919 г. Особое совещание ВСЮР запрашивало у Омска часть заказанных денег в сумме 575 млн руб., которые намеревалось выпустить в обращение с соответствующими штампелями⁸⁷. Но на юг России никакие денежные знаки американского происхождения не поступали.

Сколько заплатили российские представители за заказ новых банкнот? Известно, что первая четверть суммы вносилась С.А. Угетом после подписания контракта, а это более \$300 000, причем именно эта сумма была переведена российскому финансовому агенту из Омска в конце августа 1919 г. 26 ноября 1919 г. он сообщал, что уплатил American Banknote Co \$251 510⁸⁸. Были ли другие транши в счет этого заказа – неизвестно.

Зондировалась почва и для другого пути решения проблемы – импорта из-за границы специального оборудования и материалов для печатанья качественных купюр внутри страны. В этом направлении работа велась, но «челночными» методами. В ноябре 1918 г. Министерство финансов отправило на Дальний Восток делегацию с широкими полномочиями по обследованию финансового рынка в составе Капушевского, Соломоновича и Морриса. В конце 1918 – начале 1919 г. они вплотную занялись вопросом о закупке всего необходимого для Экспедиции заготовления ценных бумаг⁸⁹. Действуя через посредников, они добились в Японии принятия заказа на изготовление клише и поставку краски через 5–6 месяцев. Партнеры были выбраны крайне неблагонадежные, о чем предупреждал российский посол в Японии В.Н. Крупенский, обещая, подключив дипло-

⁸⁴ Шиканова И.С. Денежная реформа... С. 130; Парамонов О. Американские полтинники... С. 74.

⁸⁵ Дальневосточное обозрение. 1919. 7 сент.

⁸⁶ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 18, л. 16; д. 29а, л. 28; оп. 11, д. 30, л. 4, 14, 25.

⁸⁷ Там же, оп. 6, д. 10а, л. 200; д. 18, л. 12.

⁸⁸ Там же, л. 209, 219; оп. 11, д. 30, л. 33.

⁸⁹ Там же, д. 15, л. 57, 62, 98.

матические каналы, ускорить и удешевить исполнение заказа. Приняв заказ, японцы тянули с его исполнением⁹⁰. Тщетными оказались попытки закупить при посредничестве российских купцов литографические машины и бумагу в Шанхае⁹¹. Летом 1919 г. начался поиск литографических машин в САСШ. Только в сентябре Российское правительство объявило, что ему удалось достичь соглашения о поставке из САСШ необходимого оборудования⁹². Однако оно так и не было поставлено, и все денежные знаки, выпущенные в обращение Российским правительством, имели очень низкое качество исполнения. Лишь 16 ноября 1919 г. во Владивосток прибыла из САСШ бумага для печатания денег, партия которой в начале декабря была даже доставлена в Иркутск. Поздно оплаченная полиграфическая продукция стала активно поступать из Японии и САСШ только в ноябре–декабре 1919 г. и осела главным образом во Владивостоке. Предвидя это, Кредитная канцелярия Министерства финансов уже в сентябре занялась организацией печатания там сибирских денег, что и было осуществлено в ноябре–декабре⁹³.

К концу весны 1919 г. скорость печатания новых денег достигла размеров, достаточных для нужд государства, и их выпуск в обращение стал производиться не по мере печатания, а по мере необходимости покрыть расходы государства. По сведениям Государственного банка, к 1 мая 1919 г. в обращении находилось около 1,9 млрд руб. краткосрочными сибирскими обязательствами. Отпечатано же было к этому времени 5 млрд руб. На 16 июня 1919 г. их количество в обращении составило уже 2,8 млрд, а отпечатано было 6,4 млрд⁹⁴. Более подробную информацию о динамике выпуска в обращение денежных знаков см. в Приложении, табл. V. О качестве выпускавшихся на рынок сибирских денег красноречиво говорит следующий факт. В июле 1919 г., получив образцы настоящих сибирских, служащие одного из китайских отделений Русско-азиатского банка сличили их с уже принятыми деньгами. Было выявлено 7 видов и 14 разновидностей, ни один из которых не совпал с полученным из Омска образцом⁹⁵. Причем, вероятнее всего, лишь меньшая часть принятых денег была фальшивой. Настоящие деньги, выпускаемые одновременно в Екатеринбурге, Омске и Иркутске на какой придется бумаге, подчас радикально отличались друг от друга.

До лета 1919 г. вся финансовая политика Российского правительства ставилась в зависимость от того, удастся ли, наконец, получить купюры от американцев, либо оборудование для их печатания. Летом–осенью

⁹⁰ Там же, д. 9, л. 68, 79; ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 16, 48.

⁹¹ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 9, л. 115, 118.

⁹² Правительственный вестник. 1919. 6 сент.

⁹³ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 11, д. 2, л. 2, 24, 34, 36, 72, 169.

⁹⁴ Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 8об., 9.

⁹⁵ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 61.

1919 г. рост выпуска в обращение сибирских денежных знаков принял неограниченный характер. По неполным данным Государственного банка, в сентябре 1919 г. в обращении находилось 6,3 млрд руб., из которых 5,8 млрд руб. в 5%-ных обязательствах. Надежда на унификацию денежного обращения с помощью Североамериканских штатов исчезла окончательно, так как объем эмиссии Временного сибирского и Российского правительств многократно превысил количество отпечатанных в Америке и уже готовых купюр.

Известно, что эмиссионное право, данное Российским правительством Государственному банку, ограничивалось 12,5 млрд руб. сибирскими краткосрочными обязательствами и 650 млн казначейскими знаками⁹⁶. Эти лимиты перекрыли ещё в Омске, напечатав 12 859 млн руб. сибирскими обязательствами⁹⁷. А.И. Погребецкий и Л.Н. Юровский приводят несколько иную цифру – 12 731 095 625 руб.⁹⁸ В ноябре и декабре иркутская типография продолжала печатание сибирских денег. Эвакуированные из Омска типографские машины в первых числах декабря стали печатать деньги в винном складе⁹⁹. К ним присоединилась владивостокская хромолитография общества «Печатного дела».

Кроме того, в документах встречается упоминание о выпуске в декабре 1919 г. в Иркутске нескольких серий билетов (минимум двух) 4,5%-ного государственного займа 1917 г., по 400 млн руб. каждая серия, бланки которого тоже были заказаны, оплачены и оперативно изготовлены в САСШ¹⁰⁰. О происхождении этих денежных знаков нужно сказать особо. До лета 1919 г. Российское правительство не оставляло надежды на внутренний заем. Предполагалось использовать билеты государственного внутреннего выигрышного займа, отпечатанные в САСШ ещё по заказам Временного правительства 1917 г. вместе с банкнотами. Общая сумма отпечатанных билетов составила 2 млрд, в 10 сериях и 900 млн руб. купонов к ним. Министерство финансов рассчитывало извлечь повышенный доход, продавая их в 3–4 раза выше номинала. Население должно было привлечь большое количество выигрышей, выплачиваемых американскими качественными банкнотами¹⁰¹. Однако реально билеты попали в распоряжение Российского правительства в последние дни его существования и использовались для обычной эмиссии¹⁰². 19 ноября 1919 г. Россий-

⁹⁶ Там же, ф. Р-176, оп. 4, д. 25, л. 431–431об.

⁹⁷ Там же, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 151об.

⁹⁸ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 8; Наше денежное обращение. С. 279. Автор данной публикации Л.Н. Юровский называет «омским» весь период существования Российского правительства.

⁹⁹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 187, д. 152–153.

¹⁰⁰ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 91об.; ф. Р-5863, оп. 1, д. 26, л. 9–29.

¹⁰¹ Там же, ф. Р-197, оп. 5, д. 44, л. 48об.

¹⁰² Нестеренко Ю. С привкусом партизанщины. С. 28.

ское правительство разрешило выпуск этих денежных суррогатов в обращение. Постановление ввели в действие по телеграфу 22–23 декабря 1919 г.¹⁰³ Точных документальных свидетельств, подтверждающих эти сведения, выявить не удалось. Из 2,9 млрд в обращение было выпущено 1 464 499 710 руб. Российским правительством и 200 100 руб. Политическим центром¹⁰⁴. В тревожные декабрьские дни 1919 г. в Иркутске и Владивостоке были отпечатаны трехрублевые купюры на 400 млн, из которых 385 млн было выпущено в обращение к 17 декабря 1919 г.¹⁰⁵ Их, похоже, ни один из авторов не учитывал.

Данные об общей эмиссии денег, произведенной омскими правительствами, в разных источниках, а затем и в разных исследованиях указываются несколько различные. Их обзор сделан И.С. Шикановой. Правда, Ф. Чучин суммирует все три вида сибирских денежных знаков, а Л.Н. Юровский и А.И. Погребецкий только два. И.С. Шиканова же воспринимает это как серьёзное разночтение в данных исследователей¹⁰⁶. Менее аккуратны в подсчетах остальные исследователи¹⁰⁷. Сведения по этому вопросу даны в табл. 4.1. Однако А.И. Погребецкий справедливо указывал, что количество новых денег не ограничивалось этой суммой. В оборот проникало большое количество фальшивых денег, которые десятками и даже сотнями миллионов рублей изготавливались в Китае. Не имея возможности улучшить качество выпускаемых обязательств, Государственный банк в соответствии с указаниями Министерства финансов вынужден был «снисходительно относиться к поступившим в кассы сомнительным обязательствам, если они не сильно отступали по исполнению от настоящих и не вызывали уверенности в подделке»¹⁰⁸. От себя добавим, что дело не только в фальшивках и подделках под сибирские рубли. Эмиссия самого Государственного банка, как уже отмечалось, превысила установленный законом объём минимум на 744 млн руб., а скорее всего намного больше.

Важно отметить, что денежная эмиссия проводилась Временным Сибирским и Российским правительствами на денежном рынке, который они контролировали только отчасти, и на востоке России обращалось множество других денежных знаков, этот факт воспринимался сибирскими, а

¹⁰³ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 38.

¹⁰⁴ Наше денежное обращение. С. 280.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 11, д. 2, л. 168, 327; ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 152.

¹⁰⁶ Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Труды Государственного исторического музея. Нумизматический сборник. М., 1992. Ч. XI. С. 151, 165.

¹⁰⁷ Р.В. Николаев, данные которого воспроизводит Дж. Д. Смил, указал общую сумму эмиссии в 15 млрд (Smele J.D. Civil War in Siberia... P. 401); В.Ж. Цветков назвал 150 млрд. — Цветков В. «Экономическое чудо» по Колчаку // Родина. 2000. № 5. С. 143.

¹⁰⁸ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 8. Цитируется записка управляющего Государственным банком, которую автор не датировал.

потом российскими властями как отклонение, как временное явление, которое должно быть устранено. Поэтому мероприятия по унификации денежного рынка заняли значительную часть усилий государственной власти антибольшевистского востока России.

Таблица 4.1

Сибирские денежные знаки, выпущенные во второй половине 1918 – начале 1920 гг.

	До 5 янв. 1920 г.	С 5 по 25 янв. 1920 г.	С 25 янв. по 17 февр. 1920 г.	В С Е Г О
5% краткосрочных обязательств	12731095625	375000000	675850000	13781945625
5% краткосрочных обязательств (по данным Л.Н. Юровского)		105850000	5939057223*	
5% краткосрочных обязательств (эмиссионное право)**	12500000000			
Казначейских знаков***	638707553	7652110	3151525	
Казначейских знаков (по данным Л.Н. Юровского		10803635		
2. Казначейских знаков (эмиссионное право)	650000000			649511188
3. Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (выпуск)	1009999800	138000000		1147999800
4. Купонов к ним	454499910	621000000		1075499910
Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (выпуск по данным Л.Н. Юровского)	1464499710	200100000	1158799200****	
Билетов облигации 1917 г. 1, 2, 3 разрядов и купонов к ним (эмиссионное право)*****	1740000000			
ИТОГО	14834302888	18206536352		16654956523
Итого по Л.Н. Юровскому	14834302838	1261753635	1158799200	

Источники: Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 7; Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 257–279. Основные данные приводятся по изданию А.И. Погребецкого. Совпадающие сведения не оговариваются.

*Л.Н. Юровский приводит сведения о выпуске всех видов сибирских денег во Владивостоке с января по 5 июня 1920 г.

**Из них Временное сибирское правительство узаконило выпуск 300 000 000 руб.

***Из них Временное сибирское правительство узаконило выпуск 250 000 000 руб.

****Л.Н. Юровский приводит сведения о выпуске с 26 февраля по 6 июня 1920 г., отмечая, что деньги выпускались с надпечатками, включающими этот сибирский выпуск в общегосударственную советскую эмиссию.

*****Подтверждения сведений о том, что эмиссионное право Российского правительства на выпуск билетов и купонов облигаций 1917 г. чем-то ограничивалось, не выявлено.

Советская власть утвердилась на Урале и отчасти в Тобольской губернии уже летом 1919 г. 17 сентября 1919 г. Тюменским ревкомом был принят приказ об аннулировании сибирских денег достоинством 1000 руб. и более. Деньги номиналом 500 руб. и ниже подлежали штемпелеванию в трехдневный срок и выпускались в обращение. К штемпелеванию население и организации региона предъявили всего 10 млн 650 тыс. руб., явно очень небольшую часть сибирских денег, имевшихся в обращении¹⁰⁹.

В Восточной Сибири сибирские деньги продолжали ходить, а объём их эмиссии даже возрастал. Её не остановило падение Российского правительства. С 5 по 25 января 1920 г. пополнять кассы финансовых учреждений сибирскими деньгами продолжал Иркутский Политический центр, а с 26 января по 17 февраля 1920 г. – Иркутский военно-революционный комитет. Они выпустили 1 753 635 000 руб. Повторялась история с «керенками». Советская власть в очередной раз не испугалась выпустить из-под печатного станка деньги своих вчерашних врагов. Эмиссия сибирских денежных знаков, таким образом, увеличивалась до 16 млрд руб.¹¹⁰

В феврале 1920 г. все сибирские денежные знаки были аннулированы советской властью. Сам этот факт в условиях гражданской войны вполне понятен. Но следует учесть, что революционная власть Иркутска буквально до последнего дня выпускала в обращение те деньги, которые вскоре сама же отменяла. Естественно, это ударило очень болезненно по населению, причем пострадали в первую очередь рядовые граждане. Денежное обращение в Сибири в 1920 г. – сюжет, который имеет самостоятельное научное значение, но выходит за рамки настоящего исследования. В историографии он по-прежнему остаётся «белым пятном».

Ещё один эмитент, продолживший выпуск «сибирских» денежных знаков – Приморская областная земская управа. Сохранив автономию и антибольшевистскую направленность, этот орган предпринял выпуск в обращение денег сибирского образца на американской бумажной основе высокого качества. В обращение попали 3-х, 50-ти, 250-ти, 1000 и 5000-рублевые купюры общим объемом выпуска 5 939 057 223 руб.

¹⁰⁹ Рошевский П.И. Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 году // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пед. ин-тов. 1969. Т. 91. Исторический сборник. Вып. 2. С. 30.

¹¹⁰ Наше денежное обращение. С. 280.

(5 597 982 223 руб., по данным А.И. Погребецкого, который уточняет, что ещё 160 975 000 руб. изготовленных денег остались невыпущенными в обращение). В марте 1920 г. началось обвальное падение курса сибирских рублей в Приморье, связанное с изъятием из обращения этих денег в Сибири и советской зоне Дальнего Востока. 5 июня 1920 г. Приморская областная земская управа начала обмен старых и новых сибирских денежных знаков на деньги нового образца по курсу 1:200¹¹¹. Это была девальвация, но не конфискационный обмен, что выгодно отличало эту меру от предпринятых советской властью шагов. Так сибирские денежные знаки сошли с исторической сцены. Последующая денежная политика приморской власти обстоятельно исследована А.И. Погребецким и лишь поверхностно пересказана в позднейших исторических исследованиях¹¹².

Как заметил советский исследователь В. Наволочкин, весь путь сибирских денежных знаков – это путь скольжения под уклон, путь почти ежедневного падения в цене¹¹³. Подобные эмиссии не могли не сказаться на курсе сибирского рубля. На Дальнем Востоке курс сибирской валюты с июня по декабрь 1920 г. упал с 18 до 160–170 руб. за иену¹¹⁴.

Ещё в 1920-е гг. Л.Н. Юровский осуществил дефляцию сибирских денежных выпусков, выразив весь объём эмиссии в золотых рублях. Он полагал, что 14 834 302 838 руб. всех видов, выпущенные в обращение Временным сибирским и Российским правительствами, имели реальное стоимостное выражение в 385 306 566 зол. руб. (1 зол. руб. равен 38 сибирских). 1 261 753 635 руб., пополнивших денежный рынок при Политическом центре, реально имели вес в 10 877 187 зол. руб. (1 зол. руб. равен 116 сибирских). Выпуск в обращение 1 158 799 200 сибирских руб. Иркутским военно-революционным комитетом был обеспечен на 681 647 зол. руб. (1 зол. руб. равен 1700 сибирских). Владивостокские сибирские деньги 1920 г. в 5 939 057 223 руб. оценены им в 9 898 445 зол. руб. (1 зол. руб. равен 600 сибирских). Технологии своих подсчетов советский финансовый работник не раскрывает, хотя взвешенность его оценок и опора на документальную базу не вызывает сомнений¹¹⁵.

¹¹¹ Там же; Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 96.

¹¹² Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 140; Демидов Л.А. Экономическая политика Дальневосточной республики: истоки, эволюция, финал // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 224; Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 100–102.

¹¹³ Наволочкин Н. В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // Дальний Восток. 1966. № 4. С. 153–158.

¹¹⁴ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 29.

¹¹⁵ Наше денежное обращение. С. 257–280.

Иностранные займы и судьба «золотого запаса»

Итак, имея очень небольшие реальные доходы и огромные расходы, антибольшевистские правительства востока России большие надежды возлагали на внешний заём. В течение всей Первой мировой войны Россия регулярно получала от союзников товарные кредиты. Это и удерживало страну в состоянии войны с Германией, но не помогло предохранить от революции. Товарные и денежные кредиты были заморожены только с приходом к власти большевиков. Например, САСШ приостановили проплату неизрасходованной части в \$134 млн из кредита в \$325 млн, выданного Временному правительству¹¹⁶. Однако все усилия по «размораживанию» этих кредитов, как известно, наталкивались на проблему официального признания одного из антибольшевистских правительств. Вопрос о возобновлении кредитов и поставок по ним военного и прочего оборудования поднимался неоднократно разными правительствами. Но всерьез можно рассматривать только усилия Российского правительства.

В САСШ, Великобритании и Франции были политики, склонявшиеся к необходимости выдать Омску новые или разморозить старые кредиты, чтобы помочь ему в вооруженной борьбе с большевиками. Генерал Д.Г. Щербачев и С.Д. Сазонов в марте 1919 г. просили у Франции кредит в 690 млн фр., но реакции французского правительства не последовало¹¹⁷. И.А. Михайлов 5 июля 1919 г. просил американское правительство через С.А. Угета и И.К. Окулича о кредите в \$168 млн, представляя ежемесячную смету на полгода вперед¹¹⁸. По сообщению И.И. Сукина, в июле он уговорил генерального консула САСШ в Иркутске Э. Гарриса содействовать в получении кредита в \$320 000 000¹¹⁹. Во время известного «Омского» совещания российские представители говорили о необходимости выделить им кредит в \$200 млн. Посол САСШ в Японии Моррис, посетивший в июле–августе 1919 г. Сибирь, поддержал просьбу о 180-миллионном кредите¹²⁰. Чтобы ускорить получение кредита, вернулись к обсуждению вопроса о сроках и гарантиях погашения российского долга. Министр финансов просил послов напомнить правительствам, в которых они были аккредитованы, что Российское правительство намерено выделить в текущем году 383 млн руб. на уплату процентов по внешним долгам и 58 млн руб. в погашение самих долгов¹²¹. В телеграмме от 12 августа 1919 г. в Вашингтон И.И. Сукин уверял, что для покрытия неоплаченных

¹¹⁶ Девис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., 2002. С. 143.

¹¹⁷ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 77.

¹¹⁸ Там же, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 420, 426.

¹¹⁹ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 42.

¹²⁰ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири... С. 165, 167; Шмелев А.В. Внешняя политика... С. 215.

¹²¹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 308.

процентов по русским долгам в Америке Российское правительство намерено выпустить специальные боны, которые дадут держателям дополнительную уверенность в намерении когда-нибудь с ними расплатиться. Министр уверял, что в ближайшее время Россия приступит к погашению и процентов, и самого капитала по своим займам, но чтобы это произошло, Америка должна выдать ещё один заём¹²². Вопреки утверждению И. Субботовского о положительном решении этого вопроса САСШ и усилении помощи Колчаку¹²³ никаких кредитов от иностранных государств так и не последовало. Из Японии В.Н. Крупенский сообщил в феврале 1919 г., что все попытки получить заем у японского правительства безнадежны. Он предлагал вернуться к обсуждению вопроса позже, когда будут получены положительные ответы от других союзников, и предупреждал, что вероятнее всего это будет заем у частных банков под залог золота¹²⁴.

Не будучи признанным международным сообществом, Российское правительство могло получить деньги на оплату товаров только у частных банков. Но для этого нужны были гарантии куда более реальные, чем те, которые Министерство финансов предоставляло иностранным государствам в конце 1918 – начале 1919 г. А оно предлагало абстрактное обеспечение всем национальным достоянием, т.е. по сути дела просило бланковый кредит, основанный на полном доверии к заёмщику. Чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос о военном снабжении, колчаковское Министерство финансов в марте 1919 г. согласилось на перевозку части золотого запаса во Владивосток. Это золото должно было стать не средством оплаты выполненных заказов, а всего лишь гарантией (но в действительности стало залогом) того, что Российское правительство выплатит свои долги. Согласие на перевозку части золота во Владивосток было своеобразным компромиссом между принципом непредрешиения и необходимостью делать закупки за рубежом.

Корректировка намерений правительства относительно судьбы золотого запаса застала Государственный банк врасплох. С ноября 1918 г. золото так и продолжало лежать в омских кладовых банка не осмотренное и не принятое на баланс¹²⁵. Поэтому 10 марта 1919 г. Российское правительство вынуждено было санкционировать отправку на восток более 173 млн зол. руб. без пересчета, ограничившись их проверкой по банковским книгам¹²⁶. Только 3 апреля 1919 г. Совет министров постановил начать прием

¹²² Субботовский И. Союзники, русские реакционеры... С. 118.

¹²³ Там же. С. 122.

¹²⁴ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 21, 23.

¹²⁵ Даже документы Омского отделения Государственного банка содержат разные сведения о количестве этого золота, колеблющемся в несколько тысяч зол. руб. — ГАРФ, ф. Р-143, оп. 14, д. 23, л. 11, 11об.; ф. Р-176, оп. 4, д. 33, л. 284; РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 46.

¹²⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 53, л. 205.

золота на баланс Государственного банка. Эта процедура была завершена 10 мая¹²⁷.

Любопытно, что вместо числившихся по документам 651 534 407 зол. руб., захваченных в Казани, в банке при пересчете обнаружили только 645 410 610 зол. руб. Впрочем, банковские работники дали этому объяснение. 100 ящиков успели вывезти большевики во время бегства из Казани, и это никак не было зафиксировано в банковских документах, а в нескольких поврежденных мешках обнаружился недочет. Итого разница между документами и реальным количеством золота в Омских кладовых составила 6 123 796 зол. руб.¹²⁸

19 и 20 июля было отгружено во Владивосток 84 360 тыс. зол. руб., 8 сентября и 18 октября – ещё две партии, но они были задержаны Г.М. Семёновым в Чите. Наконец, 7 ноября 1919 г. оставшееся золото погрузили в 29 вагонов для отправки в Иркутск¹²⁹. Это знаменитый «золотой эшелон», который, в конце концов, почти полностью вернулся в советскую Россию. Его судьба, достаточно подробно исследованная в историографии¹³⁰, нас не интересует, т.к. это золото, не использованное Российским правительством. Всего же во Владивосток в 1919 г. попало 190 899 651 зол. руб., в Чите осталось 43 577 774 зол. руб.¹³¹ Большинство исследователей приводят несколько иные данные: 195 026 000 зол. руб. прибыло во Владивосток, 42 251 000 захватил Г.М. Семенов. При этом они ссылаются на публикацию В.И. Новицкого или друг на друга¹³².

О пребывании части золотого запаса России в Сибири написаны горы литературы, но все авторы перетолковывают сведения, введенные в научный оборот несколькими эмигрантскими (А.И. Погребецкий и В.И. Но-

¹²⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 16. С. 23.

¹²⁸ РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 46.

¹²⁹ Там же, д. 53, л. 206–209, 214.

¹³⁰ Золотой эшелон / Публ. Кладт А.П. и Кондратьева В.А. // Исторический архив. 1961. № 1. С. 20–53; Кладт А.П., Кондратьев В.А. Быль о золотом эшелоне. М., 1962; Гак А.М. Дворянов В.Н., Папин Л.М. Как был спасен «золотой запас» России // История СССР. 1960. № 1. С. 137–143; Гак А.М. О судьбе золотого запаса России в 1918—1920 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 133–155; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914—1920 гг. Париж; Прага, 1928. С. 163–172; Лившиц С.Г. Новое о «золотом эшелоне» // Алтай. 1969. № 4. С. 75–89; Smele J.D. Imperial Russian Gold? Reserve in the Anti-Bolshevik East. 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War // Europe – Asia Studies. Vol. 46. 1994. P. 1317–1347).

¹³¹ ГАРФ, ф. 143, оп. 14, д. 23, л. 11.

¹³² Петров С. Сколько российского золота оказалось за границей в 1914—1920 гг.? // Дипломатический ежегодник: к 60-летию Дипломатической академии. М., 1995. С. 245–247; Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996. P. 419; Smele J.D. Imperial Russian Gold... P. 1319. С. Петров утверждает, что эти данные извлечены из документов Российского Государственного банка, хранящихся в ЦГАОР (ныне ГАРФ), но не приводит архивную легенду использованных документов. Выявленные нами документы Государственного банка о «золотом запасе» хранятся в другом архиве и содержат иную информацию.

вицкий) и советскими (А.М. Гак, А.П. Кладт, В.А. Кондратьев) авторами. Дж.Д. Смиль, ссылаясь на В.И. Новицкого, приводит общую сумму перевезённого во Владивосток золота: 195 026 801 руб., и она равняется сумме проданного и переданного на депозит иностранным банкам (табл. 4.2). А.П. Кладт и В.А. Кондратьев дают другие сведения – 197 994 721 зол. руб., а в справке Государственного банка упоминается 190 899 651 зол. руб.¹³³

Таблица 4.2

Займы Российского правительства, осуществленные с использованием «золотого запаса»

Покупатель, заимодатель, время заключения сделки	сумма в зол. руб.	сданная сумма в валюте
Продажа		
Французскому правительству (май 1919 г.)	2661185	нет сведений
Британскому правительству (май 1919 г.)	10898182	— " —
Британскому и Французскому правительствам (июнь 1919 г.)	14753114	51300000 фр.
Японскому правительству (август 1919 г.)	13559381	нет сведений
Японскому правительству (сентябрь 1919 г.)	10550254	— " —
Французскому правительству (сентябрь 1919 г.)	15839381	— " —
Общая сумма продаж	68261497	— " —
Депозит		
Под заем в Японии (Йокогама спеш-банк и Чосен банк)	31680765 26580000*	30535434 иены 29500000 иен* 80535434**
Под заем у Англо-Американского консорциума банков	90860000 81500000**	8621171 ф. ст.
Депозит под оружие в САСШ	4224102	\$2059267
Общая сумма	126765304	—
Сумма проданного и сданного на депозит	195026801	—

Источники: Документы внешней политики. М., 1961. Т. 5: 1 января 1922 – 19 ноября 1922 г. С. 309; Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924. С. 88–89; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в годы войны и революции. Харбин, 1924. С. 10–13; Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132; Smele J.D. Imperial Russian Gold? Reserve in the Anti-Bolshevik East. 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War // Europe – Asia Studies. Vol. 46. 1994. P. 1319–1320); Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996. P. 419.

* Сиратори М. Деятельность японских банков... С. 132.

** Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 13.

¹³³ РГАЭ, ф. 2324, оп. 16, д. 47, л. 624; Дж.Д. Смиль в обеих своих публикациях цитирует неизвестную нам в оригинале статью В.И. Новицкого: The Russian Gold Reserve – What Became of it // The Economist. L. Vol. 100. № 4 (266). 1925. 30 May. P. 1066–1067 (Smele J.D. Imperial Russian Gold... P. 1319; Smele J.D. Civil War in Siberia... P. 419.); Золотой эшелон / Публ. Кладт А.П., Кондратьев В.А. // Исторический архив. 1961. № 1. С. 22–23.

Никто из исследователей до сих пор не задался вопросом о том, насколько эффективно попыталось распорядиться Российское правительство частью золота. Министерство финансов и МИД рассматривали два пути. Первый, более предпочтительный, – получение кредитов под обеспечение золота. Второй – продажа – считался приемлемым в форс-мажорных обстоятельствах, если нужда в валюте станет крайней. Вопрос о реализации серебра стал рассматриваться с февраля 1919 г., а золота – с апреля 1919 г., а всем финансовым агентам было дано задание изучить мировой рынок золота и выяснить условия наиболее выгодной его продажи и кредитования под него. Однако условия оказались весьма неблагоприятны¹³⁴. Французы предлагали купить неограниченное количество золота через Банк де Франс, но с условием расходования только внутри страны, Гонконг-Шанхайский банк затребовал полуторное золотое обеспечение в 37 млн зол. руб. Сити-банк готов был дать лишь \$5 млн, или 1/5 того, что запрашивало российская сторона. В Англии банк братьев Беринг взялся организовать Англо-американский синдикат для консолидированного крупного займа в 10 млн ф. ст. на более выгодных условиях – золотой депонент должен был лишь на 15% превышать сумму кредита¹³⁵.

Существовала серьезная опасность, что иностранные кредиторы России потребуют принудительного взыскания долгов, и тогда на выпущенное за рубеж русское золото или денежные фонды будет наложен секвестр. Действительно, несколько позже, в 1920 г., Франция потребовала секвестрировать золото и валюту российской казны для оплаты внешнего долга¹³⁶. Поэтому переговоры о займах и продажах золота не афишировались. Окончательное заключение сделок задерживалось крайней медлительностью телеграфного способа согласования условий между Омском и Лондоном, Парижем, Нью-Йорком, Токио. Переговоры с англо-американским синдикатом затянулись до сентября 1919 г. Все участники, кроме братьев Беринг, выдвигали новые, кабальные условия. Майские продажи золота российское Министерство финансов и Политическое совещание в Париже рассматривали как пробный шар, полагая, что после первых продаж легче будет решать основную задачу – договариваться о залоге основной части золота под крупный кредит. В конце июня 1919 г. ряд американских частных банков согласились независимо от англо-американского синдиката на операцию по залогу золота ещё на \$5 млн. Одновременно правительство САСШ согласилось на поставку некоторых товаров под золотой депонент, допуская оплату контрактов до 15 сен-

¹³⁴ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 47; д. 132, л. 73; д. 133, л. 71; д. 179, л. 8, 14–15; д. 332, л. 30; Шмелев А.В. Внешняя политика... С. 175.

¹³⁵ Об интервенции США против советской России // Исторический архив. 1960. № 6. С. 10; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 39–40об.

¹³⁶ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 54об.

тября 1919 г. долларами. В случае неуплаты долларов к указанному сроку золотой депозит оставался в распоряжении американских партнеров¹³⁷. Условия подписанных в Америке контрактов оказались крайне невыгодны, в том числе и по вине российской стороны. Из-за недостатка ресурсов Кредитная канцелярия Министерства финансов смогла доставить золото в Гонконг для депонирования только в октябре. Всю сумму займа Российское правительство должно было получить частями к 31 декабря 1919 г.¹³⁸ Параллельно С.А. Угет вел переговоры о контрвалютной продаже мехов¹³⁹.

С японскими банками переговоры начались позже, но уже в августе 1919 г. была достигнута договоренность с Июкогамма-спеши и Корейским банком о кредите в 20 млн иен частями в течение 3 месяцев, причем сумма депонента всего на 3% перекрывала сумму займа, а сам депонент оставался во Владивостоке. Но, узнав о куда более выгодных условиях депонирования золота в Гонконг-Шанхайском банке для англо-американского синдиката, японские банкиры стали искать предлог отказаться от сделки. Таким предлогом стало нежелание принимать уже подготовленную для них монету. Они требовали золото в слитках, причем настаивали на депонировании в Осаке. При этом Государственный банк Японии предложил продать золото на очень выгодных условиях на сумму до 120 млн иен. Сделку по депонированию заключили только в конце октября, ввиду чего в Японии были оплачены многие заказы и куплены новые материалы. Немедленно начались переговоры о новом займе в 30 млн иен под депонент золота на тех же условиях. Переговоры по этой сделке так и не успели завершить¹⁴⁰. С.Г. Лившиц указывал на кабальные условия сделки. В частности, он отметил, что любое нарушение условий залога российской стороной давало право японцам присвоить золото вне зависимости от выполнения заказов японским правительством, а все споры между банками разрешались только японскими судами. По-видимому, более справедлив М. Сиратори, писавший, что факт оставления японским банком золота на своем балансе следует считать нормальным явлением. Это не выходит за рамки мировой практики залоговых сделок. Залог не был выкуплен своевременно. Хотя и он замечает, что детали сделки до сих пор неизвестны исследователям¹⁴¹. Этот же японский историк сообщает, что новых займов

¹³⁷ Там же, д. 132, л. 22; д. 179, л. 17–17об., 20, 24, 26, 27, 40; д. 185, л. 48, д. 342, л. 53.

¹³⁸ Там же, д. 179, л. 47.

¹³⁹ Там же, д. 116, л. 124–126; д. 132, л. 104.

¹⁴⁰ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 38–38об.; ф. Р-200, оп. 1, д. 529, л. 120, 136–137, 140, 162, 194.

¹⁴¹ Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири. 1918—1920. Барнаул, 1991. С. 72–73; Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132–133.

больше не было, однако первоначальный кредит был действительно увеличен с 20 млн до 30 млн иен. Иные детали сообщает А.И. Погребецкий. По его данным, российская сторона внесла на депозит 80 535 434 иен золотом. За это России был предоставлен заем в 50 млн иен, из которых реально получено было только 29,5 млн иен¹⁴². Никаких данных, подтверждающих ту или иную версию, в архивах обнаружить не удалось.

Часть золота пришлось просто продать японцам. Причем переговоры о кредитах под залог золота начались раньше, но закончились позже переговоров о продаже золота. Условия сделки с японской стороной были крайне невыгодны. В уплату за поставку винтовок, патронов и шинелей японское правительство потребовало продажи золота, причем не в монетах, а в слитках по завышенному курсу иены¹⁴³. Кроме того, «капризы» японцев повлияли и на остальных участников скупки золота. Англо-американский консорциум стал требовать тоже предоставления золота в слитках, оговаривая приемку монетой менее выгодными условиями¹⁴⁴.

Информация о начале расходования золотого запаса тщательно скрывалась и от российской публики. Министерство финансов уверяло газеты, что продает только золото, добытое в Сибири. Сведения о том, что под валютные кредиты Российскому правительству приходится депонировать часть золотого запаса, в прессу не просачивались¹⁴⁵. Сведения об этом стали появляться только в сентябре 1919 г.¹⁴⁶ Но уже в августе 1919 г. у Омска появилась солидная валютные резервы. Значительная часть из них была переведена за границу на оплату контрактов и деятельность зарубежных агентов. Например, в июле 1919 г. И.А. Михайлов перевел 600 тыс. фр. в Европу¹⁴⁷. Всего же на счет Рафаловича в Париж было переведено 35 680 000 фр.¹⁴⁸ Деньги за границу можно было переводить только на счета частных лиц, т.к. казенные счета могли попасть под арест¹⁴⁹. Поэтому в том, что перед ликвидацией Российского правительства остатки валютных средств были переведены на личные счета министров и финансовых агентов, не было ничего криминального¹⁵⁰. Аналогичную меру в феврале–марте 1920 г. провело Особое совещание ВСЮР, спасая валютные запасы от секвестра¹⁵¹.

¹⁴² Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 12.

¹⁴³ Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири... С. 72.

¹⁴⁴ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 29, л. 46об., 48об.

¹⁴⁵ Русский экономист (Владивосток). 1919. 20 авг.; Вестник Манчжурии (Харбин). 1919. 10, 14 авг.; Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 18 июля.

¹⁴⁶ Русь (Омск). 1919. 21 сент.

¹⁴⁷ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 116, л. 145.

¹⁴⁸ Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924. С. 89.

¹⁴⁹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 133, л. 85.

¹⁵⁰ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29об., л. 89.

¹⁵¹ Карпенко С.В. Очерки истории белого движения на юге России (1917—1920 гг.). М., 2002. С. 186.

Для более эффективного расходования валютных резервов 19 апреля 1919 г. распоряжение всей казенной валютой сосредоточили в Особенной канцелярии по кредитной части, сильно урезав возможности ведомств совершать сделки по приобретению и расходованию валюты. Отныне все казенные расходы в валюте должны были сначала рассматриваться в Валютной комиссии (расходы на содержание государственного и пропагандистского аппарата, разведки, оплату связи) и Главном управлении пограничному снабжению (расходы на обеспечение граничных заказов и закупок). Потом утвержденные предложения ещё раз рассматривались в Междудементальной комиссии¹⁵². Предпринимались и другие меры. В частности, у Кыштымского горного округа было реквизировано около 100 пуд. серебра, эвакуированного с Урала при отходе белой армии. Реквизицию произвели вопреки возражениям администрации Кыштымских заводов по очень низкой цене в 1 руб. 80 коп. за золотник¹⁵³.

Стремление к экономии валютных запасов заставило правительство прибегнуть к крайне непопулярной мере – издать правила, обязавшие всех российских экспортеров сдавать всю валютную выручку государству для обмена на рубли по текущему курсу. Это лишь заставило предпринимателей перевести все сделки с русского Дальнего Востока в Харбин, так как на китайскую территорию эти правила не распространялись. Уже в середине августа пришлось отказаться от данной нормы, чтобы хоть как-то стимулировать возобновление экспорта и поступления негосударственной валюты на внутренний рынок¹⁵⁴. Но необходимость поддерживать подающий курс «сибирок» сводила на нет усилия по экономии валюты. Кредитной канцелярии Министерства финансов пришлось вступить в сговор с банками, по условиям которого Гонконг-Шанхайский и Индо-Китайский банки, Чосен-банк и Спеш-банк должны были скупать на рынке сибирские рубли на сумму 3 млн еженедельно. Министерство финансов обязалось выкупать у банков рубли за валюту¹⁵⁵. Эта операция слегка замедляла падение рубля на дальневосточных рынках, но не позволяла сконцентрировать валютные запасы государства для оплаты заказанных за рубежом товаров.

Реализация части золотого запаса напомнила о том, что всероссийский характер власти А.В. Колчака был признан другими центрами контрреволюции. Ещё в феврале 1919 г. управляющий отделом финансов ВСЮР М.В. Бернадский просил омское Министерство финансов через С.Д. Сазонова открыть для Особого совещания кредит в 30 млн зол. руб. в банках

¹⁵² ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 25, л. 221–224; оп. 5, д. 92, л. 298–300; ф. Р-159, оп. 6, д. 20, л. 97–98.

¹⁵³ Там же, ф. Р-176, оп. 5, д. 900, л. 60.

¹⁵⁴ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 29а, л. 6–6об., 15об.

¹⁵⁵ Там же, л. 9об.–10, 16.

Парижа и Лондона, переведя для этой цели необходимую часть золота в одно из Шанхайских отделений крупного европейского банка¹⁵⁶. Часть вырученной валюты была, по настоятельным просьбам от А.И. Деникина и Н.Н. Юденича, с сентября 1919 г. направлена на оплату военных заказов для юга (750 тыс ф. ст.) и северо-запада России, хотя делалось это с большой неохотой¹⁵⁷. Решения о переводе валюты для оплаты военных счетов Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича принималось Советом министров 17 апреля (10 млн фр.) и 5 сентября (38 млн крон)¹⁵⁸. По подсчетам С.С. Балмасова Российское правительство перечислило на снабжение Северо-Западной армии в июле–августе 160 млн руб., в сентябре – еще 260 млн руб. Но деньги поступили только в сентябре–октябре 1919 г. и не смогли своевременно обеспечить военный успех Н.Н. Юденича¹⁵⁹. Часть валюты (866 тыс ф. ст.), вырученной от продажи золота через Индо-Китайский банк, вероятно, досталась Н.Н. Юденичу¹⁶⁰. Даже 4 декабря 1919 г., незадолго до падения Российского правительства, С.Д. Сазонов просил немедленно передать 100 млн зол. руб. в распоряжение А.И. Деникина¹⁶¹.

Поняв, что по условиям заключенных с иностранными банками контрактов золотой депозит в ближайшее время будет потерян, И.И. Сукин 8 октября 1919 г. предпринял жест отчаяния – обратился к иностранным державам с просьбой о новом государственном займе с целью консолидации частных займов последнего времени под золотой депонент и предоставления возможности делать новые закупки за рубежом. Министр просил \$300 млн¹⁶².

Существовало ещё одно не оправдавшее себя направление деятельности заграничных представителей по получению иностранной валюты. Ещё весной 1918 г. у В.И. Новицкого возникла идея аккумулировать средства русских эмигрантов. До октября он занимался подготовкой к воплощению своей идеи, встречался с американскими и французскими банкирами. Судя по всему, финансовую сторону идеи успели проработать достаточно основательно, но благоприятное время было упущено¹⁶³. Осенью 1919 г. Министерство финансов Российского правительства выдвинуло новый, весьма авантюрного характера, проект получения твердой валюты. Речь

¹⁵⁶ Внешняя политика контрреволюционных правительств в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 80; Карпенко С.В. Очерки истории белого движения... С. 165.

¹⁵⁷ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 60; д. 342, л. 105, 107, 113, 120; Карпенко С.В. Очерки истории белого движения... С. 165.

¹⁵⁸ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М., 2003. С. 563–565.

¹⁵⁹ Балмасов С.С. Омское правительство и финансирование армии Юденича // Белая гвардия: альманах. № 7. Белое движение на северо-западе России. М., 2003. С. 58–62.

¹⁶⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 5, д. 25, л. 61.

¹⁶¹ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 179, л. 59.

¹⁶² Там же, д. 342, л. 214–216об.

¹⁶³ Будницкий О.В. Деньги для «белого дела»... С. 75–80.

шла о мобилизации сбережений российских эмигрантов в САСШ через создание Эмигрантского банка. Законопроект был одобрен сначала финансовой комиссией Государственного экономического совещания, а 13 октября 1919 г., несмотря на очень серьезные возражения, самим Государственным экономическим совещанием и, наконец, утвержден в Совете министров 17 октября 1919 г. В обоснование проекта был составлен целый том материалов обследования русских эмигрантов в САСШ, который, по утверждению О.В. Будницкого, представлял немалую ценность как научное исследование¹⁶⁴. На создание банка постановили отпустить \$1 млн, рассчитывая при этом привлечь 40–50-миллионные кредиты¹⁶⁵. Но проект не был реализован.

Разговоры о том, что западные банки обманули А.В. Колчака, и Россия сейчас должна требовать обратно депонированное золото, да ещё и с процентами за прошедшие более чем 80 лет, – чистой воды политическая спекуляция¹⁶⁶. Литературу, посвященную этому вопросу, достаточно полно и взвешенно проанализировал О.В. Будницкий, что позволяет избежать специального историографического экскурса¹⁶⁷. Заём под депонент золота был на самом деле продажей золота, едва прикрытой «фиговым листком» условий возврата. Но этот «фиговый листок» дорого обошелся российской казне, так как сумма залога значительно превышала сумму займа, комиссионные проценты банки взяли кабальные. Чистая продажа золота могла быть осуществлена на более выгодных условиях. Полученная валюта была израсходована на нужды всех антибольшевистских правительств России, хотя большая часть досталась Российскому правительству. Остатки валюты были переведены на счета дипломатических представительств (от 60 млн зол. руб., по оценке Н.Н. Любимова, до 100 млн зол. руб., по оценке А.И. Погребецкого) и на личные счета министров. Расхожее обвинение в разворовывании министрами Российского правительства золота и валюты перед крахом правительства нельзя считать ни опровергнутым, ни доказанным¹⁶⁸. Необходимо помнить, что перевод

¹⁶⁴ Там же. С. 77.

¹⁶⁵ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 99, л. 212; ф. Р-190, оп. 1, д. 72, л. 12–24; Процесс над колчаковскими министрами... С. 191, 573.

¹⁶⁶ Именно этому посвящены многочисленные работы В. Сироткина и монография И. Латышева, в которой депонированное золото называется не иначе, как «украденным». — См.: Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996; Сироткин В. «Романовское» золото // Российское золото. 1994. Т. 3. С. 437–447; Он же. Вернется ли на родину российское золото? // Знамя. 1992. № 8. С. 187–213; Он же. Зарубежное золото России. М., 1999; Он же. Зарубежное золото в России и за рубежом. М., 1999; Он же. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 2000; Он же. Кто обворовал Россию? М., 2003.

¹⁶⁷ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: у историографии вопроса // Отечественная история. 2004. № 3. С. 148–159.

¹⁶⁸ Экономическая жизнь (Москва). 1920. 8 сент.; Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V. С. 309–310; Любимов Н.Н. Взаимный баланс требований... С. 39; Погребец-

средств на счета Российского правительства в 1919 г. был невозможен. Все деньги переводились только на личные счета.

В 1922 г. советская делегация в Генуе обнародовала сведения о том, сколько денег осталось на счетах финансовых агентов и иностранных банков. Из крупных остатков отметим 2 млн ф. ст. в банке Беринга, 15 680 фр. – в Индо-Китайском банке, 8053 фр. – у Н.Н. Юденича и 6275 иен – у генерал-майора Н.П. Подтягина, российского агента по закупкам в Токио, не израсходовавшего суммы, переданные для уплаты по военным заказам. Интересно, что А.И. Погребецкий явно пользовался этими данными, но в отличие от Н.Н. Любимова, их составителя, указывавшего на 60 млн зол. руб., ушедших за границу, харбинский автор определил общую сумму остатков около 100 млн зол. руб. При этом он оговаривается, что это далеко не полный список, так как он не учел множество переводов российским хозяйственным и общественным организациям за рубежом. От себя добавим, что он не учел и переводы денег на личные счета министров.

Однако утверждения, что эти суммы были российским достоянием, разворованным эмигрантами и западными банкирами при попустительстве наших бывших союзников, есть не более чем плод идеологической предвзятости. Исследование О.В. Будницкого свидетельствует, что часть денег была истрачена на финансирование продолжавшейся борьбы с большевиками на юге России. Благодаря остальным средствам долгое время поддерживалось эмигрантское сообщество. Российские дипломаты проявили достаточно рассудительности, отказавшись по возможности платить за уже исполненные, но ставшие бесполезными, зарубежные заказы, предпочтя покрыть себя позором неплатежей, но сохранить деньги для российской эмиграции¹⁶⁹.

Предъявлять претензии иностранным государствам или банкам за эти остатки средств нет никаких оснований. Экссессов, возникавших на почве расходования этих средств, известно немало. Большинство из них описано в историографии. Но в целом данные средства вполне законно находились на счетах посольств и частных лиц и в основной своей части были израсходованы на поддержание жизнедеятельности эмигрантского сообщества¹⁷⁰. Сама же проблема взаимных финансовых претензий России и её бывших союзников шире, чем судьба нереализованных остатков от depo-

кий А.И. Денежное обращение... С. 12–13. Кстати, большинство современных исследований пребывают в убеждении, что обнародованные советской делегацией в Генуе данные впервые ввел в научный оборот А.И. Погребецкий.

¹⁶⁹ Будницкий О.В. Дипломаты и деньги. С. 457–508; Он же. Деньги русской эмиграции... С. 148–159.

¹⁷⁰ Будницкий О.В. Дипломаты и деньги. Статья первая: «Колчаковское золото» // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. IV. С. 457–508; Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918—1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 67–80.

нированного и проданного Российским правительством золота. Каковы бы ни были эти остатки, неоплаченные военные долги России многократно перекрывают их.

Сведения о широкой финансовой поддержке интервентами контрреволюции верны только в отношении дальневосточных атаманов. Летом 1918 г. японцы взялись финансировать также и атамана Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыкова, которому передали 100 тыс. руб. на содержание отряда. В октябре 1918 г. на 5-м чрезвычайном Большом войсковом круге Уссурийского казачьего войска Калмыков отметил, что Франция выделяет на нужды войска 100 тыс. руб. ежемесячно, но Япония всё равно играла доминирующую роль в его финансировании¹⁷¹.

Часть «золотого запаса» досталась атаману Г.М. Семенову. Он задержал в Забайкалье 2 вагона с золотом, направлявшихся во Владивосток. В 722 ящиках он получил 43 млн зол. руб. Тем не менее большинство историй о расхищении золота, скорее всего, вымысел. Совершенно невероятными представляются сведения И. Латышева, повторенные Ю.Н. Ципкиным, о том, что генерал В.С. Розанов 30 января 1920 г. бежал из Владивостока, похитив 55 млн зол. руб. из владивостокской части «золотого запаса»¹⁷². И в документах, и в серьезной научной литературе давно подведен баланс «казанского груза» и никаких исчезновений 55 млн руб. в них не обнаруживалось. Любят публицисты обсуждать и вопрос о том, что благосостояние послевоенной Чехословакии базировалось на ценностях, украденных из «золотого эшелона» и послуживших основой крупнейшего в стране Легион-банка, созданного вернувшимися из России легионерами чехословацкого корпуса. При этом указывают на единственную документально подтвержденную пропажу 13 ящиков золота в декабре 1919 г., когда эшелон охраняли чехословаки. Заметим, что это – 760 000 зол. руб., или чуть более 0,01% от всего «золотого запаса»¹⁷³.

И уж совсем дилетантскими выглядят рассуждения Г.А. Трукана о том, что директор Кредитной канцелярии Министерства финансов А.А. Никольский не знал истинных масштабов расходования «золотого запаса», так как не мог быть знаком с протоколами заседаний Совета министров Российского правительства¹⁷⁴. Сам автор приводит случайно выхваченные из этих протоколов сведения о денежных отпусках Российско-

¹⁷¹ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 102, 131.

¹⁷² Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996. С. 41–46; Ципкин Ю.Н. Еще раз о судьбе «белогвардейского» золота // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 97.

¹⁷³ См., например: Сироткин В. Зарубежное золото... С. 69–95; Черных Е. Злата Прага русской позолотой // Комсомольская правда. 1998. 22 мая.

¹⁷⁴ Г.А. Трукан, конечно, не подозревает, что именно Александр Александрович Никольский лично руководил доставкой золота во Владивосток и передачей его в иностранные банки.

го правительства за рубеж и на снабжение других центров антибольшевистского движения. Он даже не подозревает, что приводимые им цифры не полны и далеко не все они обеспечивались казанским золотом. К тому же указанные данным автором суммы не покрывают всего золота, сданного на депонент и проданного при непосредственном участии А.А. Никольского. Зато Г.И. Трукан предпочитает доверять стороннему свидетелю событий, бывшему управляющему ведомством иностранных дел Комуча, М.А. Веденяпину, который «на глазок», в тысячах пудов, определил, что Комуч, Директория и А.В. Колчак истратили 56% золота, а большевики вернули только 44%¹⁷⁵.

Важно уяснить, как распорядился «удержанной» частью золота атаман Г.М. Семенов. В литературе до сих пор нет серьезного разбора финансовой деятельности атамана и его служб в 1920 г. Эта проблема, как правило, сводится к истории о том, как при эвакуации из Забайкалья атаман доверил золото японцам, и они его больше не вернули казакам. Но на хранение японцам атаман сдал только 143 ящика. А между тем мемуарная литература дает основания считать, что значительная часть денег вовсе не была растрочена впустую¹⁷⁶. Необходимо помнить, что в восточном Забайкалье сосредоточилась армия в 20 тыс. военнослужащих и 45 тыс. чел. на содержании. Примерно половина из них выехала год спустя в Приморье. Атаман расходовал значительные суммы на снабжение воинских частей вооружением и снаряжением, обеспечение жизнедеятельности своего тыла. На оружие были переведены деньги в Японию российскому военному агенту М.П. Подтягину, которые Г.М. Семенов безуспешно пытался вернуть до 1925 г. Но и М.П. Подтягин не присвоил себе эти средства, а израсходовал на содержание посольства и российских беженцев, причем с одобрения других российских послов¹⁷⁷.

Итак, для финансовой политики антибольшевистских правительств важнейшей проблемой на протяжении всего их существования являлось обеспечение выпуска в обращение новых денежных знаков. Опасность бесконтрольной эмиссии прекрасно понимали не только профессиональные финансисты, которых оказалось немало у руководства «белым» движением, но и большинство политических лидеров востока России. На фоне этой позиции становится почти очевидным, что на стадии интенсивной инфляции остановить её очень сложно. Сделать это, продолжая вести войну, совершенно невозможно. Всерьез эту проблему пытались решить только одно правительство – Российское. Но в период Временного Си-

¹⁷⁵ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 96–97.

¹⁷⁶ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Харбин, 1932. С. 175–177.

¹⁷⁷ Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 102–108; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 217; Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918—1922 гг. М., 1957. С. 136, 167, 189.

бирского правительства сибирские деньги быстро завоёвывали рыночное пространство. Следовательно, сама легитимность, даже если она вытекает из фактического обладания силой и обещает большую стабильность по сравнению с конкурентами, уже является некоторым обеспечением выпускаемых денег. Но долго деньги держаться на таком, чисто политическом, обеспечении не могут.

У государственной власти на Востоке России было только два источника обеспечения своей денежной системы – запас драгоценных металлов или сырьё, но не само по себе, а вывозимое за рубеж. Расставание с комплексом «великой державы» слишком затянулось. Осознание того, что могущество России осталось в прошлом и никакого политического капитала у родины уже не существует, было трудным. Оно стало доминировать уже тогда, когда распад денежной системы, созданной Временным Сибирским и Российским правительствами, стал необратим.

Выпуск военных займов в последние годы существования царского режима следует отнести к мерам, сдерживавшим инфляцию. Это был способ добровольного перераспределения средств частных держателей денег в пользу государства, который не менял объём денежной массы. В полную противоположность этому широко распространившаяся в антибольшевистский период практика выпуска в обращение государственных ценных бумаг, как принадлежавших частным держателям, так и оставшихся в банках нераспределёнными, фактически сводила на нет антиинфляционные усилия предшествовавших лет. Эту меру следует оценить как наполнение денежного рынка ничем не обеспеченными денежными знаками суррогатного типа. До Февральской революции внутренние займы на 25% покрыли военные расходы государства¹⁷⁸. В годы гражданской войны они только сглаживали дефицит разменной наличности и лишь отчасти восполняли дефицит государственного бюджета.

¹⁷⁸ Страхов В.В. Внутренние государственные займы царской России периода Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Глава 5

ИЗЪЯТИЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ «КЕРЕНОК»

От замысла к закону

Российские финансы редко переживали периоды подъёмов. Куда органичнее для страны было находиться в состоянии финансового кризиса, выходить из него путем денежной реформы, как правило, конфискационной, тяжело ударявшей по благосостоянию российского населения. Таких реформ в нашей истории было немало, и большинство оказалось связано с обменом денег старого образца на новые. Особенно богат на такие мероприятия был XX век. Парадоксально, но, несмотря на очевидную важность таких эпизодов российского прошлого, денежные реформы долгое время оставались историографической периферией. Исключение составляют две наиболее успешные реформы – виттевская 1897 г. и сокольниковская 1924 г. В последние годы вышло несколько публикаций по реформе 1947 г. Куда менее изученными остаются реформы Е.Ф. Канкрин 1839—1843 гг., «павловская» реформа 1991 г., тоже ставшая уже историей. Но о них известно хотя бы в общих чертах, их даже упоминают в большинстве школьных и вузовских учебников.

Одна из крупнейших «конфискационных» реформ вообще выпала из поля зрения историков. Речь идет об изъятии из обращения двадцати- и сорокарублёвых казначейских знаков («керенок») Российским правительством в мае 1919 г. на территории от Прикамья до Харбина и Камчатки. А между тем, эта мера была важнейшим эпизодом финансовой политики восточной контрреволюции. Она отразилась на состоянии денежной сферы антибольшевистских правительств других регионов, а также коснулась мирового рынка.

Воевавшие стороны проводили различную финансовую политику – «белые» стремились реанимировать и укрепить денежную систему, советское же правительство её целенаправленно подрывало. И хотя выпускать собственные деньги вынуждено было каждое из существовавших в те годы правительств, объем эмиссии в лагере «белых» оказался намного ниже, чем в советской России. Ситуация была бы предельно проста, если бы не одно обстоятельство – Совет народных комиссаров первые полтора года со всё возрастающей интенсивностью печатал деньги старого образца («романовские» и «керенки»). Причем основная масса эмиссии приходилась на двадцати- и сорокарублевые купюры образца 1917 г. Поскольку отличить напечатанные большевиками купюры от старых было невозможно, «белые» правительства, признававшие все дореволюционные

деньги, столкнулись с необходимостью принимать и плоды большевистской эмиссии, чем ставили свою финансовую систему в зависимость от печатного станка Москвы. Поначалу это не казалось большой проблемой – существовала надежда на быструю победу. Затянувшаяся гражданская война заставила «белых» искать выход из ситуации. На гребне военных успехов, в ожидании окончательной победы над большевиками в ближайшие месяцы Российское правительство объявило о выводе из обращения двадцати- и сорокарублёвок.

События, связанные с этой денежной реформой, могли дать богатейшую пищу для критики колчаковского режима. Отечественные историки, 70 лет занимавшиеся такой критикой, подчас огульной, лишь изредка упоминали в своих работах об этой реформе, даже не пытаясь проанализировать её. Нерыночные представления отечественных исследователей делали их очень далекими от проблем денежного рынка.

Ситуация изменилась лишь в 1990-е гг. Уральский исследователь Н.И. Дмитриев отметил, что эта мера, несмотря на конфискационный характер, была встречена населением с пониманием и прошла успешно. В результате рынок был очищен от основного денежного суррогата, и финансовая система «белых» приобрела независимость от советского печатного станка¹. В статье, опубликованной год спустя, тот же автор внёс немаловажное уточнение: изъятие «керенок» шло успешно и одобрялось населением лишь на первых порах. В целом же эта мера привела к расстройству денежного рынка и падению курса рубля. «Реформа оказалась гибелью, но все-таки надо помнить, что гибельность её окончательно определило только ухудшение военных дел», — подытоживает Н.И. Дмитриев². Подобную же оценку реформе дает Е.И. Пастухова³, которая доверяет негативным откликам на неё барона А. Будберга – мемуариста, известного своей мизантропией. Об изъятии «керенок» сообщает также Санкт-Петербургский бонист Р. Николаев, ограничивающийся, правда, воспроизведением информации из мемуаров Г.К. Гинса⁴.

Гораздо обстоятельнее проанализировал реформу английский историк Дж. Д. Смиль⁵. Этот автор рассматривает изъятие «керенок» на фоне общего состояния денежного рынка востока России, что и позволяет оценить

¹ Дмитриев Н.И. Экономическая политика А.В. Колчака и ее реализация // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 30.

² Он же. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 79.

³ Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. III. Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 74–76.

⁴ Николаев Р. Адмирал Колчак и «керенки» // Миниатюра. 1991. № 6 (декабрь). С. 11; Николаев Р.В. Деньги – Время – Власть. Спб., 2002. (Цит. по: [//www.bonistikaweb.ru/knigi/Nikolaev-dvv.htm](http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Nikolaev-dvv.htm)).

⁵ Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996, p. 401–411.

проведенную реформу как недалновидную. Он справедливо заметил, что Российское правительство попыталось заменить «керенки» ещё менее авторитетными деньгами собственного производства, что и ускорило финансовый коллапс. Следует отметить, что Д.Дж. Смил достаточно широко использовал дипломатические документы, подробно освещавшие ход и итоги проведения реформы, реакцию на неё денежного рынка страны.

Оценки английского исследователя нам представляются справедливыми, но и в его монографии представлена только общая характеристика реформы. Между тем за кадром по-прежнему остается сам механизм проведения реформы, действия властей в конкретных стандартных и нестандартных ситуациях, экономическое поведение людей в процессе обмена денег. Именно реконструкция этих моментов важна при научном анализе такого рода мероприятий. Источники вполне позволяют нам справиться с этой задачей. В отечественных архивах, центральных и местных, сохранились документы кредитных учреждений и прочих организаций, принимавших участие в денежном обмене. Периодическая печать позволяет зафиксировать региональные особенности проведения реформы, содержит многочисленные свидетельства непосредственной реакции людей на мероприятия правительства.

Прежде чем обращаться к самой денежной реформе, необходимо дать общую характеристику состоянию финансов на востоке России. В период Первой мировой войны царское правительство отступило от принципа золотого эквивалента и выпустило в обращение необеспеченные денежные знаки, что привело к росту инфляции. Так, с июня 1914 г. по март 1917 г. объем денежной массы в России увеличился с 1640 млн до 10 044 млн руб. Временное правительство и большевистский Совет народных комиссаров, выпускавшие в огромном количестве деньги как старого образца, так и нового – «керенки» (к ноябрю 1917 г. – 9134 млн руб., а к январю 1918 г. – еще 8062 млн руб.)⁶, усугубили финансовую ситуацию. Кризис политической власти сопровождался распадом экономического единства страны. Инфляция вызвала дефицит денег в мелких купюрах, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать денежные «подкрепления».

С началом гражданской войны особенность распределения по стране денежных потоков сохранялась и была присуща именно «керенкам». В большом количестве сосредоточенные в центре России, они постепенно растеклись по окраинам, легко преодолевая линию фронта.

О путях оздоровления финансовой системы страны деятели восточной контрреволюции задумались ещё в конце лета 1918 г. Для этого необходимо было решить две задачи – изъять из обращения все денежные сурро-

⁶ Атлас 3. Очерки по истории денежного обращения в СССР. М., 1940. С. 50; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917—1927 гг.). М., 1927. С. 71.

гаты местного значения и вернуться к твердому, обеспеченному каким-нибудь реальным эквивалентом, рублю в масштабах всей страны. Если первая задача казалась актуальной уже тогда, то вторая откладывалась до полной победы над большевиками.

Тот факт, что на востоке страны продолжали обращаться «керенки», имел и положительную, и отрицательную сторону. С одной стороны, сибирская власть проводила весьма ограниченную эмиссию, что обычно благотворно сказывается на экономике и сдерживает рост цен. Массовая интервенция «керенок» из советской России нарушала относительное ценовое равновесие. С другой стороны, «керенки» смягчали недостаток мелких купюр, т.е. занимали на денежном рынке тот сегмент, который Российское правительство оказалось неспособно заполнить.

Положение, когда две воевавшие друг с другом силы в ходе гражданской войны имели общую валюту, естественно являлось ненормальным. Эти азбучные истины финансистам были понятны ещё летом 1918 г. В августе в Самаре происходил съезд представителей акционерных коммерческих банков, на котором управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков говорил о необходимости «белым» правительствам создать особую денежную систему. «Иначе, победив в военном отношении, мы можем оказаться беднее побежденных»⁷. В.П. Аничков предлагал провести штемпелевание всех «керенок» на подвластной «белой» территории, а затем постепенный их обмен на новые денежные знаки. По мере же освобождения новых территорий от большевиков обменивать обращающиеся там незаштемпелеванные «керенки» по пониженному курсу⁸. Это предложение было выдвинуто ещё до того, как в Сибири стали печатать собственные деньги. В условиях многообразия денег объективно возникла конкуренция валют. В этой экономической борьбе шансы победить были у того, чья валюта имела большую покупательную силу и была лучше исполнена. В конце концов исход борьбы решало соотношение этих двух качеств. Покупательная способность рубля на востоке страны была выше, чем в советской России, но она поддерживалась всеми видами денег, в том числе и «керенками». Что же касается исполнения купюр, то советские «керенки» и сибирские деньги были одинаково плохого качества.

Осенью 1918 г., когда количество «керенок» в обращении востока России было еще не столь велико, Временное сибирское и Российское правительства предпочли не торопиться с предлагаемой мерой. И.А. Михайлов

⁷ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917—1922). М., 1998. С. 181–182.

⁸ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 апр. К этим идеям, изложенным в брошюре В.П. Аничкова «Наши финансы и путь к их исправлению», осенью 1918 г. проявил большой интерес И.А. Михайлов, предлагавший в октябре 1918 г. В.П. Аничкову занять в Сибири пост директора Государственного банка или Кредитной канцелярии. — Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток... С. 195.

пообещал провести денежный обмен тогда, когда в Россию придут купюры, отпечатанные в Североамериканских Соединенных штатах, которые имели высокое техническое исполнение. К тому же ожидаемая партия заокеанских денег имела достаточное количество купюр мелкого достоинства. Учитывая все это, можно признать расчет министра финансов разумным, если бы не один вопрос – насколько велика была вероятность, что американцы передадут купюры непризнанному Российскому правительству?

С начала 1919 г. обострилась проблема, связанная с легальным обращением «керенок» на востоке России. В апреле 1919 г. в Омске считали, что большевики выпустили более 9 млрд руб. В действительности же ими было отпечатано к этому времени свыше 15 млрд руб., основную часть которых составляли двадцати- и сорокарублевые купюры⁹. Пагубность такой ничем не ограниченной эмиссии в стане большевиков для финансового рынка востока России была очевидна – «керенки» хлынули через линию фронта на «белый» восток, увеличивая денежную массу и обесценивая рубль. В этой ситуации Российское правительство было вынуждено увеличивать эмиссию. Когда в конце 1918 – начале 1919 г. «белые» взяли Пермь и заняли Прикамье, на Урале цены поднялись в два раза из-за наплыва «керенок» из освобожденных от большевиков районов. За короткое время «керенки» наводнили финансовый рынок «белых» и стали одним из главных факторов галопирующей инфляции на востоке России. Если в ноябре 1918 г., по данным Сибирского государственного банка, в финансовом обороте Урала, Сибири и Дальнего Востока находилось 764 млн руб. «керенок»¹⁰, то к концу весны 1919 г., по разным оценкам, – от 1,5 до 6 млрд руб. Как справедливо пишет Дж.Д. Смил, «большевистская финансовая политика затягивала в трясины сибирскую финансовую систему»¹¹.

Эти денежные знаки скапливались главным образом в двух регионах – прифронтовой полосе и на Дальнем Востоке. В прифронтовой полосе это было связано с близостью территории, занятой «красными», откуда «керенки» и попадали в «белую» Россию. Стена, разделявшая два враждовавших лагеря, никогда не была совершенно глухой. Напротив, линия фронта оставалась зоной хозяйственных контактов. Дальний Восток – противоположная оконечность «белого» востока России, наиболее удаленная от фронта. Но это был единственный регион, через который осуществлялись экономические контакты с внешним миром. Деньги с Урала и из Сибири очень интенсивно перетекали на дальневосточные денежные рынки. Причем вдоль линии фронта курс «керенок» установился выше,

⁹ Атлас 3. Очерки по истории денежного обращения... С. 50; Юровский Л. Н. Денежная политика... С. 71–72.

¹⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 25, л. 22.

¹¹ Smele J.D. Civil War in Siberia... P 406.

чем сибирских рублей, – как валюта, ходившая по обе стороны фронта, они считались более удобными¹².

Правда, на Дальнем Востоке финансовая ситуация имела одну важную специфику. Выпускавшиеся в Сибири деньги расходовались главным образом в самой Сибири и почти не доходили до Дальнего Востока. Между тем, спрос на деньги в регионе был чрезвычайно высок. «Восточная окраина» России была наводнена денежными суррогатами местного значения, не имевшими никакой ценности в международной и даже межрегиональной торговле. Цены на деньги в регионе диктовал Харбин – центр международной торговли. Здесь «керенки» за полтора года уже успели утвердиться. Их принимали китайцы и японцы, торговавшие с Россией, их принимали и иностранные банки, хотя котировался этот вид денег чрезвычайно низко. Выше оценивались романовские кредитные и золотые рубли, но их было очень мало. Торговать старались на «керенки».

«Сибирки», высланные Государственным банком во Владивосток и Харбин в минимальном количестве, оказались на рынке в положении изгоев. Они, как и «керенки» шли на Дальний Восток с запада, обесценивая российскую валюту, способствуя росту цен. Только «керенки» имели реальный общероссийский статус, а «сибирки» только номинальный. На устоявшемся харбинском и владивостокском валютном рынке «сибирские» деньги были восприняты как очередной суррогат регионального значения. Иностранные банки и торговые кампании их не принимали, поэтому на рынке установился низкий курс покупки сибирских денег.

Михайловское ведомство очень болезненно относилось к этой ненормальной для Российского правительства ситуации. В министерстве были уверены, что низкий курс «сибирок» – результат валютных спекуляций. Банки и меняльные лавки специально третируют новую российскую валюту, чтобы наживать капитал на их размене. Однако бороться за свою валюту экономическими методами Российское правительство оказалось неспособно.

В начале весны 1919 г. ситуация для Министерства финансов стала неперпима. «Керенки» всюду подрывали и обесценивали сибирский рубль. Только положение в прифронтовых западных районах кардинально отличалось от ситуации на Дальнем Востоке. На западе «сибирки» были более твердой и авторитетной валютой, ценность которой большевики понижали путем эмиссии «керенок». На востоке соотношение «керенок» и «сибирок» было прямо противоположным: «сибирки» не могли потеснить авторитетные «керенки».

В апреле 1919 г. Российское правительство вернулось к идее аннуляции «керенок». Связано это было, во-первых, со сложностями на денеж-

¹² Записки белогвардейца. Лейтенант N.N. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. V. Т. X. С. 104–105.

ном рынке, описанными выше. Во-вторых, с тем, что успешное наступление на фронте в последние месяцы вызвало эйфорию в правительственных кругах и в обществе. Чиновники Министерства финансов не были исключением и полагали, что военная фортуна и дальше будет улыбаться белой армии. Перспектива занятия новых территорий, с одной стороны, радовала, с другой стороны, пугала. Миллиарды «керенок» грозили наводнить Сибирь. Тогда И.А. Михайлов вспомнил об В.П. Аничкове, вызвал его из Екатеринбурга и предложил ему должность советника министра финансов. На встрече с министром В.П. Аничков сформулировал основные принципы будущей реформы, впоследствии проведенной в жизнь¹³. Важным моментом будущей реформы был обмен «керенок» не на «сибирки», а на деньги более высокого качества. И.А. Михайлов уверил В.П. Аничкова, что это будет реально, но не сразу, а с некоторой отсрочкой, так как передача американцами готовых купюр «слегка» затянулась. Министр явно блефовал перед своим советником. Вопрос о передаче американцами изготовленных для России купюр Российскому правительству за последние месяцы не сдвинулся с места. В публичных выступлениях министр осторожнее высказывался по этому вопросу. Сам В.П. Аничков отмечал, что рекомендовал И.А. Михайлову такой способ проведения реформы только потому, что тот его убедил – несколько миллиардов рублей хорошего качества в ближайшее время окажутся в распоряжении Государственного банка¹⁴.

Информация о проходившем за стенами правительственных кабинетов обсуждении просочилась в общество и нашла широкий резонанс в прессе. Сомнений в необходимости самой акции обмена «керенок» никто не выражал. Даже более того, отовсюду в адрес Российского правительства раздавались призывы ускорить решение вопроса. Разногласия в общественных кругах отмечались по вопросу о способах и темпах ее проведения. Часть населения, включая и представителей сибирской буржуазии, видела в предстоящей реформе антиспекулятивный характер и предлагала быстрый и единовременный обмен денег. Но большая часть авторов, выступавших в прессе по этому вопросу, указывала, что основная масса рядовых держателей «керенок» никакого отношения к спекуляции не имеет. По их мнению, забота об этих людях обязывала правительство установить длительный срок обмена. Например, омская газета «Заря» опубликовала проект, автор которого пожелал остаться неизвестным. Проект содержал предложения обменивать «керенки» по курсу, снижающемуся ежемесячно на 10%. Обменная операция должна была растянуться на 9 месяцев. Другой автор, экономист П. Бертис, указывал на необходимость установить различные сроки обмена для каждой местности в зависимости от ее уда-

¹³ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток... С. 199–200.

¹⁴ Там же. С. 200.

ленности и обеспеченности транспортом¹⁵. Интересно, что французский вице-комиссар гр. де-Мартель в ответ на запрос Министерства финансов от 29 марта 1919 г. об отношении союзников к обмену «керенок» совершенно точно предсказал все негативные результаты планируемой реформы, указывая на угрозу понижения курса рубля и усиление спекуляции на валютных обменах¹⁶.

14 апреля 1919 г. на заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайного Экономического совещания обсуждался проект Министерства финансов об изъятии «керенок». На него были приглашены представители кооперации, Совета частных и кооперативных банков, Сельскохозяйственного общества, Совета съездов торговли и промышленности, земские деятели. Из представленного проекта следовало, что правительство решило провести обмен «керенок» одновременно и в предельно сжатые сроки. Первоначально для этого предполагалось отвести 15 дней. Но под влиянием критиков из Комитета экономической политики Министерство финансов согласилось продлить срок до одного месяца¹⁷. По предлагаемому проекту с 15 мая 1919 г. из обращения изымались казначейские знаки двадцати- и сорокарублевого достоинства с обменом их рубль на рубль. При этом половина предъявленной в течение месяца к обмену суммы обращалась в принудительный беспроцентный заем на двадцать лет. На вторую половину суммы ее собственнику выдавалась долговая квитанция, по которой государство обязывалось расплатиться до 1 января 1920 г. Расплату собирались осуществить американскими купюрами.

Министр вынужден был объяснять выбранный способ обмена. Оттягивать вывод «керенок» из обращения дальше было нельзя в связи с успешным наступлением, в то же время американские купюры, предназначенные для обмена, ещё не поступили в Омск. Поэтому деньги предлагалось изъять в ближайший месяц, а компенсировать это изъятие во втором полугодии. В качестве подстраховочного варианта Министерство финансов рассматривало возможность напечатать новые деньги в России. «Оплата по квитанциям, полученным взамен «керенок», несомненно, будет выполнена к 1 января 1920 г., так как из Америки идут колоссальные установки для печатания денег», – заявил министр финансов И.А. Михайлов¹⁸.

Обсуждение проекта выявило сомнения многих правительственных консультантов относительно его проработанности как с социальной, так и с экономической точек зрения. Они указывали, что такой способ обмена

¹⁵ Заря (Омск), 1919, 17 апр.

¹⁶ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 42–42об., 49.

¹⁷ Там же, ф. Р-190, оп. 1, д. 87, л. 255–265. В.П. Аничков в своих воспоминаниях утверждал, что это именно он уговорил И.А. Михайлова увеличить срок обмена до одного месяца.— См.: Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток... С. 216.

¹⁸ Правительственный вестник. 1919. 27 апр.

приведет к пагубным последствиям для торговли на Дальнем Востоке, которая являлась единственным источником ввоза импортных товаров. Узнав о готовящейся реформе, Технический совет межсоюзного железнодорожного комитета и экономический совет при генерале Д.Л. Хорвате послали правительству предупреждение, что проведение реформы в таком виде приведет к падению престижа сибирского рубля¹⁹.

Неприемлемым казался проект и для территорий, только что освобожденных от большевиков, на которых «керенки» являлись почти единственным видом денег. Уральский совет съездов торгово-промышленных организаций, обсудивший проект реформы, в телеграфном обращении к Российскому правительству от 8 апреля 1919 г. дал развернутую характеристику предполагаемой реформе. В телеграмме указывалось, что речь идет не только и не столько об унификации денежного рынка, но прежде всего о принудительном займе денег у населения страны. Этот заем, основанный не на имущественном положении, а на случайном обладании гражданами одним из видов полноценных до недавнего времени денежных знаков, оценивался как глубоко несправедливый и грозящий социальными потрясениями. Уральские торгово-промышленники полагали, что проведение такого принудительного займа приведет к росту цен, падению авторитета правительства на финансовом рынке, ухудшит рыночный обмен между городом и деревней²⁰.

Не менее убедительны были в своей критике кооператоры. В развернутой записке, подготовленной правлением крупнейшего кооперативного союза востока России – Закупсбыта – в Министерство финансов, содержался детальный анализ технических возможностей проведения задуманного обмена «керенок» в отдаленных территориях. Авторы документа отмечали, что 34 дня, отведенные для проведения этой операции министерством, да ещё весной, в распутицу, когда с некоторыми территориями прерывается всякая связь, – срок нереальный. Если же учесть, что значительная часть промыслового населения Сибири держит свои сбережения именно в «керенках», то реформа, по предположению правления Закупсбыта, приведет к потрясению основ их хозяйства, а следовательно, и всего хозяйства Сибири. Единственный выход – пока не поздно, увеличить срок обмена хотя бы для территорий Обдорского, Туруханского, Нарымского краев, Приангарья, Якутской обл., Камчатки и Сахалина, кочевого населения Семипалатинской, Семиреченской, Акмолинской и Тургайской областей²¹.

Несмотря на высказанные сомнения, только представители Совета съездов торговли и промышленности воздержались при голосовании. Ос-

¹⁹ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 121–126, 131–132об.; ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 60–61.

²⁰ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 16 апр.

²¹ ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 786, л. 17–23.

тальные присутствовавшие на заседании 14 апреля 1919 г. представители общественности одобрили проект Министерства финансов. Это придало проекту реформы видимость общественного признания.

Министр финансов И.А. Михайлов в своей речи на заседании Комитета экономической политики выделил три этапа будущей реформы. Первый этап, с 15 апреля по 15 мая 1919 г., когда «керенки» еще имеют хождение наравне с другими деньгами, но населению уже известно об их изъятии. В этот период ожидалось резкое увеличение налоговых поступлений и приток денег на счета банков и кредитных учреждений. В ходе второго этапа, с 15 мая по 15 июня, ожидалось, что население сдаст большую часть имеющихся в обороте «керенок». В течение третьего периода, после 15 июня 1919 г., прием предполагалось вести по пониженному курсу. Финансовое ведомство считало, что это будет происходить главным образом на территориях, освобожденных от большевиков.

В министерстве не возникло желание скорректировать законопроект с учетом высказанных замечаний и предложений. На следующий день после обсуждения на расширенном заседании Комитета экономической политики и Чрезвычайном экономическом совещании Министерство финансов представило законопроект на заседание Совета министров, который принял его без возражений²².

В официальном обращении Министерства финансов к населению говорилось, что правительство «ценит жертвы, принесенные населением в борьбе с советской властью и, охраняя интересы народа, стремится предохранить его от разорения». Поэтому государственная власть вместо безусловной отмены «керенок» пошла на их обмен²³.

Реформа в действии

О грядущем обмене население было извещено через прессу за 10–15 дней²⁴. Нужно отметить, что голоса критиков обмена утонули в потоке приветствий и одобрительных реплик, причем правительственный вариант реформы поддержали даже предпринимательские организации Перми и Владивостока²⁵. Возможно, это явилось результатом усиленной пропагандистской кампании: в прессе и отдельными листовками появилось не-

²² ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 53, л. 282–283об.

²³ Заря (Омск). 1919. 20 апр.

²⁴ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 25 апр., 3 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.; Пермские губернские ведомости (Пермь). 1919. 24 апр.; Освобождение России (Пермь). 1919. 25 апр.

²⁵ Современная Пермь (Пермь). 1919. 7 мая; Дальний Восток. 1919. 30 апр.

мало официозных материалов разъяснительного характера о грядущей реформе²⁶.

События следующего месяца формально подтвердили оптимистические ожидания Министерства финансов. В частности, рост прямых налогов в мае 1919 г. действительно наблюдался, что видно из сравнения по месяцам суммы их сбора:

Таблица 5.1

Сумма сборов прямых налогов в апреле–июне 1919 г. (руб.)

Вид налога	апрель	май	июнь
Поземельный налог	1873938	3458905	1598140
Подходный налог	3184479	4855364	3913177
Промысловый налог	2463903	3082742	2348742
Итого	7522320	11397011	7860060

Источник: Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 16. С. 21.

Несмотря на то, что приток прямых налогов в мае 1919 г. составил около 50%, он вобрал в себя лишь небольшую долю имевшихся в обороте «керенок». Некоторую их часть население вложило в банки и кредитные учреждения. Основная масса «керенок» хлынула на частный рынок. С первыми слухами о предстоящем обмене граждане начали избавляться от двадцати- и сорокарублевых денежных знаков, щедро предлагая их за любые товары и услуги.

По постановлению Совета министров, до 15 мая все кредитные учреждения обязаны были беспрепятственно принимать «керенки». Но сам Государственный банк установил меры дискриминации этих денежных знаков. Все внесённые «керенками» на счета банка суммы, если владелец пожелает забрать их до 15 мая 1919 г., следовало выдавать тоже «керенками». Если же клиент пожелает осуществить через банк перевод, внося в кассу «керенки», то получатель должен получить деньги в таких же купюрах. Государственный банк в апреле 1919 г. предложил своим отделениям воздерживаться от приема «керенок» при расчетах и рекомендовать гражданам и организациям переводить их на долгосрочные вклады. Чтобы ничего не потерять от номинальной суммы вклада, следовало внести «керенки» минимум на полгода. Применялась и другая мера дискриминации: уже за месяц до начала обмена, если вкладчик приходил снимать деньги со срочного счета, то ему выдавали только половину, остальное насильно

²⁶ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 20 апр.; Вестник Тобольского уезда (Тобольск). 1919. 6 июля; Освобождение России. 1919. 11 мая; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 26 апр.

переводили на шестимесячный вклад²⁷. Банкирская контора «Мацуда» во Владивостоке предупредила своих вкладчиков, что вклады, сделанные «керенками», будут считаться сданными населению для обмена по закону Российского правительства²⁸. Большинство частных банков и кредитных учреждений установили аналогичный порядок работы с двадцати- и сорокарублевыми купюрами. Таким образом, спасти деньги через банки было невозможно, они предлагали условия, мало чем отливавшиеся от конфискационного государственного займа.

Основная масса финансовых организаций и учреждений Сибири, в том числе и некоторые банки, опасались аккумулировать «керенки» перед их изъятием. Обычно частные банки стремились быстро избавиться от наличности, принятой «керенками», идя при этом на любые ухищрения. Само государство в лице своих казначейских учреждений поступало не совсем честно в отношении правительственных служащих: даже накануне реформы жалование в некоторых местах выдали «керенками»²⁹.

Не обошлось при этом и без печальных курьезов. Полученная Камышловским казначейством 9 апреля 1919 г. рекомендация руководства Государственного банка воздерживаться от приема «керенок» была понята слишком буквально. Не дожидаясь правительственного постановления, казначейство немедленно запретило всем правительственным, общественным и частным учреждениям Камышлова прием «керенок». Решение это не было отменено, видимо, вследствие полного невнимания центральных органов к событиям уездного уровня³⁰.

На товарном рынке в преддверии реформы наблюдалась настоящая катастрофа. В частном секторе уже с конца апреля «керенки» почти прекратили хождение. «Пойдите на базар, купите что-нибудь в магазине и попробуйте рассчитаться “керенками”, и у вас отберут товар обратно», — писала омская газета «Заря»³¹. Население спешило избавиться от двадцати- и сорокарублевых купюр, стремясь купить на них любой товар. Торговые же предприятия, наоборот, отказывались принимать «керенки». Местные власти вводили наказания за отказ от приема «керенок» до 15 мая 1919 г. в виде штрафов и тюремного заключения³². Реакция рынка на насильственные меры не заставила себя ждать — чтобы переждать «опасный» период многие магазины и лавки просто прекратили торговлю. Народ рыскал по рынкам, пытаясь сделать крупные закупки, стремясь избавиться от злосчастных денежных знаков. Крестьяне тоже среагировали

²⁷ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 217, л. 1, 7об., 28; ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 20–20об.; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 40–41, 63; Освобождение России. 1919. 3 мая.

²⁸ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 9 мая.

²⁹ Освобождение России. 1919. 21 мая.

³⁰ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 21 мая; Голос сибиряка (Екатеринбург). 1919. 8 мая.

³¹ Заря. 1919. 6 мая.

³² Дальний Восток. 1919. 3 мая; Наш Урал. 1919. 14 мая.

вполне естественно: подвоз продовольственных товаров на городские рынки почти прекратился – крестьяне не хотели получать за них «керенки». Усилился дефицит продовольствия, подскочили базарные цены. Но и снабжение деревни промышленными товарами частные торговцы прекратили. Лавочники опасались торговать³³. И без того хромавший товарообмен между городом и деревней в считанные дни совершенно расстроился.

Правда, некоторые торговые предприятия выпадали из общего правила, выбрав иную тактику поведения на рынке. Принимая «керенки» до последних дней их легального хождения, многие магазины получали огромную выручку. Приезжавшие из деревень крестьяне брали всё, что лежало на прилавках, оставляя в магазинной кассе каждый по несколько тысяч рублей в двадцати- и сорокарублевых купюрах³⁴.

Особенно тревожная ситуация наблюдалась в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Напомним, что «керенки» в этом регионе являлись единственной широко распространенной российской валютой. Помимо них в обороте находилось небольшое количество высоко ценимых на Дальнем Востоке «романовских» рублей, а также непопулярные местные денежные знаки и «сибирки». Денежные знаки Сибири очень низко котировались на Дальнем Востоке и совсем не принимались в полосе отчуждения КВЖД³⁵. На постановление Совета министров о прекращении обязательного приёма «керенок» харбинский и владивостокский денежные рынки отреагировали ростом курса иностранной валюты и золотого рубля. При этом ценность сибирского рубля сильно упала. Через месяц после объявления о реформе за него давали только треть от прежней цены³⁶. Основные капиталы торговой буржуазии Приморья и Манчжурии заключались в «керенках». Правительство предлагало заменить их ничем не обеспеченными квитанциями государственного займа. Естественно, что такая реформа вызвала саботаж среди наиболее экономически влиятельных, спекулятивных кругов. Торгово-финансовые круги Манчжурии просили продлить в их регионе обмен на 3–6 месяцев и выслать в кредитные учреждения подкрепление для проведения обмена рубль в рубль, отмечая, что в противном случае произойдет рост цен, сокращение закупочных операций, что в конечном итоге негативно отразится на потребительском рынке Сибири³⁷.

Не имевшее валюту дальневосточное крестьянство тоже ответило на реформу своеобразным саботажем. «После изъятия “керенок” крестьяне сделали вывод, что деньги в хозяйственной жизни совсем уж ненужная

³³ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 8, 15 мая; Освобождение России. 1919. 21 мая; Пермская земская неделя (Пермь). № 15. С. 1.

³⁴ Отечественные ведомости. 1919. 17 мая.

³⁵ Дальний Восток. 1919. 22 марта.

³⁶ Сибирская жизнь. 1919. 10 мая.

³⁷ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 13об.; Сибирская жизнь. 1919. 4 мая; Новости жизни (Харбин). 1919. 4 мая.

вещь... денежные отношения заменились натуральными», — писала одна из дальневосточных газет³⁸.

В последний месяц перед отменой хождения «керенок» правительство старалось посылать в Забайкалье и на Дальний Восток для выплаты заработной платы, оплаты государственных заказов и таможенных пошлин Китаю за провоз через границу российских грузов только «сибирские» рубли. Если весной 1919 г. рабочие и служащие Дальнего Востока предпочитали получить свою зарплату сибирскими рублями, а не местными денежными знаками, то после 15 мая 1919 г. выдача зарплаты «сибирками» стала вызывать повсеместный протест. Рабочие и служащие отказывались их принимать ввиду падения рыночного курса. Этим широко воспользовались партизаны и подпольщики для организации забастовок среди недовольных железнодорожников.

В Манчжурии картина оказалась ещё более запутанной. Там и раньше рабочие и служащие отрицательно относились к выплате зарплат сибирскими обязательствами – китайцы их принимали плохо. Самыми ходовыми денежными знаками являлись «керенки». После объявления об изъятии из обращения двадцати- и сорокарублевых купюр торговцы сразу перестали принимать и их. Тогдашние «бюджетники» попали в ситуацию, когда на выдаваемую зарплату не только ничего не могли купить, но и все их сбережения в одночасье потеряли всякую ценность. Единственным выходом оказалась эмиссия местных денежных суррогатов – бон, о разрешении на выпуск которых Российское правительство просили Управление КВЖД, правление Русско-Азиатского банка, городской совет станции Манчжурия³⁹.

С отменой хождения «керенок» рабочие и служащие забайкальско-дальневосточного региона окончательно потеряли веру в возможность получения за свою работу жалования полноценными деньгами. Это усилило озлобление в их среде. Финансовая реформа сыграла заметную роль в ухудшении политической обстановки. Власть сама толкала общество в оппозицию⁴⁰.

Проблемы с проведением реформы возникли и на другом географическом «полюсе» колчаковского государства – в прифронтовой полосе. Известие о реформе вызвало негативную реакцию в действующей армии⁴¹. Получавшие символическое жалование солдаты буквально охотились во время наступления за деньгами. Карманные деньги красноармейцев и обывателей с той стороны фронта в Сибири представляли собой целое состояние. В связи с тем, что денежное довольствие, снабжение дейст-

³⁸ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 13.

³⁹ Новости жизни. 1919. 4, 10 мая.

⁴⁰ Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917—1922 гг. Новосибирск, 1965. С. 80.

⁴¹ Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938. С. 89.

вующей армии продуктами питания и предметами первой необходимости осуществлялись крайне нерегулярно, захват военной добычи в виде «керенок» являлся не только стимулом к дальнейшему продвижению войск на запад, но и необходимым условием выживания. Армия стала одним из тех каналов, через который «керенки» проникали в Сибирь. С изъятием двадцати- и сорокарублевых купюр из обращения «большевицкий комиссар и красноармеец перестали быть для солдат пирожками с начинкой из “керенок”»⁴². Генерал Г.А. Вержбицкий в своем отчете от 1 июля 1919 г., объясняя причины отступления белой армии, отмену «керенок» поставил в один ряд с такими факторами, как плохое снабжение армии и крупные людские потери⁴³. Аналогичное влияние на солдат фактов изъятия из обращения «керенок» отмечали и другие мемуаристы⁴⁴.

Естественно, финансовое ведомство своевременно оповестило фронтовые части о реформе и устроило прием «керенок» через полевые казначейства. Но военные не желали легко сдавать те экономические позиции, к которым уже успели приспособиться. Солдаты находили множество предлогов и требовали продлить срок обмена. Им навстречу шло и командование, отмечая, что ввиду растянутости частей по всему фронту на 500 км многие из них получили сообщение о реформе слишком поздно. Генерал Р.Х. Гайда распорядился продлить срок обмена «керенок» на территории западнее Камы до 15 июня 1919 г. Генерал Г.А. Вержбицкий 23 мая попросил управляющего Государственного банка поддержать данное распоряжение, предупреждая, что в противном случае на фронте возможен солдатский бунт. Государственный банк сначала распоряжение не признал. Власти опасались, что не успевшие обменять деньги частные лица воспользуются случаем, чтобы сбить излишки денег солдатам. Однако со временем Государственный банк вынужден был смириться. Более того, с целью снижения недовольства в действующей армии Российское правительство разрешило «в виде исключения» обменивать солдатам и офицерам «керенки» наличными рубль за рубль до 15 июня 1919 г. Лишь после 15 июня на фронте стали выдавать квитанции о приеме «керенок»⁴⁵. Поскольку эта мера проводилась как исключительная, она, видимо, коснулась не всех фронтовых частей. Мы не располагаем также статистикой, позволяющей судить о том, какая сумма была обменена солдатам и офицерам на наличные сразу и без принудительного займа.

В прифронтовых районах не обошлось и без исключений для гражданского населения. В Уральской области, отрезанной от остальной «белой» территории, обмен проводился в июне в двухнедельный срок со дня опуб-

⁴² Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 186.

⁴³ ГАНО, ф. П-5, оп. 4, д. 1524, л. 305.

⁴⁴ Клерже Г.И. Революция и гражданская война. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 164.

⁴⁵ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 2; д. 217, л. 105, 108, 111–116; Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919. 25 мая; Голос сибиряка. 1919. 8 мая.

ликования постановления Российского правительства от 16 апреля 1919 г. В течение этих двух недель «керенки» зачислялись на вклады и текущие счета государственных и частных кредитных учреждений и принимались в платежи как полноценные денежные знаки. По истечении двухнедельного срока их принимали по половинной стоимости. Из полученной суммы половину зачисляли на принудительный заём, за остальную выдавали квитанции⁴⁶.

Одной из наиболее критикуемых сторон намеченного правительством обмена было отсутствие достаточного аппарата для быстрого проведения этой операции. Техническая сторона операции обсуждалась на частном совещании чинов Государственного банка 5 апреля 1919 г. Непосредственно проведением обмена занимался Государственный банк и все его отделения. Для проведения обменной операции решено было задействовать в качестве посредников отделения Государственных сберегательных касс (в том числе почтовые и железнодорожные), губернские, уездные и полевые (для обслуживания армии) казначейства, почтово-телеграфные конторы, кредитные товарищества, общества взаимного кредита, коммерческие и общественные банки, таможни, волостные правления⁴⁷. С 16 апреля по начало мая 1919 г. всем учреждениям были разосланы предложения о сотрудничестве при проведении обменной операции и подробные инструкции о действиях этих учреждений в случае согласия⁴⁸. В действительности, в организации обмена «керенок» активно принимали участие не только вышеперечисленные кредитные учреждения, но и земства разных уровней, потребительская кооперация, что просто спасало ситуацию в глубинке, где не было других учреждений. Объяснялось это не только государственными настроениями. Крупные кооперативные союзы призывали свои подразделения активно участвовать в обменной операции, приглашая сельчан принимать вклады и задатки «керенками». Земства предпочитали брать «керенки» в счет земских сборов⁴⁹. Во многих городах были открыты дополнительные пункты приема «керенок». Это сыграло определенную положительную роль. Российское телеграфное агентство во второй половине мая 1919 г. передавало из всех концов подвластной Омску территории об энтузиазме, с которым население отнеслось к реформе, и о хорошем поступлении «керенок». Исключение составляли только сведения из Харбина и Владивостока, где информационное агентство отмечало замешательство торговцев⁵⁰.

Операция обмена «керенок» вне крупных городов выглядела весьма архаично. Земства, кооперативы, почтово-телеграфные конторы и сбер-

⁴⁶ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 123, 130–130об.

⁴⁷ Там же, л. 7–9.

⁴⁸ Например, по Иркутской губернии: ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 1–39.

⁴⁹ ГАИО, ф. 207, оп. 1, д. 18, л. 129–129об.; ф. Р-1322, оп. 1, д. 18, л. 20, 24, 29–36, 43–45.

⁵⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7, л. 13–13об.

кассы высылали в ближайшие отделения Государственного банка посылки с деньгами и описями сдатчиков. Банковские отделения тем же путем высылали именные квитанции и уведомления о приеме денег на двадцатилетний вклад. Единых образцов квитанций не было – каждое отделение изготавливало их самостоятельно. Но сделано это было заблаговременно и с запасом, так что нехватки бланков квитанций никто не испытывал⁵¹.

Официальные отчеты умалчивали о реальной, далеко не благополучной картине. В сельской местности финансовые учреждения, принимавшие «керенки», отсутствовали, поэтому сдача их государству оказалась для деревни сложным мероприятием. Во многие деревни пришло не официальное уведомление об обмене, а только слух, которому жители не охотно верили. Выждав до 15 мая, убедившись, что слух достоверен, сельчане понесли свои деньги, когда было уже поздно, или и дальше продолжали выжидать. Сельские сходы нередко принимали постановление о продлении срока обмена или о продолжении обязательного приема «керенок» на территории волости, невзирая на закон⁵². Нередко жители отдаленных деревень не укладывались в месячный срок из-за плохой обеспеченности транспортом или неблагоприятных погодных условий. Например, большинство сельских жителей Хабаровского уезда не смогло сдать свои «керенки», так как распутица отрезала их деревни от уездного центра. Во многие отдаленные регионы информация об обмене «керенок» дошла позже 15 мая 1919 г., или власти, получив известие об обмене в последний момент, не успели оповестить население. На Камчатку она поступила в августе 1919 г. Больше всего пострадали представители коренных народов Казахстана, Сибири и Дальнего Востока: кочевники, российское население, занятое охотничьим промыслом⁵³. В мае и июне в Совет министров и Управление Государственного банка поступило около десятка просьб о продлении срока обмена «керенок» для той или иной местности. Большая часть прошений осталась без удовлетворения⁵⁴. Только просьба АО «Спасские медные руды», рудники которого находились в труднодоступных районах Джезказгана и Байконура, 5 мая 1919 г. была удовлетворена Министерством финансов⁵⁵. Правительство опасалось, что льготы для отдельных регионов создадут благоприятные условия для спекуляции на разнице сроков обмена. Однако согласилось считаться с форс-мажорными обстоятельствами отдельных лиц и групп граждан и удовле-

⁵¹ Там же, ф. Р-143, оп. 7, д. 215, л. 19, 50, 55, 64, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 148, 150.

⁵² Отечественные ведомости. 1919. 16 мая; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 июня; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22. С. 18.

⁵³ Дальневосточное обозрение. 1919, 17 мая; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 2, д. 19, л. 29.

⁵⁴ Дальневосточное обозрение. 1919. 10 июля; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8. л. 10; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 172, л. 2, 7, 17, 23, 26; ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 68.

⁵⁵ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 97, л. 32–34, 36, 37об.

творять ходатайства властей и пострадавших об обмене строго определенного количества денег, не взирая на сроки.

Очевидно, что город и деревня, центральные и отдаленные районы были поставлены в неравное положение. Большая часть населения в результате реформы понесла убытки, так как отмененные деньги остались у них на руках. В секретных отчетах правительства отмечалось массовое недовольство ходом проведения обмена «керенок»⁵⁶. Однако правительство упорно отказывалось восстановить социальную справедливость во имя мифической эффективности реформы.

С 16 июня по 15 июля 1919 г. «керенки» принимались в государственных финансовых учреждениях с выдачей квитанции на 50 коп. за один сданный рубль. При этом половина сданной суммы по-прежнему обращалась в двадцатилетний беспроцентный заем и только на 25% принятых денег выдавалась квитанция. С 16 июля курс обмена был понижен до 25 коп. Охотников обменять «керенки» по такому низкому курсу находилось немного. Для стимуляции обмена Государственный банк пошел на смягчение его условий – четверть от номинала сдаваемой суммы выдавалась наличными сразу, займу сданные после 16 июля 1919 г. «керенки» не подлежали⁵⁷.

Просчеты финансовой политики Российского правительства активно использовали в свою пользу большевики. В обращении Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров к трудящимся Сибири 16 августа 1919 г. сообщалось, что все оставшиеся на руках у населения «керенки» признаются большевиками за полноценное средство платежа в отличие от денег Российского правительства⁵⁸. Непопулярность обмена была настолько велика, что в августе–сентябре 1919 г. в районах партизанских восстаний, охвативших тыл Российского правительства, хождение «керенок» восстанавливалось, а «сибирские» деньги партизаны объявляли недействительными⁵⁹.

Несмотря на непоступление качественных купюр из Североамериканских соединенных штатов, положение с наличными деньгами Российского правительства улучшилось – было отпечатано значительное количество сибирских денег. В качественном отношении они по-прежнему не выдерживали никакой критики и, вероятно, даже стали хуже. Зато появилась возможность облегчить положение населения, пострадавшего от обмена.

Во-первых, уже в конце мая 1919 г. управление Государственного банка разрешило своим отделением при наличии свободных средств выплачивать гражданам, сдающим «керенки», половину их стоимости немед-

⁵⁶ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 160, л. 2.

⁵⁷ Русь (Омск). 1919. 24 июля.

⁵⁸ Борьба за власть Советов в Томской губернии. Сб. документов. Томск, 1957. С. 457.

⁵⁹ Партизанское движение в Западной Сибири. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 191.

ленно, «деньгами общероссийского образца» (т.е. сибирскими рублями). Выплаты начались немедленно, однако просчитать, какую долю сданных «керенок» государство компенсировало гражданам, не представляется возможным – сводная банковская статистика по этому поводу в архивах не обнаружена. Вероятно, она и не велась. Мы можем судить о масштабах явления только по многочисленным отдельным документам. С конца мая посылки с сибирскими купюрами потекли в обратном направлении – в дальние села и деревни⁶⁰. Причем финансовые органы легче соглашались компенсировать небольшие вклады.

Во-вторых, казенные палаты и местные отделения Государственного банка приняли огромное количество заявлений и ходатайств от людей и целых групп населения, попавших в чрезвычайные обстоятельства. Реакция на них последовала в основном в августе и сентябре 1919 г. Можно выделить несколько типичных случаев, когда Российское правительство склонно было идти навстречу просителям. В первую очередь это касалось беженцев из западных регионов «Колчакии», загнанных в Сибирь наступавшей Красной армией. Некоторые бросили свои дома как раз в период обмена и даже не успели получить официальных документов о приеме «керенок». Другая группа ходатайств, как правило, удовлетворявшихся, имела отношение к жителям отдаленных местностей. Наконец, рассматривались так называемые прочие обстоятельства, которых могло возникнуть множество: опоздание поезда, распутица. Кроме того, обнаружили учреждения и организации, принявшие «керенки» до 16 мая 1919 г., но не успевшие их вовремя сдать в Государственный банк. В этих случаях им возвращали «сибирками» полную сумму. Как правило, ходатайствовали о снисхождении люди или учреждения, действительно потерявшие все свои сбережения. В зависимости от конкретной ситуации управление Государственного банка компенсировало им наличными полный объем сданных денег или половину⁶¹. Но сколько поломанных судеб предстало перед чиновниками Государственного банка, читавшими эти документы? Выявились немало случаев, когда рабочим, служащим и военным выдавали жалование и денежное довольствие «керенками» буквально накануне последнего дня свободного хождения «керенок», а через несколько дней предлагали конфискационные условия обмена. Всем обратившимся с жалобами на подобные случаи компенсировалась вся сумма: власти предпочитали поскорее «замять» нелицеприятные факты своей деятельности и не сеять возмущение. Но как можно было компенсировать людям уже причиненные страдания и восстановить уже потерянный престиж власти?

⁶⁰ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 38; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 61–65, 103, 108.

⁶¹ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 212, л. 8–8об., 57–311, 336–343; д. 213, 1–106; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 157, л. 1–300.

Следует отметить, что как власти ни боялись злоупотреблений с льготным обменом «керенок», они все же имели место.

Судя по банковской статистике, за июнь 1919 г. в отделения Государственного банка поступило 133 435 400 руб. «керенками», за июль – 125 972 920 руб. (из них 43 млн – в Омске), за август – 35 067 900 руб. Небольшие суммы банки продолжали принимать до ноября 1919 г.⁶² Подавляющая часть этих «керенок» была оплачена наличными на 100, 50, 25% в зависимости от обстоятельств, сроков сдачи и наличия свободных средств у отделений.

Поскольку провести унификацию денежного обращения предполагалось во всероссийском объеме, накануне и в период проведения обмена Российское правительство стремилось координировать свои действия с властями других регионов, занятых «белыми».

В Архангельской области, проинформированной о денежных мероприятиях Российского правительства, «керенки» были выведены из обращения в июне 1919 г. Генерал Е.Л. Миллер летом 1919 г. на гребне временных военных успехов оказался в затруднительном положении. Население освобождённых «белыми» войсками районов имело только отменённые деньги, и, чтобы не бросать людей на произвол судьбы, антибольшевистские власти вынуждены были возобновить приём этих денежных знаков⁶³.

В деникинском тылу судьба денежных знаков Временного правительства была куда более витиеватой. Особое совещание Вооружённых сил юга России видело главную опасность для своего бюджета не в «керенках». С конца весны 1919 г. с севера начался приток совзнаков, или, как их ещё тогда называли, «пятакоских». Их нельзя было перепутать, как «керенки», поэтому с них и решено было начать ликвидацию «советских» денег. Они заняли место «керенок», и процесс их аннулирования проходил столь же болезненно. Обмен «пятакоских» заслуживает самостоятельного исследования⁶⁴. Сами же «керенки» на юге России были отменены лишь в августе 1919 г. Эта акция не сопровождалась бурной реакцией населения, поскольку «керенки» являлись к тому времени денежным знаком второстепенного значения⁶⁵. Любопытно, что Российское правительство в ответ на требования юга выделить часть запасов денежных знаков

⁶² ГАРФ, ф. Р-143, оп. 7, д. 218, л. 2–621. — В данном деле хранятся понедельные отчеты о поступлении «керенок» во все казначейства востока России.

⁶³ Там же, ф. Р-198, оп. 1, д. 7, л. 103.

⁶⁴ К сожалению, исследователи южной ветви российской контрреволюции до сих пор этот важный сюжет в лучшем случае лишь упоминали. — См.: Баранов А.Г. Денежное обращение Северного Кавказа в 1917—1920 гг. Майкоп, 1999. (Цит. по: [//www.bonistikaweb.ru/knigi/baranov.htm](http://www.bonistikaweb.ru/knigi/baranov.htm); Карпенко С.В. Очерки истории белого движения на юге России (1917—1920 гг.). М., 2002. С. 155.

⁶⁵ Карпенко С.В. Очерки истории... С. 154–155.

выслало для подкрепления кредитных учреждений деникинского правительства 200 млн рублей «керенками» и обещало до конца года выслать ещё 800 млн руб., т.е. переправить на юг практически весь запас изъятых из обращения на востоке России купюр двадцати- и сорокарублевого достоинства за подписью А.Ф. Керенского⁶⁶.

Наиболее экстравагантна судьба «керенок» в Северо-Западном регионе. Находясь в большевистском окружении, лидеры «белого» движения не только не помышляли об отказе от этих денежных знаков, но и тайно принялись изготавливать их, полагая, что такое фальшивомонетничество мало чем отличается от большевистской эмиссии⁶⁷.

Российское правительство проводило обмен «керенок» не только на российской территории, но и за границей. При этом в каждой стране обмен имел свою специфику, подчас очень далекую от российского образца.

Узнав об условиях обмена, большинство иностранных консулов заявили письменный протест, указав на то обстоятельство, что обмен ущемляет иностранцев, владеющих керенками», разрушает едва налажившиеся торговые связи между соседями. В ответ Совет министров Российского правительства согласился, что «керенки», сданные иностранными подданными, не подлежат принудительному займу, а срок обмена по равноценному курсу был продлен на неделю – до 22 мая 1919 г.⁶⁸

Наиболее болезненные последствия для держателей «керенок» обмен вызвал в Китае. Некоторые российские финансовые учреждения, находившиеся на китайской территории, получили известие о нем 29 мая 1919 г. Российско-китайское совещание администрации и финансовых учреждений в полосе отчуждения КВЖД продемонстрировало всю остроту положения: китайская сторона категорически отказывалась принимать предписанные законом условия обмена⁶⁹. Русский посланник в Пекине Н.А. Кудашев информировал омский МИД: «Обязываю банки продолжить прием «керенок» до 15 мая, но считаю долгом предупредить правительство, что применение этого закона при кратком сроке и отсутствии сберегательных касс разорит многих и повлечет иск китайцев к российскому правительству. Усиленно ходатайствую о продлении срока обмена по полной цене до снабжения банка романовскими рублями мелкого достоинства специально для обмена»⁷⁰.

Многие отделения русских банков и консульства в Китае тоже просили правительство снабдить их денежными знаками и продлить на китай-

⁶⁶ Белый восток: финансы и политика / Публ. Ипполитова С.С. (Цит. по: http://www.antibr.ru/reader/ah_vostfin_ksd.html).

⁶⁷ Николаев Р. Деньги, время, власть. СПб., 2002. (Цит. по: www.bonistikaweb.ru/knigi/nikolaev-dvv.htm).

⁶⁸ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 87, 98, 103, 119–120; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 158, л. 128.

⁶⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 7 л. 67–68; ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 83–86, 320.

⁷⁰ Там же, ф. Р-198, оп. 6, д. 6, л. 41.

ской территории сроки обмена на месяц. Этого же требовали сами китайцы, имевшие на руках около 200 млн руб. «керенками». Вопрос этот поднимался дипломатами даже в конце июня 1919 г., но наталкивался на неизменный ответ И.А. Михайлова и И.И. Сукина, что оснований для продления срока и смягчения условий обмена нет⁷¹. Совет министров не счел эту просьбу достойной удовлетворения, бросив китайские отделения российских банков на произвол судьбы. Операция по обмену «керенок» в Китае напоминала фарс. На всей китайской территории действовало несколько принимавших «керенки» учреждений. Вопреки закону, обмен растянулся на несколько месяцев, но не уберег от убытков ни русских, ни китайских граждан⁷². Несмотря на возникшие проблемы, И.А. Михайлов невозмутимо информировал Совет министров и российские посольства в Англии, Франции и Швеции, что обмен в Китае прошел успешно⁷³. При этом сам МИД обладал информацией, что к окончанию срока обмена на руках у населения Китая осталось около 500 млн руб. «керенками», т.е. больше, чем до начала обмена⁷⁴.

Самым негативным последствием всего этого для российской стороны было то, что понесшая немалые убытки китайская сторона отказала в доверии сибирским краткосрочным обязательствам. Прием «сибирок» на китайской территории был запрещен. С мая 1919 г. китайские таможенные власти потребовали, чтобы оплата таможенных пошлин за провоз российских товаров через границу Китая производилась исключительно «романовскими» деньгами⁷⁵. Это парализовало продвижение грузов на КВЖД. Рабочие и служащие КВЖД отказались получать зарплату «сибирками», не имевшими для них никакой ценности, и начали забастовку⁷⁶. В итоге органам управления железной дороги пришлось пойти на выпуск бон специально для полосы отчуждения КВЖД⁷⁷.

Информация об обмене «керенок» вызвала замешательство в российском посольстве в Японии. Посол В.В. Крупенский рекомендовал Омску воздержаться от официального опубликования условий обмена, чтобы избежать протеста японского правительства. Он предложил провести обмен неофициально, через отделения Русско-Азиатского банка. Операция обмена была действительно проведена в Японии через посредничество этой могущественной банковской структуры, правда, в официальном порядке. Всякие просьбы банка об отсрочке трактовались как нарушение

⁷¹ Освобождение России. 1919. 15 мая; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 91–93, 145, 198, 234, 242, 244–247об.; д. 233, л. 26–28об., 39.

⁷² ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8, л. 10, 69–70.

⁷³ Там же, л. 35, 37, 38; ф. Р-176, оп. 5, д. 105, л. 32.

⁷⁴ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 56.

⁷⁵ Там же, ф. Р-176, оп. 3, д. 44, л. 29.

⁷⁶ Андреев Г.И. Революционное движение... С. 80.

⁷⁷ ГАРФ, ф. Р-197, оп. 5, д. 46, л. 1, 1об.; ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 250, 254–255об.

условий сотрудничества с МИД и Министерством финансов⁷⁸. При этом было сдано очень небольшое количество денег. Японские банки и другие крупные держатели «керенок» потребовали их обмена на иены по текущему курсу и удовлетворились только этим. Любопытно, что в Сибири и на Дальнем Востоке нашлись спекулянты, скупавшие «керенки» у россиян для продажи иностранным гражданам⁷⁹.

В Европе мероприятия по обмену «керенок» стали проводиться только в конце июня – начале июля 1919 г. Держателям денежных знаков двадцати- и сорокарублевого достоинства были предложены невыгодные условия. Они могли сдать «керенки» на вклады в отделения российских банков с беспрепятственной выплатой этих денег в будущем в любом отделении Государственного банка на российской территории. Техническую сторону операции Министерство финансов возложило на неподготовленные к этому посольства России.

Единственной европейской страной, имевшей накануне обмена в своей казне изымаемые из оборота купюры на сумму 900 тыс. руб., была Швеция. Еще в марте 1919 г. по предложению И.И. Сукина шведы обменяли их на сибирские кредитные обязательства по курсу, превышавшему рыночный на 10%⁸⁰. Без преувеличения можно сказать, что экономические интересы стран Европы от изъятия из обращения «керенок» почти не пострадали, так как ни граждане, ни правительства этих стран не имели в руках больших сумм в этих денежных знаках. В первую очередь от такой формы проведения обмена пострадали проживавшие в Европе российские граждане. Однако способ проведения реформы денежного обращения вызвал столь же негативную реакцию на европейском континенте, как и в Азии. Члены дипломатического корпуса в Омске предупреждали, что не берутся предрешать реакцию своих стран в случае, если обмен вызовет недоразумения⁸¹. Престиж Российского правительства оказался сильно подорван.

Результаты реформы

Эффективность мероприятия по обмену «керенок» можно оценить, проанализировав следующие официально опубликованные цифры: 23 апреля 1919 г. в казне было 11 млн руб. «керенок», к 16 мая их стало уже 610 млн, к 1 июля сдано 959 млн, а к сентябрю – 1100 млн руб.⁸²

⁷⁸ Там же, д. 8, л. 19, 21, 21об.; ф. Р-200, оп. 1, д. 202, л. 129.

⁷⁹ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 6 июня.

⁸⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 8, л. 2.

⁸¹ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 233, л. 44.

⁸² Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 33об.–35; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 12. Е.И. Пастухова со ссылкой на газету «Приамурская жизнь» приводит явно ошибочные сведения (см.: Пастухова Е.И. Финансовая политика... С 75). Вероятнее всего,

Необходимо напомнить, что по приблизительным оценкам специалистов в обращении на территории «белых» находилось до 9 млрд руб. «керенок». Следовательно, скорее всего из обращения была изъята их меньшая часть. Причем более половины изъятых денег государству пришлось оплатить по полной стоимости, так как они попали в государственные финансовые учреждения до начала официального обмена. Лишь около 300 млн руб. были обменены на квитанции. Поэтому можно утверждать, что идея массового принудительного государственного займа завершилась неудачей.

Реформа по изъятию из обращения «керенок» была изначально обречена на провал. Во-первых, правительство разработало реформу в расчете на продвижение белой армии в западном направлении. Вариант отступления совершенно не учитывался. Обещая гражданам компенсировать изъятые «керенки» в течение второй половины 1919 г., власти в очередной раз сделали ставку на получение американских купюр. Оптимизм правительства не имел под собой никакого основания. Оба условия успешного развития реформы оказались нереализованными. Очевидным просчетом явилась недооценка дальневосточной специфики.

Сам момент для изъятия из обращения «керенок» был выбран очень неудачный – началось отступление белой армии на восток. Кроме того, будучи ограничено в ресурсах, правительство решило провести унификацию денежного обращения за счет населения. В результате предпринятые в мае–августе 1919 г. меры больно ударили по экономическому положению населения, которое встретило их резким недовольством и даже саботажем.

Вместо стабилизации экономики денежная реформа по изъятию «керенок» привела к полной потере правительственного контроля над финансами, уронила авторитет едва начавшего завоевывать популярность «сибирского» рубля, настроила против правящей власти все слои населения, особенно крестьянство и буржуазию, являвшихся самыми крупными держателями этих денежных знаков, а на Дальнем Востоке – железнодорожников, от которых зависела единственная связывавшая восток России с внешним миром транспортная артерия.

Изъятие из обращения «керенок» настолько сильно потрясло финансовый рынок, что последовавший за ним обмен местных денежных суррогатов не вызвал со стороны населения практически никакой реакции. С августа 1919 г. государственная власть «белых» окончательно потеряла влияние на денежный рынок.

Обмен «керенок», проведенный Российским правительством в 1919 г., вызывает в памяти очень широкие исторические аналогии. Выплата «ке-

она неверно воспроизводит данные источника, который мог черпать информацию только из официальных изданий.

ренками» жалования накануне конфискационного обмена поистине достойно продолжает традиции правительства Алексея Михайловича Романова в канун «медного бунта» 1662 г., а несчастные сибирские мужики – сродни «обманутым вкладчикам», потерявшим свои сбережения, как правило трудовые, в результате обменов и дефолтов 1990-х гг. «Учитель жизни», видимо, никого ничему не учит.

Российский обыватель в условиях конфискационного обмена ведет себя очень схожим образом. Стихийно возникают примерно одинаковые стратегии поведения домохозяев на потребительском рынке. Это подтверждается очень длительным историческим опытом, начиная от денежного обмена Е.Ф. Канкрин и продолжая неоднократными обменами времен гражданской войны, из которых в данной главе представлен самый масштабный. Дальше в их черед вполне можно будет поставить обмены 1947 г. и 1991 г.⁸³

Ретроспективный анализ накопленного в историографии материала о реформах, связанных с обменом денег, возможно даст, наконец, такое качественное приращение исторических знаний, которое будет учтено и отечественными реформаторами.

⁸³ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 239–240; Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам особых «папок» Сталина // Отечественная история. 1997. № 6. С. 134–140; Пушкарев В.С. Денежная реформа 1947 г. и «черный» рынок // Денежные реформы в России. История и современность. М., 2004. С. 183–192; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953. М., 2000. С. 34–71.

Глава 6

УНИФИКАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ

Децентрализация денежной системы: причины и формы

Важнейшей специфической чертой денежного рынка России периода революции и гражданской войны являлось появление множества денежных знаков. Причем условия их обращения были различные. Бонисты выделяют несколько видов средств платежа. К суррогатным денежным знакам относят облигации внутренних займов, купоны ценных бумаг, чеки и др., имевшие хождение наравне с общегосударственными деньгами. Они рассмотрены в предыдущей главе. К бонам относят, во-первых, необщеобязательные выпуски, эмитентами которых являлись местные административные органы или органы самоуправлений, отделения Государственного банка, выпуски крупных предприятий или кооперативов, суррогаты денег, эмитируемые местными органами. Во-вторых, частные необщеобязательные выпуски, осуществленные учреждениями, организациями, банками, небольшими производственными и торговыми предприятиями¹. Едва ли можно согласиться с устоявшейся классификацией, в которой выпуски интервентов относятся к общеобязательным деньгам. Известные случаи подобных выпусков на востоке России следует отнести скорее к необщеобязательным.

Отношение к деньгам местного и необщеобязательного обращения в науке различное. Доминирует их оценка как крайне негативного для экономики явления, от которого государство должно стремиться избавиться как можно скорее. Однако есть мнение лауреата Нобелевской премии Ф.А. Хайека о том, что монополия государства на выпуск денег есть самая вреднейшая в экономике монополия². Только свободная конкуренция между эмитентами может обеспечить наиболее эффективное функционирование хозяйственной системы. С научной точки зрения, особую актуальность приобретает проблема влияния демонополизации денежного рынка на функционирование всего хозяйственного организма.

Применительно к гражданской войне на востоке России данная проблема имеет богатую историографию. Особенный интерес представляет монография А.И. Погребецкого, дающая наиболее полную информацию о денежном рынке Дальнего Востока России. Она богата историческими экскурсами, отсылками к уникальным, не сохранившимся в настоящее

¹ Тхоржеский Р.И. Отечественная бонистика. Киев, 1988. С. 10–11.

² Хайек Ф.А. Частные деньги. М., 1996.

время документам, обилием статистических материалов, полученных автором как работником банковской системы Дальнего Востока в годы гражданской войны. Существенным недостатком данной публикации является обилие в ней опечаток, касавшихся, как правило, датировки событий³. Каталоги и издания бонистов часто повторяют статистику А.И. Погребецкого (без ссылок на источник), хотя порой приводят дополнительные сведения о многочисленных местных бонах, особенно в Поволжье, на Урале и в Сибири⁴. В большинстве исторических сочинений по Сибири и Дальнему Востоку самостоятельное изучение проблемы местных и частных эмиссий подменено кратким резюме монографии А.И. Погребецкого или вторичных исследований. Они лишь изредка дополнены отдельными фактами, извлеченными из каталогов денежных знаков или выявленными самостоятельно⁵.

После Февральской революции связь финансовых институтов окраин России с центром страны почти полностью прекратилась. Зимой 1917—1918 гг., фактически еще до установления советской власти, городские самоуправления и отделения Государственного банка Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Хабаровска прибегли к выпуску в обращение государственных ценных бумаг и даже разменных марок. Местные власти намеревались изъять эти денежные суррогаты сразу, как только в регион поступят деньги общероссийского образца в мелких купюрах⁶.

К выпуску в обращение обязательств государственных займов в качестве денежных знаков вскоре стали прибегать и центральные власти. Впервые данная мера была предпринята советским правительством в кон-

³ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914—1924. Харбин, 1924.

⁴ Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 г. М., 1924. С. 67–89; Бумажные денежные знаки России, СССР. СПб., 1994. С. 68–69, 74–84, 93–187; Каталоги бумажных денежных знаков России и стран СНГ. М., 1996. С. 34–39, 47–54; Козлов В. Боны и люди: Денежное обращение Урала (1840—1933): опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000.

⁵ Алексеева В.К. Денежное обращение в Сибири и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 72–77; Анисимов А.Л., Потоцкая Л.В. Финансовые органы на Дальнем Востоке в 1917—1920 гг. // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 2004. Вып. 4. С. 44–44; Кузнецова Л.Ф. Из истории денежного обращения Временных сибирских правительств 1918—1919 гг. // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 111–114; Курсель Е.П., Лукасюк Ф.Ф. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 гг. Чита, 1924. С. 4–6; Рогов Г.И. Денежные знаки, выпущенные в период существования белогвардейских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С. 158–162; Он же. Денежное обращение в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги // История белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 93–99; Он же. Денежное обращение на Дальнем Востоке в период Японской оккупации // История белой Сибири. Кемерово, 2005. С. 160–162; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистское движение на Дальнем Востоке в период гражданской войны (1917—1922 г.) Хабаровск, 2003. С. 102–104; и др.

⁶ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 28, 151, 175.

це 1917 г. Она преследовала цель увеличения в обращении купюр мелкого достоинства. Тогда были разрешены к приему наравне с кредитными билетами обязательства Государственного казначейства со сроком оплаты до 1 декабря 1917 г., купоны к ним и облигации «займа Свободы». Они стали первыми денежными суррогатами общероссийского обращения⁷.

В конце 1917 – начале 1918 г. в восточных регионах России постепенно установилась советская власть. С её появлением связан широкомаштабный выпуск денежных суррогатов местного обращения. В феврале 1918 г. Хабаровский совет по приказу Дальневосточного совета народных комиссаров начал выпуск денежных бон. Ко времени свержения власти большевиков в сентябре 1918 г. в Хабаровске и его окрестностях находилось в обороте более 11 млн руб. бонами. С апреля по сентябрь 1918 г. исполнительный комитет Амурского областного совета выпустил в Благовещенске около 70 млн руб. так называемых «амурских областных разменных билетов». Зейский совет весной выпустил чеков на 1170 тыс. руб. В Чите отступившая из Иркутска Центросибирь произвела эмиссию «сибирских кредитных билетов» на сумму свыше 20 млн руб. В июне 1918 г. Верхнеудинское казначейство выпустило около 6 млн проштампованных государственных процентных бумаг. Были и другие денежные суррогаты, выпуск которых санкционировали забайкальские большевики⁸. А.И. Погребецкий считал, что их количество в Забайкалье к середине 1918 г. достигало 31 млн руб.⁹ Сюжет об эмиссионном «творчестве» дальневосточных советов нашел отражение в многочисленных публикациях отечественных исследователей, основывавшихся на фундаментальной монографии И.А. Погребецкого и за исключением Н. Наволочкина ничего к ней не добавлявших¹⁰.

В Поволжье, на Урале и в Сибири советская власть не практиковала выпуск местных денежных знаков. Только во время боевых действий против «белых» екатеринбургские большевики отпечатали небольшое количество бон. Зато широко прибегли к выпуску собственных денег антибольшевистские правительства востока России. В июне 1918 г. для улучшения своего финансового положения Комуч выпустил в обращение хранившиеся в банках облигации государственных займов на сумму около 203 млн руб. Сам по себе этот факт мало о чем говорит. Поволжский бо-

⁷ Таранков В.И. Ценные бумаги государства Российского. М.; Тольятти, 1992. С. 181.

⁸ Наволочкин Н. В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Владивосток, 1966. № 4. С. 153–158; Он же. Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5–21.

⁹ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 250.

¹⁰ Алексеева В.К. Денежное обращение... С. 72–77; Парамонов О. «Кузнецы» с «языками». Сибирские деньги // Родина. 2000. № 5. С. 132–134; Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика правительства Колчака // Гуманитарный ежегодник. Вып. 3. Сборник трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. С. 69–71; Слабина Л.А. От керенок к совзнакам. Денежное обращение в 1917—1924 гг. // Россия и АТР. 1998. № 3. С. 17–19; и др.

нист Л. Едидович насчитал 141 вид суррогатных денег, выпущенных Комучем, считая за особый вид разные типы суррогатов, разные штампы, как правило, удостоверявшие эмитента, и различные условия обращения (с удержанием процентов или без). Разрешая хождение купонов, власти вынуждены были смириться с существованием денежных суррогатов номиналами в 2 руб. 75 коп., 37 руб. и т.д. Причем из таких купюр необходимо было иногда ещё и вычитать 5% или 15%¹¹. Государственные ценные бумаги в качестве денежных знаков были выпущены практически всеми отделениями Государственного банка и казначействами контролирующей Комучем части Поволжья и на Урале¹². В ноябре 1918 г., накануне оставления «белыми» Поволжья, Совет управляющих ведомствами Всероссийского учредительного собрания прибег к выпуску собственных бон – краткосрочных обязательств. Объем эмиссии составил 70 млн руб.¹³

Еще одним крупным эмитентом в Поволжско-Уральском регионе стало Уральское войсковое правительство. С конца 1918 г. по его указанию оренбургское отделение государственного банка стало выпускать свои денежные знаки. Эта инициатива потом была продолжена уже советской властью и вновь возобновлена «белыми». За весь период эмиссии было напечатано 163 млн руб.¹⁴

Временное областное правительство Урала поначалу согласовывало свою денежную политику с Временным сибирским правительством. По вопросу о выпуске в обращение купонов «займа Свободы» и об отношении к «самарским» деньгам на Урале Главное управление финансов Урала запрашивало в конце августа 1918 г. санкцию из Омска¹⁵, а 12 сентября и 31 октября 1918 г. утвердило хождение на Урале всех денежных знаков, выпускаемых в соседней Сибири¹⁶.

Но по мере ухудшения финансовых отношений уральских и сибирских властей Временное областное правительство Урала стало проявлять больше самостоятельности. По распоряжению Уральского областного правительства от 21 октября 1918 г. в Екатеринбурге было отпечатано пятидесятикопеечных уральских бон на 1,5 млн руб.¹⁷ По словам Л.А. Кроля, отдавшего распоряжение об их выпуске, этот шаг объяснялся полным отсутствием на Урале мелких денежных знаков и был одобрен

¹¹ Едидович Л. Деньги Комуча. Самара, 2003 // Цит по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Edidovich.htm>

¹² Козлов В. Боны и люди... С. 67–69, 87, 93, 100–101; и др.

¹³ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 4, д. 28, л. 14; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1976. С. 161.

¹⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 2.

¹⁵ СУР ВОПУ. № 4. Ст. 20; ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 18, л. 35; д. 13, л. 9.

¹⁶ ГАСО, ф. Р-569, оп. 3, д. 58, л. 20об.

¹⁷ СУР ВОПУ. № 5. Ст. 33; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 53; Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 7. С. 4.

членом Директории В.А. Виноградовым¹⁸. Управляющий Главным управлением труда Временного областного правительства Урала П.В. Мурашев отмечал, что, несмотря на низкое качество (простая бумага, одноцветные, напечатаны типографским способом), «полтинники котировались наравне с царскими деньгами и керенками»¹⁹.

В конце лета 1918 г. власть на Урале окончательно перешла к «белым». Примерно тогда же это произошло и на Дальнем Востоке. Отступая из Читы и Благовещенска, большевики захватили с собой почти всю наличность общероссийских денежных знаков, находившуюся в финансовых учреждениях этих городов. Поэтому Временное правительство Амурской области в сентябре–октябре 1918 г. выпустило в Благовещенске амурские разменные билеты на сумму 18 млн руб.

Таким образом, ситуация на финансовом рынке востока России летом – в начале осени 1918 г. еще более осложнилась благодаря активной денежной эмиссии местных правительств. Временное сибирское правительство отличалось сдержанностью на фоне активной эмиссионной деятельности остальных автономных правительств востока России. Более того, омские министры относились отрицательно к выпуску любых денежных суррогатов. Боны и ценные бумаги, выпущенные другими местными властями, Временное сибирское правительство намеревалось вывести из обращения. Теоретически возможны были два варианта решения этой проблемы: запрет хождения денежных суррогатов или их изъятие у населения за выкуп.

Западно-Сибирский комиссариат и Временное сибирское правительство сами вынуждены были легализовать обращение некоторых суррогатов. Летом 1918 г. на денежном рынке Сибири имели хождение различные государственные ценные бумаги: облигации, купоны к ним и государственные процентные обязательства. 16 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат подтвердил хождение облигаций, выпущенных в обращение при советской власти. Купоны же и обязательства продолжали иметь хождение наравне с кредитными билетами, хотя, как отмечалось позже в записке И.А. Михайлова, «вследствие отсутствия надлежащего законодательного акта со стороны Временного сибирского правительства эти знаки не всегда признавались публикой за законное платежное средство»²⁰. Недостаток мелких купюр заставил Министерство финансов Временного сибирского правительства подготовить проект о выпуске в обращение купонов государственных процентных бумаг достоинством до 250 руб. Правительство намеревалось пополнить таким образом денежный рынок

¹⁸ Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 147.

¹⁹ Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918—1919 гг. // Уральский областник. 1994. № 4. С. 33.

²⁰ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 8.

3–5 млн руб. мелких разменных денег. Это количество определялось суммой ценных бумаг, хранившихся в отделениях Государственного банка Сибири. Кроме того, Министерство финансов предлагало узаконить в качестве средства платежа обязательства государственных займов и облигаций «займа Свободы», срок выкупа которых истекал до октября 1918 г.²¹ 23 сентября 1918 г. Временное сибирское правительство приняло постановление, узаконившее эти предложения Министерства финансов. В соответствии с ним к деньгам приравнились как выпущенные Временным сибирским правительством, так и раньше находившиеся в обороте государственные ценные бумаги²². В результате такие выпуски были осуществлены в Барнауле, Бодайбо, Благовещенске, Иркутске, Мариинске, Николаевске-на-Амуре, Томске, Тюмени, Хабаровске, Чите и других городах. В одних случаях облигации «займа Свобода» ходили по номиналу, в других – по 85% от номинала²³.

Начало выпуска омской властью собственных денег осенью 1918 г. совпало со вступлением лагеря восточной контрреволюции в новую фазу своего развития – образования централизованной политической власти. Это обстоятельство существенно изменило геополитическую ситуацию. С расширением территории, контролируемой Временным сибирским, а затем Российским правительством, на омскую власть легла обязанность решить судьбу местных денежных суррогатов.

Отступление народной армии Комуча осенью 1918 г. вызвало массовое движение беженцев на восток страны. Поток «самарских» денег хлынул на территорию Сибири. Временное Сибирское правительство отдало распоряжение банкам, железнодорожным кассам, государственным учреждениям не принимать в платеж облигации государственных займов со штампом самарского правительства²⁴. Не брали их и частные торговые предприятия. Это поставило беженцев в тяжелейшие материальные условия.

Свои краткосрочные обязательства Комуч успел разослать по уральским отделениям Государственного банка, испытывавшим наибольший дефицит денежных средств. В этих районах вся заработная плата была выплачена самарскими бонами. Их официальное непризнание оставило без средств к существованию население уральских городов²⁵.

Оренбургские боны стали быстро распространяться на районы Урала, которые находились под властью Временного Сибирского правительства.

²¹ Там же, л. 9–11об.

²² СУР ВСИ. № 14. Ст. 126.

²³ Флеров В.С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского краеведческого областного музея. Томск, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11–12.

²⁴ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 15.

²⁵ Там же, л. 3, 14, 18.

Министерство финансов запретило уральским отделениям Государственного банка принимать их²⁶. Однако многочисленные распоряжения командования Уральского казачьего войска, в том числе самого войскового атамана – генерала А.И. Дутова, предписывали принимать оренбургские денежные знаки в Троицком и Верхнеуральском уездах наравне с общегосударственными. Более того, оренбуржцы ходатайствовали перед омскими властями о распространении действия бон на территорию Тургайской и Уральской областей, Стерлитамакского уезда Уфимской, Бузулукского уезда Самарской, Челябинского, Верхнеуральского и Троицкого уездов Челябинской губерний. Свою просьбу они мотивировали двумя обстоятельствами. Во-первых, в указанные районы не поступали денежные подкрепления из Омска, и хозяйственная жизнь региона поддерживалась только благодаря выпуску оренбургских бон. Во-вторых, интендантства, действовавшие в этих районах, были снабжены только оренбургскими бонами. Ограничивая их хождение, правительство вызывало перебои в военном снабжении²⁷.

Не только поволжские и уральские, но и дальневосточные местные денежные знаки осенью 1918 г. стали играть важную роль в хозяйственной жизни тех территорий, где они имели хождение. Дальневосточные отделения Государственного банка в течение нескольких месяцев получали подкрепление только советскими бонами. Союзные войска тоже старались расплачиваться ими. Временное сибирское правительство в течение долгого времени не признавало денежные суррогаты Забайкалья и Дальнего Востока ввиду их большевистского происхождения. Однако и официального запрета этих денег не последовало. Это вызвало нерешительность и непоследовательные действия местных властей. Одни финансовые учреждения региона принимали местные деньги, другие отказывались это делать. Например, 6 сентября 1918 г. Читинская казенная палата уведомила местное население, что пятидесятирублевые боны Центросибири с номерами свыше 360079 приему не подлежат. Распоряжение это было опубликовано Благовещенской казенной палатой и Иркутской городской думой. Другие финансовые учреждения региона обратились в Омск за разъяснениями, указывая на необходимость единства и согласованности действий в этом вопросе всех государственных органов²⁸. Приморское земство предлагало учесть, что боны имеют реальное обращение на рынке по пониженному курсу и что советская власть щедро выдавала их красноармейцам и другим своим сторонникам, и произвести операцию полного

²⁶ Там же, л. 141–142, 147.

²⁷ Там же, л. 142, 149об, 153, 155–157.

²⁸ Там же, л. 83–84.

учета бон, закрепив их за владельцами, а потом выкупить по низкому рыночному курсу²⁹.

Неофициально Министерство финансов рекомендовало финансовым учреждениям региона воздержаться от приема бон Центросибири. Подобная тактика Омска способствовала резким скачкам цен, прекращению подвоза товаров то в одни, то в другие регионы. Она вызвала критику не только населения, но и местных гражданских и военных властей, которые опасались, что отмена денежных суррогатов приостановит экономическую жизнь Забайкалья и Приамурья, парализует работу государственного аппарата и сорвет проведение мобилизации. Местные власти требовали временно признать право обращения дальневосточных денежных знаков с последующим скорейшим обменом их на общероссийские по номинальной стоимости. Особоуполномоченный Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке Д.Л. Хорват даже представил график и смету предстоявшего обмена³⁰.

Самая тяжелая ситуация складывалась с так называемыми частными бонами. Об их признании на общегосударственном уровне не могло быть речи. Более того, сибирские власти пытались запретить выпуск некоторых подобных денежных знаков. Например, отсутствие разменных денег заставило Кузнецкое каменноугольное и металлургическое товарищество выпустить собственные ордера. Удалось достичь договоренности с Кузнецким союзом кооперативов о приеме ордеров при условии их периодического обмена на общероссийские деньги в крупных купюрах. Но обращаемость ордеров была очень плохая. Приходилось прибегать к дополнительным выпускам. Ордера не принимали местные крестьяне, поэтому отоварить на них можно было только в лавках выпустившего их предприятия. В последних товары тоже быстро иссякали и поэтому ордера скапливались на руках у работников³¹. В начале 1919 г. Кузнецкий кооперативный союз и винные лавки отказались принимать ордера. Министерство финансов потребовало немедленно прекратить их выпуск и обменять держателям на сибирские краткосрочные обязательства. Но сделать это оказалось уже невозможно без прекращения деятельности предприятия. К апрелю ордеров напечатали на 950 тыс. руб.³²

В феврале 1919 г. Красноярское общество взаимного кредита также выпустило разменные чеки на 3, 5, 10, 25 и 50 руб. Объем выпуска первоначально определили в 25 тыс., но за несколько месяцев выпуск пришлось

²⁹ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 5. С. 9.

³⁰ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 23, 79, 91, 188, 272; Сибирская речь (Омск). 1919. 27 февр.; Русская армия (Новониколаевск). 1919. 5 марта.

³¹ ГАКО, ф. Д-13, оп. 1, д. 20, л. 37; д. 28, л. 191, 197.

³² ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 14об., 116; ГАКО, ф. Д-13, оп. 1, д. 43, л. 8–9, 14, 16.

увеличить до 550 тыс. руб.³³ Основная цель этого мероприятия – облегчить размен пятитысячных купюр.

Функция большинства местных выпусков сводилась к восполнению недостатка мелкой разменной монеты. Это не была эмиссия новых денег. Обычно выпускавшее их учреждение имело в своей кассе или на банковском счету соответствовавшую выпуску сумму в крупных купюрах, которые являлись обеспечением. Но негативная реакция центральных органов тоже была закономерна – ведь это подрывало единое денежное пространство.

Российское правительство, стремясь ограничить выпуск частных бон, для снятия остроты дефицита разменных денег само вынуждено было возобновить выпуск в обращение суррогатов общероссийских образцов. На один из примеров указывает В.С. Флеров. По его сведениям, в январе 1919 г. Самарская контора Государственного банка, эвакуированная в Томск, получила указания выпустить оставшиеся запасы государственных ценных бумаг, наложив на них штампель «Томск, 1918». Ориентировочно размер выпуска можно определить в 40 млн руб.³⁴

На пути к унификации

Давление местной общественности и государственных чиновников стало главным мотивом, заставившим власть пойти на временное признание некоторых местных денежных суррогатов и бон в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В соответствии с постановлением Административного совета Временного сибирского правительства от 17 октября 1918 г. к временному хождению в Амурской области допускались боны одного, 3-х, 5-ти и 100-рублевого достоинства, в Хабаровском районе – боны 5-ти и 10-рублевого достоинства и в Забайкальской области – «сибирские кредитные билеты» 50-рублевого достоинства. При этом действительными считались боны только в том случае, если до 1 декабря 1918 г. на них ставили штампель местных отделений Государственного банка. После 1 декабря правительство обещало обменять их на общесибирские денежные знаки по равноценному курсу. Этим же постановлением Административный совет узаконил и временное хождение облигаций государственных займов и купонов к ним, выпущенных в обращение Комучем³⁵.

Такое решение правительства явилось важным шагом на пути к унификации финансового рынка Дальнего Востока, так как в официальном обращении оставались только наиболее значительные виды местных денег – советские боны и деньги Временного областного амурского прави-

³³ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 232–233об.

³⁴ Флеров В.С. Из истории денежного обращения... С. 13.

³⁵ ГАРФ, ф. Р-131, оп. 1, д. 103, л. 66об.

тельства. Аннулировались более десятка видов денежных суррогатов, выпущенных в небольшом объеме и только засорявших рынок.

В середине осени 1918 г. стало очевидным пагубное влияние омской практики игнорирования денежных суррогатов Поволжья и Урала на экономическое положение территорий, где они имели хождение. В соответствии с принятыми Советом министров 20 декабря 1918 г., 13 и 25 февраля 1919 г. постановлениями местные денежные знаки Поволжско-Уральского региона получали право временного хождения с последующим их равноценным обменом на общероссийские³⁶. Местные деньги, за исключением государственных ценных бумаг, выпущенных с разрешения Комуча, получали право хождения наравне с общероссийскими, но на ограниченной территории. Наиболее льготные условия были распространены на пермские и екатеринбургские выпуски государственных ценных бумаг, которые должны были принимать не только на Урале, но даже в Тобольской губернии.

Временное сибирское правительство предложило владельцам поволжских и уральских облигаций и купонов к ним, выпущенных с санкции Комуча, предъявить их в учреждения Государственного банка до 1 декабря 1918 г. для регистрации путем наложения сибирских штемпелей. Государство должно было выкупить эти облигации по номиналу в двухмесячный срок. В декабре 1918 г. срок регистрации и выкупа был продлен на месяц. Поводом для этого послужили соображения социальной политики. Основными держателями самарских облигаций были поволжские беженцы и военнослужащие, направившиеся в тыл после боевых действий в Поволжье. В объяснительной записке Министерства финансов отмечалось, что беженцы, составлявшие большинство владельцев самарских облигаций, не обрели еще постоянного места жительства, а многие из них даже не были осведомлены о намерениях правительства изъять самарские деньги³⁷.

Реальная причина отсрочки заключалась в другом. С ноября 1918 г. статус омской власти повысился до всероссийского уровня, и вся бывшая территория Комуча попала под её юрисдикцию. Выкупу стали подлежать все самарские облигации, а не их меньшая часть. Средств для такой масштабной выкупной операции правительство не имело. Поэтому Министерство финансов предложило для решения проблемы продлить на месяц сроки регистрации и выкупа.

За месяц, испрошенный финансовым ведомством для обмена самарских бон, положение с денежной наличностью у правительства не улучшилось. Тогда власть пошла на временное признание облигаций с самарским штемпелем при наличии купонных листов к ним. В дальнейшем они

³⁶ СУР РП. № 5. Ст. 52–54; Правительственный вестник. 1919. 3 янв., 18 февр., 8 марта.

³⁷ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 856, л. 230, 230об.

подлежали обмену на новые облигации в назначенные Министерством финансов сроки, что переводило их из разряда денежных суррогатов в государственные ценные бумаги³⁸. Правда, срок выплаты по этим новым облигациям не оговаривался. Правительство надеялось таким образом получить возможность аннулировать один из самых многочисленных денежных суррогатов, не затрачивая в ближайшее время средства на денежную компенсацию их держателям. Эта мера так и не была проведена в жизнь. Облигации продолжали иметь хождение в Уральско-Поволжском регионе в качестве денежных знаков до его занятия войсками Красной армии.

Другие денежные знаки, источником происхождения которых являлся Комуч, постигла подобная судьба. Постановлением правительства от 20 декабря 1918 г. краткосрочные обязательства Комуча допускались к временному хождению на территории Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний с последующим изъятием из обращения в сроки, установленные Министерством финансов³⁹. Однако и эту меру не удалось воплотить.

В ряду нереализованных мероприятий оказался и обмен оренбургских денег. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил обменять денежные знаки Оренбургского отделения Государственного банка на общегосударственные в месячный срок. Постановление ограничивало хождение этих бон административными границами Оренбургского казачьего войска⁴⁰. Российское правительство так же вынуждено было поступить и с небольшой партией разменных бон, выпущенных в обращение в Екатеринбурге советской властью и Временным областным правительством Урала и распространившихся по всему Уральскому региону. В соответствии с постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 г. они получили право временного хождения. Владельцы обязаны были предъявить их в отделения Государственного банка для штампования до 1 мая 1919 г. Лишь бонны со штампом подлежали в будущем обмену на общероссийские деньги⁴¹. Правда, обмена этих денежных знаков так и не последовало.

Итак, постановления об обмене денежных знаков Поволжья и Урала были приняты, но сам обмен так и не состоялся. Причину следует искать в том, что данные постановления принимались под давлением социальных и экономических обстоятельств, но не соответствовали реальным финансовым возможностям омской власти. Желая оставить себе возможность маневра, правительство в каждом постановлении об обмене денежных

³⁸ Правительственный вестник. 1919. 28 февр.

³⁹ Там же. 3 янв.; ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 28, 29.

⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 28 февр.

⁴¹ Там же. 8 марта.

знаков оговаривало, что утверждение его окончательных сроков принадлежит Министерству финансов. Это позволяло откладывать мероприятия по унификации денежного обращения, и Министерство финансов пользовалось своим правом до тех пор, пока Поволжье и Урал не оказались заняты советскими войсками.

Долгое время правительство не сообщало о сроках выкупа выпущенных Комучем денежных знаков. В 1919 г. боевые действия в Поволжье и на Урале способствовали снижению остроты проблемы местных денежных суррогатов. Воевавшие стороны снабжали прифронтовые регионы миллиардами рублей «сибирских» и «жеренок», так как война требовала больших затрат. «Самарские» и «уральские» деньги быстро обесценились, потерялись в общей денежной массе. Они уже не имели такого влияния на экономическую жизнь, как в 1918 г. Наконец, для краткосрочных обязательств Совета управляющих ведомствами Министерством финансов был указан срок выкупа – 31 августа, а для самарских обязательств – 30 сентября 1919 г. К назначенному сроку войска Российского правительства оставили Поволжье и Урал. Реализации этого решения помешало отступление «белых». Вопрос стал актуален главным образом для беженцев, и обменом занимались сибирские отделения Государственного банка⁴². При обмене на них накладывались штемпеля Барнаула, Екатеринбургa, Иркутска, Кургана, Омска, Томска, Челябинска⁴³. В конце августа 1919 г. Совет министров продлил сроки выкупа обоих видов суррогатов до 1 ноября 1919 г.⁴⁴

Совершенно иная ситуация сложилась с бонами Дальнего Востока. Постановление Административного совета от 17 октября 1918 г. устанавливало для бон срок наложения штемпелей до 1 декабря этого года. Чтобы не оставить население без денежных средств, в сельских районах штемпелевание проводили в два приема. Сначала собирали половину денег и отправляли в административные центры. Спустя несколько недель они возвращались со штемпелями. После полного возвращения первой части бон сдаче подлежала вторая половина. В действительности финансовые учреждения региона не имели технических возможностей для штемпелевания денежных суррогатов в срок. Благовещенское отделение Государственного банка только 1 декабря 1918 г. сообщило волостным и станичным земским управам через средства массовой информации о порядке проведения обменной операции⁴⁵. Для обмена в дальневосточных отделениях Государственного банка не хватало наличных денег общероссийского образца⁴⁶.

⁴² ГАТО, ф. 198, оп. 1, д. 753, л. 174; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 14–14об., 18.

⁴³ Козлов В. Боны и люди... С. 72.

⁴⁴ Правительственный вестник. 1919. 3 сент.

⁴⁵ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 1 дек.

⁴⁶ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 5 февр.

25 февраля 1919 г. Совет верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке обсуждал вопрос о технической стороне предполагаемого обмена местных денег на общероссийские, предписанного постановлениями Российского правительства. На совещании бурно дебатировался вопрос о возможности обмена по пониженному курсу, и такой вариант был отвергнут⁴⁷. Накал эмоций был вызван тем, что на Дальнем Востоке не очень хорошо были известны намерения правительства. Именно в день заседания Российское правительство приняло постановление, продлевавшее сроки и конкретизировавшее условия обмена. Вопрос о пониженном курсе обмена местных денег Дальнего Востока в Совете министров даже не обсуждался. Незнакомый с законодательными источниками, Л.Г. Долгов полагает, что именно на заседании этого регионального органа было принято решение об обмене советских денег Дальнего Востока на «сибирские» рубли. К тому же он безосновательно считает, что изъять из обращения местные деньги помешали военные неудачи «белых»⁴⁸. На самом деле проблема заключалась в технических возможностях финансовых органов.

Итак, первоначально местные власти самовольно продлили срок наложения штемпелей еще на месяц. 25 февраля 1919 г. Российское правительство отодвинуло его до 1 апреля⁴⁹. Реально штемпеля накладывали до конца марта 1919 г. Штемпелевание охватило почти все советские боны Дальнего Востока и деньги Временного правительства Амурской области (табл. б.1.)⁵⁰. Кроме того, на китайской границе в любой меняльной лавке можно было легко поставить фальшивые штемпеля⁵¹.

С осени 1918 г. и до начала весны 1919 г. в отделении Государственного банка Забайкалья, Амурской и Приморской областей почти не поступало централизованного подкрепления наличности ни для выкупа бон, ни для смягчения денежного дефицита. Это способствовало усилению денежного кризиса на Дальнем Востоке.

⁴⁷ Журналы и протоколы заседаний Совета верховного уполномоченного на Дальнем Востоке. Владивосток, 25 февраля – 19 августа 1919 г. Харбин, 1919. С. 1–8.

⁴⁸ Долгов Л.Н. Денежное обращение на «белом» Дальнем Востоке (1918—1920 гг.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 77–78; Он же. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 66; Он же. Экономическая политика белых правительств на Дальнем Востоке (июль 1918 – январь 1920 гг.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 171.

⁴⁹ СУР РП. № 5. Ст. 52.

⁵⁰ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 181–183, 251.

⁵¹ Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 12 июня.

Таблица 6.1

Результаты изъятия из обращения местных бон Дальнего Востока
в 1919 г. (руб.)

Вид денежных знаков	Выпущено	Предъявлено к штемпелеванию		Изъято из обращения	Осталось не-предъявленных в обмену	
		руб.	%		руб.	%
Амурские городские разменные билеты	3087800	–	–	1852664	1557736	60,1
Амурские областные разменные билеты	87001950	–	–	84090040	2570330	96,6
Краснощековские боны	11296575	10666885	93%	10515655	881090	92,2
Сибирские кредитные билеты («молотки»)	20350000	19291500	94,8%	–	–	–

Источник: Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. 1914—1924. Харбин, 1924. С. 177, 182, 212, 251.

Законодательное ограничение территории обращения денежных суррогатов Дальнего Востока границами отдельных областей осложнило межрайонную торговлю. Области, в пределах которых имели хождение местные суррогаты, могли производить товарообмен с соседними регионами только на денежные знаки общероссийского образца. Поэтому происходило вымывание «романовских», «керенских» и появившихся в небольшом количестве «сибирских» денег. Небольшие города, удаленные от транспортных путей, страдали от этого особенно сильно. Истратив свои запасы общероссийских денежных знаков на закупку продовольствия в других регионах, их торговые предприятия могли продать свои товары населению только за местные боны, что препятствовало дальнейшему товарообороту. Например, весной 1919 г. в г. Зея население осталось без продовольствия именно по этой причине⁵². В крупных городах, где рыночные отношения были более развиты, положение было не таким безысходным. Там местные боны можно было обменять у менял на общегосударственные с доплатой в 40–60%. На общероссийские деньги возникал ажиотажный спрос, который способствовал быстрому росту цен на товары. Государство же отказалось официально признавать пониженный курс местных денег, что не позволяло производить пересчет зарплаты государ-

⁵² ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 187.

ственных служащих и рабочих по текущему курсу обмена местных денег на общероссийские⁵³.

С осени 1918 г. до лета 1919 г. нежелание торговцев принимать платежи местными бонами являлось широко распространенной общей тенденцией для товарного рынка Дальнего Востока. Государственные же учреждения могли расплачиваться почти исключительно местными бонами. Ими же расплачивались и союзные войска⁵⁴. Как это отражалось на торговле, можно проиллюстрировать на примере реквизиции грузов Амурского общества пароходства и торговли в Сретенске. Закупая товары за пределами Амурской области, общество вынуждено было вести большую часть своей торговой деятельности на общероссийские денежные знаки. Местные власти оплатили реквизицию купленных на «керенские» и «романовские» деньги грузов читинскими полтинниками. Формально такие действия являлись законными, но они разорили частную компанию⁵⁵. В Приамурье ещё Временное правительство Амурской области распорядилось принимать в кассах железных дорог только «романовские» и «керенские» рубли. «Мухинки» разрешалось брать только в уплату перевозок местного сообщения. В итоге закупленные грузы не вывозились на запад. Причем борьба с одним суррогатом порождала другой. В отсутствие полноценных денег управление Амурской железной дороги стало выдавать жалование продовольственными бонами, которые брался отоварить дорожный продовольственный комитет⁵⁶.

В связи с неурегулированностью вопроса о денежном обращении испытывали трудности и некоторые предприятия государственного сектора экономики. Например, почтовые отделения не могли принимать в бонах денежные переводы за пределы границ своих административных единиц. Железные дороги, осуществлявшие перевозки в соседние регионы, брали в уплату только общероссийские деньги. Нестабильность в регионе, вносимая сохранением в обращении бывших советских денег, вызвала однозначные призывы к Российскому правительству ускорить их обмен на общероссийские денежные знаки⁵⁷.

Частные банки, занимавшиеся спекулятивной скупкой местных бон на Дальнем Востоке, не встречали никакого сопротивления со стороны государственной власти. Само правительство оказалось в роли тайного спекулянта. Желая сэкономить средства на выкупной операции, Совет при верховном уполномоченном Российского правительства на Дальнем Востоке 25 февраля 1919 г. предложил выделить частным банкам кредит для не-

⁵³ Там же, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 14–14об.

⁵⁴ Земская жизнь Приморья. 1918. № 5. С. 5.

⁵⁵ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 288, 289.

⁵⁶ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги. 1918. 27, 28 окт.

⁵⁷ Амурское эхо. 1919. 4 марта.

гласной скупки местных денежных знаков по пониженному курсу⁵⁸. Документальными свидетельствами о переговорах Совета с частными банками мы не располагаем. Известно, однако, что само Министерство финансов в феврале 1919 г. провело тайные переговоры с дирекцией Русско-Азиатского банка, которому было предложено якобы частным образом начать покупку всех проштампованных денежных суррогатов Дальнего Востока по цене не выше 65% от номинала. Министерство обязывалось оплатить банку все расходы, а также выплатить один процент комиссионных⁵⁹.

Такая финансовая политика правительства катастрофическим образом сказалась на рабочих и государственных служащих. Заработная плата, выдававшаяся им обычно местными бонами, имела реальную стоимость на 40–60% ниже номинальной. Это приводило их на грань нищеты, лишало стимула к труду и автоматически ставило в оппозицию к правительству. Рабочие и служащие требовали, чтобы правительство официально признало разницу курсов местных и общероссийских денег и узаконило соответствующие доплаты. С декабря 1918 г. для служащих правительственных учреждений Дальнего Востока были введены прибавки к жалованию⁶⁰. Бюджетных работников других категорий забота государства не коснулась. Но просьбы официально утвердить пониженный курс местных денег Дальнего Востока наталкивались на отказ. Это противоречило постановлению от 17 октября 1918 г., признающего их деньгами, равными общероссийским, но на ограниченной территории⁶¹.

Дальневосточные банки установили своеобразную иерархию денег по видам. Производя обмен, банки гарантировали, что выданные купюры могут в течение некоторого срока быть сданы обратно в банк и будут обязательно приняты по текущему курсу. С самыми ценными видами денег («романовские» и «керенки» крупных номиналов) происходил интенсивный процесс обезналичивания. Они концентрировались на банковских счетах и изымались из обращения. Банки вместо наличных денег могли выдать держателю чек, удостоверяющий возможность получения денег указанными купюрами хорошего качества. Чеки на ценные виды денег сами становились своеобразным видом денег и обладали очень высокой ликвидностью. Такая операция позволяла активно использовать ценные купюры без их амортизации⁶².

Итак, местные государственные органы и учреждения, торговые предприятия, рабочие, служащие и просто обыватели испытывали массу неудобств и даже материальных лишений в связи с продолжавшимся обра-

⁵⁸ Журналы и протоколы заседаний Совета... С. 6.

⁵⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 61.

⁶⁰ Там же, ф. Р-176, оп. 5, д. 48, л. 90, 90об.; ф. Р-196, оп. 1, д. 1, л. 42–42об., 51.

⁶¹ Там же, ф. Р-176, оп. 1, д. 143, л. 14–14об.

⁶² Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

нением местных денежных знаков и были заинтересованы в их скорейшем обмене. Однако неповоротливость государственных финансовых учреждений и отсутствие средств для выкупа денежных суррогатов не позволили своевременно провести этот обмен.

14 декабря 1918 г. циркуляр Государственного банка сообщил местным отделениям, что хотя хождение местных денежных знаков продлено, каждому отделению разрешается в зависимости от состояния наличности в неограниченном количестве производить их обмен частным лицам, представителям воинских частей, правительственных, общественных и частных учреждений и предприятий⁶³. Сведения о том, что отделения Государственного банка действительно начали осуществлять такой обмен, не выявлены. А вот информации противоположного характера предостаточно. В частности, Благовещенское отделение Государственного банка сообщило, что денег у него хватает только для поддержания финансовых операций с заграницей, и обмен «мухинок» в ближайшие месяцы не предвидится⁶⁴.

Срок выкупа денежных суррогатов Дальнего Востока переносился несколько раз, так же, как это было с деньгами Поволжья и Урала. Только 5 июня 1919 г. было принято решение, что до 31 июля население должно обменять боны на общероссийские деньги⁶⁵. Реально их обмен проводился местными властями в течение всего лета и закончился в конце августа 1919 г. Всего удалось изъять около 130 млн руб. Более подробные сведения об итогах штемпелевания и изъятия привёл А.И. Погребецкий (см. табл. 6.1). Е.И. Пастухова попыталась также обобщить эти сведения, но только в отношении операции по штемпелеванию. Она отметила, что официальная печать преувеличивала цифру подвергнутых штемпелеванию местных денежных знаков минимум вдвое⁶⁶. На самом деле официальные данные (257 млн руб.) обобщали итоги штемпелевания всех местных денег, а не только дальневосточных и, видимо, близки к истине⁶⁷.

Интересен механизм выведения из обращения срочных чеков. В феврале 1919 г. Томское отделение Государственного банка, выпускавшее такие чеки летом 1918 г., сообщило циркулярно в другие отделения, что срок их хождения истекает 1 мая 1919 г. В случае своевременного предъявления подобных чеков в любое из отделений Государственного банка их следовало принимать и высылать в Томск для оплаты⁶⁸. Это распоряжение коснулось, однако, немногих. Уже к началу марта 1919 г. было об-

⁶³ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 4, д. 3, л. 39–39об.; ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 1–1об.

⁶⁴ Амурское эхо. 1919. 5 февр.

⁶⁵ Правительственный вестник. 1919. 9 июня; Амурская жизнь. 1919. 9 июня.

⁶⁶ Пастухова Е.И. Финансово-денежная политика... С.71–72. В таблице этого автора перепутаны сведения о регистрации и обмене амурских денежных знаков.

⁶⁷ Правительственный вестник. 1919. 28 апр.

⁶⁸ ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 140, л. 4.

менено чеков на 2 455 000 руб., а в обращении оставались только на 684 000 руб.⁶⁹ Видимо, аналогичным способом происходило изъятие акцептированных чеков, выпущенных Хабаровским отделением Государственного банка. Его удалось осуществить на 99% всего выпуска путем постепенного обмена на деньги других видов⁷⁰. Неизвестна судьба акцептированных чеков, выпущенных в начале 1919 г. Пермским отделением Государственного банка в качестве краткосрочных денежных знаков⁷¹. Судя по большому проценту оплаты банками акцептированных чеков, этот суррогат денежных знаков не доставил большого неудобства своим держателям и был своевременно погашен эмитентами.

В 1919 г. ряд местных денежных знаков, объём эмиссии которых был незначителен, выводился из обращения также путем обмена, но без принятия специального законодательного акта. Это делалось в инструктивном порядке. 1 мая 1919 г. управляющий Государственным банком С.И. Рошковский подписал циркуляр, разрешавший местным отделениям обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов и «займа Свободы», выпущенные в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, Чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Государственного банка. Срок обмена специально не оговаривался⁷². Если в Забайкалье таких денежных знаков, подлежащих постепенному обмену, было эмитировано 3 932 910 руб., то размеры прикамской эмиссии неизвестны⁷³. С 5 июля 1919 г. обмен на таких же условиях был распространен на облигации «займа Свободы», выпущенные в качестве денег Мензелинским отделением Государственного банка⁷⁴.

Это было оправданно с точки зрения социальной. Ведь держатели поволжских и уральских местных денег, оказавшиеся в Сибири, — это, как правило, беженцы или военные. Недоучет этого фактора сильно усложнял им жизнь. Например, эвакуированные в Ишим в августе 1919 г. военные части и жители Екатеринбурга и его уезда не могли ничего приобрести на

⁶⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 55.

⁷⁰ Бумажные денежные знаки... С. 180; Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 182. Поразительно, насколько невнимательны подчас бывают бонисты к обстоятельствам эмиссии и обращения изучаемого ими денежного знака. Хабаровским акцептированным чекам посвящено несколько публикаций, которые совершенно не проливают свет на экономические аспекты функционирования этих денежных знаков. — См.: Чекунаев В.В. Акцептированные чеки Хабаровского отделения Госбанка в денежном обращении края 1918—1919 гг. // Нумизматический альманах. 2001. № 2. С. 42—48; Чекунаев В.В., Колосов Л.И. Акцептированные чеки Хабаровского отделения госбанка в денежном обращении края 1918 года // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 230—234.

⁷¹ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 янв.

⁷² ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 10.

⁷³ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 7. С. 3.

⁷⁴ ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 133, л. 18.

местном рынке, так как обладали в основном 50-копеечными разменными марками. Не приняло их и местное отделение Государственного банка⁷⁵.

Многие местные выпуски государственных ценных бумаг, как, например, выпущенные в обращение казначейством Верхотурья, Семипалатинским отделением Государственного банка и другими кредитными учреждениями востока России, не удостоились подобного внимания государства⁷⁶.

Сведения о судьбе местных денег, эмитированных на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг., хорошо известны благодаря исследованию А.И. Погребецкого, из которого видно, что основная их масса была предъявлена к штемпелеванию и обмену на общероссийские деньги. Итоговых сведений по деньгам Уральско-Поволжского региона нет. Поэтому особенно интересна ведомственная статистика по этому вопросу. Обзор итогов работы Главного управления Государственного банка за 1919 г. сообщает, что всего банк исчислил местных денег разных видов на 575 млн руб., из которых на 1 января 1919 г. 32 млн руб. значились как не выпущенные в обращение. К 1 июня к ним добавилось 54 млн руб., изъятых из обращения, к 1 сентября – 116 млн руб., и в кассах числилось уже 57 млн руб. Итого в обороте оставалось 402 млн руб. местных денег, учтенных к началу 1919 г.⁷⁷ В других источниках обнаруживаются некоторые разночтения с приведенными данными. В них сообщается, что к маю 1919 г. 40,5 млн руб. были сданы в отделения Государственного банка и не выпускались обратно на денежный рынок. В результате усилий правительства к концу июля 1919 г. из обращения было выведено 116 млн руб. местных денежных суррогатов, а к 1 сентября – 209 млн руб.⁷⁸ Но даже эти цифры свидетельствуют, что лишь меньшая часть денежных суррогатов была изъята из обращения государственной властью с компенсацией их владельцам. Основная масса местных денег по окончании срока их обращения оставалась на руках у населения. Результаты обменной операции более чем скромные, и они плохо стыкуются со сведениями, введенными в научный оборот А.И. Погребецким. Единственное объяснение может состоять в том, что поволжские и уральские деньги почти не были предъявлены к обмену, так как основная часть их держателей осталась на территориях, занятых советской властью. Судьба этих денег на советской территории до сих пор мало привлекала внимание исследователей.

В течение 1919 г. Российское правительство выпустило в обращение, по разным источникам, от 6 до 15 млрд руб. сибирских краткосрочных обязательств. Это привело к тому, что относительное количество денеж-

⁷⁵ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 12 авг. Приложение.

⁷⁶ Бумажные денежные знаки... С. 105, 171

⁷⁷ ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 208, л. 16об.–17.

⁷⁸ Там же, ф. Р-197, оп. 2, д. 1, л. 8об., 9, 33об.–35.

ных знаков местного производства стало незначительным по сравнению с предшествующим годом. В Поволжско-Уральском регионе значение местных денег безболезненно свелось к минимуму. В Забайкалье и на Дальнем Востоке действия правительства по выводу из обращения денежных суррогатов оказали дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказались на материальном положении широких слоев населения, ухудшили политическую обстановку.

Шаг вперед, два шага назад: ситуация второй половины 1919 г.

Но выкуп Российским правительством денежных суррогатов 1918 г. в действительности не был реальным движением на пути к унификации денежного рынка. Непреодолимый денежный кризис и отчасти финансовая политика Омска ставили власть в положение Ахиллеса, неспособного догнать черепаху. Меры правительства могли оказаться действенными только при достаточном удовлетворении государством спроса на мелкие денежные знаки. В противном случае местные власти или даже само население вынуждено было решать эту проблему собственными силами, подчас используя меры, не вписывавшиеся в правительственный курс.

В первые месяцы своего существования Российское правительство жестко пресекало всякие попытки выпуска новых денежных знаков местного обращения. Несмотря на острейший недостаток наличности на Урале, оно отклонило просьбу главы Уральского банковского комитета В.П. Аничкова о выпуске казначейских обязательств, изготовленных ещё Временным областным правительством Урала⁷⁹.

Это было вполне объяснимо. Концепция развития денежного рынка, принятая Министерством финансов Российского правительства, предусматривала в первую очередь изъятие из обращения местных денежных знаков. Оно должно было состояться в три приёма: ограничение территории хождения и принятия в платежи, регистрация путём штемпелевания и, наконец, обмен. Лишь во вторую очередь собирались изымать из обращения «керенки». Причем, испрашивая у американского правительства заказанные кн. Г.Е. Львовым деньги, Министерство финансов настаивало на том, что оно использует полученные качественные денежные знаки для унификации денежного рынка. Естественно, что для этого следовало пресекать появление новых бон и суррогатов⁸⁰. Упоминают об этих намерениях многие исследователи, ссылаясь на хорошо известный документ⁸¹,

⁷⁹ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 3, л. 71–73.

⁸⁰ Там же, ф. Р-200, оп. 1, д. 185, л. 1–1об.

⁸¹ Белый восток: политика и финансы (Цит. по: http://www.antibr.ru/reader/ah_vostfin_ksd.html); Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в белую Россию // Гражданская война в России (1917—1922 г.). М., 2002. С. 180; Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Труды Государственного исторического музея. Нумизматический сборник. М., 1992. Ч. XI.

вышедший из недр колчаковского МИД, но проанализировать реальную ситуацию на денежном рынке, связанную с попыткой реализовать эти намерения, никто не попытался.

Дополнительное осложнение ситуации на денежном рынке было связано с эвакуацией Экспедиции заготовления ценных бумаг из Омска в Иркутск в ноябре 1918 г. В это время подкрепления новыми денежными знаками перестали поступать в кредитные учреждения⁸². Тогда положение отчасти спасло Томское отделение Государственного банка. Оно выпустило в обращение государственные ценные бумаги со своим штампом, приравненные по платежной силе к сибирским краткосрочным обязательствам⁸³. В.С. Флеров уточняет, что это было сделано с разрешения и даже по настойчивому требованию Л.В. фон-Гойера в середине ноября 1919 г. Для этого мобилизовали все остатки запасов государственных ценных бумаг, эвакуированных в этот город Екатеринбургского, Тобольского, Тюменского и Бузулукского отделений Государственного банка. В течение месяца эмиссия суррогатных денег составила около 45–50 млн руб., что позволило снабжать деньгами соседние отделения Государственного банка⁸⁴. Приводимые А.И. Погребецким сведения о том, что в период эвакуации Российского правительства из Омска в Иркутск в Томске и Ново-николаевске были выпущены в обращение краткосрочные обязательства на сумму в 1 млрд руб., В.С. Флеров не подтверждает. Хотя он указывает, что было выдвинуто предложение осуществить в Томске эмиссию собственных краткосрочных обязательств на вексельной бумаге⁸⁵. А.И. Погребецкий при этом сослался на «частные сведения» и не включил этот выпуск в общий объем эмиссии сибирских правительств. В.С. Флеров же тщательно изучил документацию Томского отделения Государственного банка и отметил даже небольшие выпуски государственных ценных бумаг. Едва ли томский исследователь упустил бы миллиардную эмиссию, если бы она действительно когда-либо была осуществлена.

Томский выпуск является примером общегосударственной эмиссии, предпринятой хотя и местным отделением банка, но с целью пополнения денежного фонда Российского правительства. В декабре 1919 г. Иркутская экспедиция заготовления ценных бумаг и Томское отделение Государственного банка могли обеспечивать денежные нужды только центральных властей. Поэтому Совету министров пришлось официально разрешить некоторые местные выпуски. Например, Благовещенскому отде-

С. 150; Она же. Денежная реформа Колчака // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 127.

⁸² Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.

⁸³ ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 143, л. 152; Свободный край (Иркутск). 1919. 18 нояб.

⁸⁴ Флеров В.С. Из истории денежного обращения... С. 15.

⁸⁵ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 8; Флеров В.С. Из истории денежного обращения... С. 14.

лению Государственного банка 16 декабря 1918 г. было позволено произвести выпуск бон достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 300 и 500 руб.⁸⁶ На самом деле в декабре 1919 г. и январе 1920 г. отделению Государственного банка в Благовещенске удалось выпустить только чеки (от чековых книжек для перечисления средств с условных текущих счетов) на сумму 11 750 000 руб. и акцептированных чеков частных вкладчиков на сумму 4 010 189 руб. Городское самоуправление отпечатало 25 млн руб. бонами, но их не выпустили в обращение ввиду очень плохого качества⁸⁷.

Изъятие из обращения «керенок», а затем и местных денежных знаков 1917—1918 гг. выпуска явно несколько не сгладило ситуацию на рынке и не придало большого веса государственной кредитной политике. Денег по-прежнему не хватало, поэтому, не дожидаясь санкции высших органов, некоторые местные административные и муниципальные органы власти отваживаются на собственные выпуски денег. Так, Амурская областная земская управа во второй половине 1919 г. выпустила в обращение земские марки в 50 коп., один, 3 и 5 руб. на сумму 18 млн руб. Хабаровское отделение Государственного банка прибегло к выпуску акцептированных чеков на 2 359 400 руб., а почтовые конторы Хабаровска выпустили разменные марки на 1 230 000 руб. Но самыми крупными эмитентами местных денег в конце 1919 – начале 1920 г. стали власти Забайкалья и Приморья. На американской сетчатой бумаге, перехваченной атаманом Г.М. Семёновым на пути из Владивостока в Омск, Читинским отделением Государственного банка в феврале 1920 г. было отпечатано 500 млн руб. и в первой половине 1920 г. ещё столько же. Выпуск третьей серии на 500 млн руб. не был осуществлён ввиду сильного падения курса этих бон. Владивостокское отделение в декабре 1919 г. выпустило с собственным штемпелем облигации 4,5%-ного государственного займа 1917 г. на 178 млн руб. и купонов к ним на 75 млн 420 тыс. руб. В первом квартале 1920 г. тот же эмитент выпустил 1000-рублевых чеков на сумму 502 млн 50 тыс. руб. Это – помимо уже упоминавшихся в предыдущей главе сибирских знаков⁸⁸. В двух последних случаях эмитенты воспринимали свою власть как суверенную, обладавшую всеми правами принимать решение об объёмах и условиях эмиссии.

В 1919 г. огромное количество новых денежных суррогатов появилось и в других регионах. Причем они, как правило, имели не региональное, как в 1918 г., а локальное значение. Их эмитентами могли выступать государственные кредитные учреждения или местная администрация. Например, Екатеринбургское отделение Государственного банка выпустило

⁸⁶ ГАРФ, ф. Р-176, оп. 5, д. 46, л. 390.

⁸⁷ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 214–216.

⁸⁸ Там же. С. 38–39, 183, 213, 254–257.

50-копеечные разменные марки, Пермское отделение – временные разменные чеки различного достоинства⁸⁹. Но если в 1918 г. деньги местных административных или муниципальных органов, либо государственных кредитных учреждений явно доминировали, то в 1919 г. они могли занимать скромное положение среди многих видов денежных знаков других эмитентов. Чаще всего это были торговые предприятия, выпускавшие бонны с целью облегчить обмен денег внутри собственной торговой сети. Например, в начале 1919 г. Уфимский губернский союз кооперативов выпустил для расчета с рабочими своего Никольского чугуноплавильного завода расчетные квитанции 5-ти и 10-тирублевого достоинства на сумму 100 000 руб. Они обеспечивались имевшимися у союза купюрами 25-тысячного достоинства и имуществом, принимались в кооперативах Златоустовского уезда и были настолько авторитетны, что имели свободное хождение в окрестных деревнях⁹⁰. Собственные бонны выпускали многие горнодобывающие предприятия востока России⁹¹.

Большинство горных округов Урала весной 1919 г. имели собственные чеки или обязательства. Их особенностью было то, что они не были обязательны к приёму в государственной торговле и кредитных учреждениях, хотя и имели широкое хождение на черном рынке⁹². Такие выпуски очень похожи на описанный ранее случай с ордерами Кузнецкого горного и металлургического АО. Только на Урале государство не пыталось вмешиваться в местное денежное обращение. В лучшем случае заводские выпуски были обеспечены крупной наличностью, хранившейся в кассе завода или на его банковском счете. В худшем – обеспечением объявлялось имущество завода, которое, подчас, оказывалось совершенно неликвидно. Подобные выпуски были, как правило, очень плохо защищены от подделки, с появлением которой эмитент начинал принимать деньги с перебоями. Главным бичом кустарного производства денежных знаков оставалась их очень плохая обращаемость. Они быстро скапливались на руках у держателей, и эмитенту приходилось прибегать к дополнительным выпускам. На уровне небольших предприятий такая «инфляция» оборачивалась обычно не падением курса, а прекращением к приёму в платежи.

Наибольшей пестротой отличался уральский регион. Это объяснялось его индустриальной спецификой: большое количество крупных горнозаводских предприятий, разбросанных и удаленных друг от друга. В период

⁸⁹ Освобождение России (Пермь). 1919. 4 февр.; Отечественные ведомости. 1919. 30 янв.; Ишимская жизнь. 1919. 12 авг. Приложение.

⁹⁰ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 25 марта.

⁹¹ Отечественные ведомости. 1919. 13 февр.; Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 апр.; Каталог бумажных знаков, выпущенных на территории Кемеровской области. Кемерово, 1995. С. 4–5, 12.

⁹² Каплан А.Л. Денежное обращение в городе Челябинске // Челябинск в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Челябинск, 2001. С. 55.

кризиса каждое такое предприятие начинало жить собственной жизнью, до предела ужимая связи с внешним миром. Как правило, на крупном промышленном предприятии или в пределах группы таких предприятий вводились собственные деньги. Вторым видом платежного средства были денежные знаки местного кооператива или кооперативного союза. Выпуски кооперативных бон оказались весьма популярными. Они, как правило, гарантировали приобретение в лавках или на складах эмитента товаров. Уральский бонист В.Ю. Козлов справедливо считает, что в периоды смены властей кооперативные денежные знаки оказывались более защищенными, чем знаки других эмитентов, в т.ч. и общегосударственные, подверженные периодическим обменам⁹³. Большинство кооперативных бон вводилось лишь с целью размена. Их выпуск, как правило, обеспечивался товарами кооператива, поэтому они не оказывали разрушительного воздействия на рынок и не обесценивали рубль.

Но только в глухих углах и при наличии в округе «предприятия-гегемона» удавалось ограничиться одним видом бон. В крупных селах тоже существовали собственные боны. Как правило, сельские жители тоже ограничивались одним видом⁹⁴. Наименьшей локализации оказались подвержены денежные рынки северо-востока России – Якутии, Камчатки и Чукотки. Их особенность состояла в том, что там вообще не было почти никаких денег. Местные выпуски были предприняты только в 1920 г., несмотря на острейший денежный кризис. Вся торговля происходила в обмен на золото, естественно, по очень низкому курсу, потому что в ситуации дефицита торговцы диктовали условия и играли на искусственном повышении цен⁹⁵.

В крупных городах существовали свои особенности функционирования денежного рынка. Даже в Омске, где в целом картина была более-менее благоприятной, и общероссийские денежные знаки до лета 1919 г. принимались на рынке по одному курсу, недостаток разменной монеты вынуждал магазины, рестораны, парикмахерские и т.п. заведения выпускать собственные разменные боны. За пределами Омска разница курсов на романовские, керенские, сибирские деньги, купоны «займа Свободы» установилась гораздо раньше⁹⁶. В Тюмени уже летом 1918 г. свои заменители денег в виде купонов, квитанций и расписок выпускали Тюменское общество домовладельцев, рестораны, парикмахерские, магазины⁹⁷.

Сложившаяся в Харбине ситуация, видимо, была типична для многих городов востока России. Там в мае 1919 г. профсоюз железнодорожников вел переговоры об условиях оплаты труда. Предметом переговоров был

⁹³ Козлов В. Боны и люди... С. 44–46.

⁹⁴ Рогов Г.И. Разменные боны села Алексеевское // Нумизматика. 2004. № 6. С. 30–31.

⁹⁵ Минусинский край. 1919. 11 июля.

⁹⁶ Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 104.

⁹⁷ Наш Урал. 1919. 8 июня.

не размер оплаты или её сроки. Речь шла о том, сколько купюр, какого вида и достоинства имеет право выдавать администрация в уплату рабочим и служащим. Это для них было не менее важно, чем номинальный объем выплат⁹⁸. Но даже в этих переговорах обсуждались только боны Русско-Азиатского банка и общероссийских выпусков: «романовские», «керенские» и «сибирские» рубли. Реальная ситуация была очень сложной.

В Харбине, по сведениям издательства газеты «Новости жизни», только 16 крупных торговых предприятий, в том числе аптеки и клубы служащих, ремесленников, спортсменов, выпускали собственные денежные знаки⁹⁹. А.И. Погребецкий насчитал 22 торговые организации, эмитировавшие свои боны. Причем его сведения не во всем совпадают с данными газеты¹⁰⁰.

В Амурской области в конце 1919 г. имело хождение несколько частных бон: Главного продовольственного комитета Амурской железной дороги, Благовещенского городского общества потребителей, авансовые карточки Амурского областного кредитного союза и Амурского областного союза кооперативов «Амурский кооператор», Зейского кооператива¹⁰¹.

Аналогичная ситуация наблюдалась повсюду. Часто подобные денежные суррогаты были элементарной распиской торговца на клочке бумаги. Их нельзя считать настоящим денежным знаком. Но многие доморощенные эмитенты пользовались разными способами защиты своих «денег» – особый вид печати, номера, т.е. придавали им вид денежных знаков. Местные власти пытались бороться с этим явлением. Однако законных претензий эмитентам предъявить было невозможно, так как каждое предприятие имело право выпускать свои кассовые ордера или долговые расписки любого вида¹⁰². Поскольку эмитенты не претендовали на обязательное и свободное хождение своих платежных средств, правовых или административных способов бороться с засорением рынка подобными денежными суррогатами не было. Оставались экономические меры, но на этом поприще власть была бессильна. Да и бороться с естественной саморегуляцией денежного рынка было опасно. Как не парадоксально, некоторые боны обменивались на рынке полным рублем и даже выше. Общероссийская валюта не вызывала доверия, а солидная фирма гарантировала предъявителю своих бон продажу товаров или оказание услуг на указанную сумму. Поэтому боны известных фирм становились предметом накопления и очень плохо возвращались обратно в кассы. На рынках стали

⁹⁸ Новости жизни (Харбин). 1919. 22 мая.

⁹⁹ Там же. 31 мая.

¹⁰⁰ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 340–341.

¹⁰¹ Там же. С. 216–217; Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб., 1993. С. 102.

¹⁰² ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 103. л. 131–132об.

появляться подделки. Это вынуждало эмитентов предпринимать новые выпуски и искать новые способы защиты.

Проблемой изучения местных средств необязательного платежа занимаются главным образом бонисты. В исследованиях по бонистике обстоятельства выпуска денежных знаков практически не уделено внимания, так как их выяснение требует работы с делопроизводственными или повествовательными источниками. Но даже информация, сообщаемая на самих денежных знаках и воспроизведенная в каталогах, позволяет сделать некоторые наблюдения. Так, падение советской власти на Урале летом—осенью 1918 г. и утверждение сначала Временного областного правительства Урала, а затем Российского правительства почти не повлияло на ситуацию на локальных денежных рынках. Судя по всему, практически весь запас общероссийских денег в горнозаводских округах резервировался для взаимодействия с внешним миром. Предприятия, получавшие недостаточно денег для выплаты заработной платы, осуществляли выплату купонами, бонами, ордерами. Попадавшие к населению общенациональные деньги перетекали в кассы кооперативов в качестве авансов за товары. Взамен выдавались кооперативные боны, на которые осуществлялся местный кооперативный товарооборот. Подобная практика сформировалась в регионе с начала 1918 г. Смена власти привела к уходу с рынка одних эмитентов (советов и рабочих комитетов) и приходу на их место других (как правило, заводоуправлений). Не удивительно, что восстановление советской власти летом 1919 г. в очередной раз мало изменило картину. Только увеличилось количество кооперативных эмитентов¹⁰³.

На рубеже 1918—1919 г. интервенты стали готовить выпуск собственных разменных денег на Дальнем Востоке. Речь шла об эмиссии тремя иностранными банками (Гонконг-Шанхайским, Индо-Китайским и Индустриальным) бон на 10 млн руб. мелкими купюрами, обеспеченными внесением на депозит Государственного банка такой же суммы в сибирских краткосрочных обязательствах крупных номиналов. Министерство финансов категорически возражало, хотя советник МИД Российского правительства на Дальнем Востоке В.Э. Гревс настойчиво рекомендовал правительству не препятствовать этой мере как улучшающей денежное обращение в регионе¹⁰⁴. Ещё более опасным явлением был выпуск денег японского экспедиционного корпуса и Чосен-банком в иенах. Японцы расплачивались ими за товары и услуги, а население охотно принимало их, так как они гарантировали обмен на валюту¹⁰⁵. В конце 1919 г. эти два вида

¹⁰³ Козлов В. Боны и люди... С. 85–255.

¹⁰⁴ ГАРФ, ф. Р-198, оп. 1, д. 64, л. 14.

¹⁰⁵ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 34; Рогов Г.И. Денежное обращение... С. 160–162; Уфимцев Ю. Японские деньги России (1918—1922 гг.) // Япония сегодня 1996. № 4. С. 26–27.

денежных знаков станут проводниками «иенизации» дальневосточного денежного рынка.

Наиболее авторитетным и грамотно организованным видом частных денег стали боны Русско-Азиатского банка. Их изготовление банк заказал American Banknote Co. Летом 1918 г. боны были получены, в октябре загрифованы соответствующими подписями и в декабре того же года поступили в обращение. Общий выпуск составлял 20 млн руб. Боны не обеспечивались драгоценными металлами или деньгами общероссийского образца. Они были обязательны только для приёма кассами КВЖД и Русско-Азиатского банка. Их обмен производили на российские деньги старых образцов – «романовские» и «керенки». Действительно, боны, прозванные «хорватовскими», ценились на валютном рынке наравне с романовскими рублями. С начала 1920 г. правление банка зафиксировало курс обмена своих бон на золотой рубль. Боны постепенно прекратили своё действие к маю 1920 г. Правда, Русско-Азиатский банк не производил выкупа или обмена своих банкнот, что вызвало в 1924 г. претензии к нему со стороны держателей¹⁰⁶. Российское правительство негативно отнеслось к выпуску в полосе отчуждения КВЖД бон крупнейшего на Дальнем Востоке российского банка, полагая, что эта мера, наряду с валютными спекуляциями, способствует понижению курса сибирских денег. В результате этих запретов КВЖД вынуждена была перейти на валюту.

В многообразии частных бон денежного рынка порой обнаруживались совершенно парадоксальные явления. Например, одним из значительных эмитентов стал крупный Владивостокский торговый дом «Кунст и Альберст». Удивительным было то, что его боны имели хождение в разных городах «восточной окраины», в том числе и там, где их нельзя было предъявить непосредственно эмитенту для оплаты или отоваривания. Этот частный эмитент даже указал весьма значительный район обращения своих бон: Приморская, Амурская и Сахалинская области. Аналогичным авторитетом на Дальнем Востоке обладали ордера сельскохозяйственных складов, гарантировавшие предъявителю предоставление товара на указанную сумму¹⁰⁷.

Денежные суррогаты в значительной мере усугубляли сложное финансовое положение контрреволюционных правительств, вызванное острым недостатком средств в государственной казне. Появление суррогатных денежных знаков в финансовом обращении России в годы гражданской войны явилось объективным следствием денежного дефицита, порожденного политикой предшествующих лет, и распада связей между отдельными регионами. В отличие от лидеров большевиков руководители финан-

¹⁰⁶ Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 323–327.

¹⁰⁷ Там же; Рогов Г.И. Денежные знаки... С. 158–162; Он же. Денежное обращение... С. 160–162.

совой политики сибирской контрреволюции понимали необходимость унификации денежного обращения и пагубность существования в обороте денежных суррогатов. Однако пример финансовой политики «белых» на востоке России со всей очевидностью свидетельствует, что борьба с этим явлением путем одних административных запретов или ограничений не могла стать эффективной. Контрреволюционные правительства востока России не сумели создать необходимых экономических предпосылок для борьбы с денежными суррогатами, т.е. восстановить связь между финансовыми учреждениями страны и создать необходимый запас качественных денежных знаков общероссийского образца для замены суррогатных купюр полноценными.

Деятельность контрреволюционных правительств Сибири по регулированию денежного обращения привела к потере государственного контроля над денежными потоками и оказала дестабилизирующее влияние на финансовый и товарный рынки региона, отрицательно сказалась на материальном положении населения. Не только крестьянство и рабочий класс, но и государственные служащие и даже буржуазия понесли большие убытки от некомпетентных действий властей. Финансовые мероприятия Российского правительства стали одним из важнейших факторов, способствовавших массовому переходу населения в лагерь оппозиции.

Появление множества видов денег было не случайностью, а жесткой исторической закономерностью. Оно означало, что основные общенациональные деньги не только превратились в дефицитный товар, но и потеряли свойства абсолютной ликвидности. Однако и суррогаты общенациональных денег не обладали этим качеством. Они действительно восполняли недостатки разлагавшейся общенациональной денежной системы: сглаживали в острые моменты дефицит денег, как наличных, так и безналичных, восстанавливали баланс между крупными и мелкими купюрами. На региональных и местных рынках складывалась ситуация абсолютной конкуренции между эмитентами – как раз то явление, о котором много лет спустя написал Ф.А. Хайек как о нормальном состоянии денежной системы. В этом случае потребитель действительно мог свободно выбирать между наиболее успешными эмитентами, способными лучше конкурентов обеспечить свои знаки товарами и уберечь их от обесценивания. Но это свойство денег могло проявить себя только на уровне локального сообщества и только в краткосрочной перспективе. Более того, сама необходимость в появлении местных денег возникала лишь при дефектах общенациональной денежной системы и с их ликвидацией исчезала.

Сами эмитенты видели в выпуске денежных знаков экономическое зло. Они шли на эмиссию только тогда, когда понимали, что в данный момент это – меньшее из зол по сравнению с безденежьем и невозможностью размена. Значительная часть местных эмиссий была связана с общенациональной валютой, которая являлась обеспечением местных денег и

бон. К тому же она предпринималась как временная мера. Сглаживая одни недостатки фондового рынка, многообразие денежных знаков оплаты порождало другие. В частности, ликвидность местных денег и бон замыкалась в пределах локального или регионального рынка, и это усиливало и институционализировало распад экономических связей. Издержки по размену денег возросли по сравнению с периодами функционирования общенациональной валюты. Часто такой обмен становился невозможен. Социальные издержки обращения на рынке множества денег и бон оказались очень велики. Демонополизация денежной эмиссии несла в себе заряд величайшей социальной несправедливости. Она была ещё менее предсказуема, чем традиционная денежная ситуация, увеличивала риск перекладывания экономических издержек государственной власти на предпринимательский сектор и домашние хозяйства, а предпринимателей – на домашние хозяйства. В конце концов, ответственность многих эмитентов перед потребителями денег, даже совокупная, оказывалась нисколько не выше, чем ответственность государства. Зато демонополизация денег сделала государство бессильным перед лицом стихии фондового рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принято считать, что гражданская война сопровождалась усилением государственного регулирования экономики. Существует как минимум одна сфера народнохозяйственной жизни, по отношению к которой это утверждение лишено основания. Речь идет о финансах. Государство с каждым месяцем сначала постепенно, а потом стремительно теряло контроль над ними.

Большевикам в силу их доктринальных убеждений было легко отказаться от ставки на деньги как важнейшего рычага регулирования экономических процессов. «Белые», наоборот, до последнего стремились реанимировать кредитно-денежную систему, но почти все их усилия остались безуспешными. Этот факт вовсе не свидетельствует о прозорливости первых и косности, недалекости вторых. Недаром революцию называют коллективным сумасшествием. Простые решения, игнорирующие сложность экономической жизни и, казалось бы, шедшие ей наперекор, оказывались подчас самыми эффективными. Это не значит, что опыт проигравшей стороны должен быть менее интересен потомкам. Столбовая дорога развития человечества была проложена совсем по другому пути, нежели предполагали большевики. Все попытки построить безденежную хозяйственную систему до сих пор завершались плачевно. Именно поэтому подавляющая часть обществ, оказавшись в кризисе, ищет пути спасения своей денежной системы, а не её уничтожения. Таким образом, экономическое мировоззрение лидеров «белого» движения и руководителей финансовых органов антибольшевистского лагеря остается привлекательным и для нас, а их опыт поучительным. Следовательно, те дискуссии, которые возникали порой по частным вопросам, приобретают значение более существенное, чем совершенно особый путь большевиков.

Состояние источников таково, что рассчитывать на получение точных и абсолютно достоверных статистических данных не приходится. Тем не менее анализ того, что удалось выявить, позволил получить общие представления о структуре доходов и расходов крупнейших антибольшевистских правительств, характере и динамике эмиссии, инфляционных процессов, успехах и провалах государственного регулирования кредитно-денежных отношений.

Значительная часть проблем, с которыми столкнулись антибольшевистские правительства, в тех условиях оказалась неразрешимой в принципе в кратковременной перспективе. Речь могла идти лишь о более или менее мягком выходе из сложной ситуации, об амортизации негативных последствий финансового кризиса. Инфляция на востоке России обуславлива-

лась несколькими факторами. Инфляция спроса, вытекавшая из острейшего товарного дефицита, осложнялась инфляцией издержек в связи с удорожанием производства. К ним добавлялись кредитные факторы (попытки государства поддержать угасавшее производство) и социальные, так как правительство обречено было по мере своих скромных возможностей увеличивать социальные расходы.

Именно поэтому ликвидировать и даже сократить бюджетный дефицит в условиях гражданской войны оказалось практически невозможно. Для этого следовало бы поставить под жесткий финансовый контроль действующую армию и огромную машину тыловых воинских учреждений. Ведь именно они расходовали 60% всех средств. Самые жесточайшие усилия по экономии средств гражданского сектора будут тогда гаситься эффектом своеобразного мультипликатора. Они принесут пользу лишь на 2/5. Если учесть, что расходы крупнейших правительств востока России – Комуча, Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака – были достаточно сильно социально ориентированы, то станет понятно, сколь велики могли стать издержки такой экономии. Армию же, воюющую на своей собственной территории, проконтролировать практически невозможно. Именно поэтому, воспринимая эмиссию необеспеченных денег как разрушительное для экономики явление, антибольшевистские правительства востока России не смогли предложить ничего кардинально отличающегося от политики большевиков. Хотя последние, как известно, были не чужды идеи сознательного обесценивания рубля, т.е. совершенно иначе относились к данной проблеме.

Не менее важным для лидеров антибольшевистского движения оказался вопрос о сущности денег. Вдруг до предела обнажилась практическая значимость этой, казалось бы, чисто теоретической проблемы. Вера в то, что деньги могут быть обеспечены всем достоянием государства, в том числе его недрами и производственным потенциалом, оказалась губительна. Она была связана с неверным пониманием кредитной природы денег.

Деньгами принято называть разные экономические явления. Экономисты используют термин «агрегаты денег», дифференцируя их по степени ликвидности. Всё достояние национальной экономики может существовать в фондовом выражении, но наличность (банкноты и монеты) будут лишь некоторой его частью. Фондовые ценности России обесценились ещё в годы, предшествовавшие революции. Гражданская война только завершила этот процесс. Потеря российскими наличными деньгами свойства абсолютной ликвидности была ещё более тревожным сигналом. Деньги, не являясь фактором производства, вместе с тем оказываются его отражением. Государство может декретировать в качестве денег только то, что отражает его активный производственный потенциал. Лишь он,

наряду с драгоценными металлами, объективно выступает реальным обеспечением денег. Это происходит независимо от деклараций государства.

Сведения о существенном сокращении налогообложения при «белых» свидетельствуют лишь о том, что, как и при большевиках, основным способом изъятия стали неналоговые механизмы. Однако натурализация экономических взаимоотношений в антибольшевистском лагере протекала значительно медленнее. Отказываясь от перехода на натуральные хозяйственные связи, государственная власть вынуждена была прибегать к другим механизмам аккумуляции ресурсов. В России того времени огромную роль сыграло отсутствие системы индексации денежных выплат. Известно, что в условиях инфляции получатели фиксированных доходов несут потери, тогда как субъекты, осуществляющие срочные платежи в неизменных ценах, оказываются в выигрыше. В положении первых оказалась большая часть клиентов государства, а оно само выступило в положении вторых. Формально справедливо будет говорить о том, что наибольшие потери несли в этих отношениях крупные клиенты государства. Но как измерить размер ущерба? Предприниматель потерял на этом своё состояние, а рабочий лишился достойной зарплаты – главного источника средств к существованию.

Итак, основные издержки по содержанию антибольшевистского аппарата и армии несли владельцы денег и получатели фиксированных доходов. И это кардинально отличается от политики натурализации экономических связей при большевиках, при которой основные издержки перекладываются на производителей и держателей товарных ценностей.

Почти удивительные явления можно было обнаружить в сфере чрезвычайно запутанного в годы гражданской войны денежного обращения. В условиях, когда ни один денежный знак отечественного производства не был обеспечен реальным товарным, валютным или металлическим содержанием (ведь и старые романовские рубли его к тому времени уже потеряли), на первый план выступил вопрос не авторитетности политической власти и доверия к ней населения, а качества исполнения денег. Но на нестабильном денежном рынке, в котором структура фондовых цен, как и состав эмитентов, быстро менялись, рыночная конъюнктура оказалась слабо предсказуемой и плохо управляемой со стороны государства. Вопрос, социально острый в определенный период, по прошествии нескольких месяцев мог оставить всех равнодушными. Но и для государства он переставал играть принципиальную роль. Так было с попытками унифицировать денежное обращение на востоке России. Легко удавалось изъять из обращения только денежные знаки, уже потерявшие своё значение на рынке. Государство было обречено на запаздывание при решении этой задачи.

Исчезновение свойства всеобщности денег, вызванное появлением многочисленных видов местных денежных знаков и бон, как обязательных, так и не обязательных к приёму в платежи, резко обострило социальную функцию денег. Обнаружить это позволяет только исторический материал. Зато он прекрасно демонстрирует конфликтогенную роль денег, которые оказываются основой социальной напряженности в обществе. Поэтому финансовая политика и процессы, протекавшие в сфере денежного обращения России в годы гражданской войны, – это ещё и предмет социальной истории.

Проведенное исследование приоткрывает горизонт новых и позволяет усовершенствовать подходы к решению уже известных научных проблем. Фондовая часть экономики соприкасается со всеми сторонами реального сектора народного хозяйства. В частности, очень существенно наличие 40% дефолта. Это неизбежно трансформирует взаимоотношения власти и общества в годы гражданской войны. Его наличие следует учитывать при исследовании заготовительной политики антибольшевистских правительств. Мало просто знать, что государственные органы отчуждали часть ресурсов на условиях отсрочки платежа, которая с учетом инфляции была жестоким ударом по хозяйственному состоянию частного сектора экономики. Необходимо особенно тщательно изучить формы и методы работы государственных заготовительных органов, оказавшихся в ситуации безденежья. Особняком стоит задача исследования хозяйственной деятельности армии. Об этом много писали в общих чертах, рассуждая на уровне очевидного. Следует помнить, что формально государство пользовалось оплачиваемыми услугами и получало товары платно. Следовательно, особую важность приобретает анализ продекларированных и реальных отличий в деятельности советских и антибольшевистских органов власти. Изучая сферу торговли, промышленного производства и транспорта, нельзя не учитывать состояние взаимных неплатежей, их влияние на развал экономики.

Падение роли денежных налогов хотя не означало, что пресс государственных изъятий выражался только в серваже – объективно существующем налоге, взимаемом с предпринимателей и домашних хозяйств посредством эмиссии денег. Очевидно, что возросла роль натуральных повинностей. Но в силу гражданской войны они не раскладывались более или менее равномерно на хозяйства и документировались хуже, чем в дореволюционный период. До сих пор никто не попытался всерьез проанализировать эту нефинансовую часть налоговой политики государства. Эта задача выходит за рамки настоящего исследования, сосредоточенного на вопросах исключительно финансового характера. Но, игнорируя эту проблему в дальнейшем, историки никогда не смогут осуществить реконструкцию способов функционирования антибольшевистского аппарата в условиях распада денежной системы.

Для более глубокого понимания процессов, происходивших в финансовой сфере России в годы революции и гражданской войны, необходимо дальнейшее исследование, но уже в других территориальных и хронологических рамках. Во-первых, чрезвычайно важно предпринять аналогичный анализ состояния государственных финансов юга России, региона, равнозначного востоку по своему значению и не уступавшего ему по сложности и уникальности протекавших там процессов.

Во-вторых, приведенный в настоящей работе материал со всей очевидностью показал, что с приходом большевиков начался особый, не очень продолжительный этап в функционировании финансовой системы востока России. Советская власть и органы ДВР вынуждены были по своему решать проблему унификации денежного рынка, осуществлять изъятие из обращения отдельных денежных знаков, в том числе и сибирских. Естественно, эти реформы вызывали социальный резонанс, сравнимый с изученными в данной монографии реформами по изъятию «керенок» и местных денег. Не удивительно, что для советской исторической науки не существовало такой научной проблемы, как регулирование денежного рынка в советское время, но не может не вызвать удивления невнимание современных исследователей, историков и экономистов, к данной теме. Ею по-прежнему интересуются только любители-коллекционеры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Поступления прямых налогов в бюджет Временного Сибирского правительства и
Российского правительства адмирала А.В. Колчака (тыс. руб.)

Прямые налоги	1918 г.							
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		
Поземельный	77	230	780	1855	3067			3784
Промысловый	338	580	690	1096	1722			2146
Подходный	112	222	415	612	1887			2913
Прочие	397	554	1535	1876	1345			2257
Всего	925	1558	3421	5440	8022			11149
	1919 г.							
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август
Поземельный	1707	1238	1487	1873	3458	1575	1375	669
Промысловый	2788	2819	2868	3184	4855	3913	3234	2530
Подходный	1848	1390	2410	2463	3082	2348	1615	2158
Прочие	2428	6748	6731	8807	9058	7344	5785	8190
Всего	8764	12190	13493	16330	20455	15204	1210	13597

Источники: Правительственный вестник (Омск). 1919. 6, 7 февр.; Вестник министерства финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 8–9. С. 26; № 16. С. 21; № 18. С. 17; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 2, д. 8, л. 2, 3, 5, 8, 11, 35, 37. *Примечание:* В источниках встречаются цифры, отличающиеся от приводимых. Это объясняется отсутствием в них информации из отдаленных казенных палат, которая поступала с большим опозданием. Этим же объясняется небольшие разночтения между сведениями табл. I и II, устранить которые не представляется возможным.

Таблица II

Основные источники доходов Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака в сравнении с расходами (тыс. руб.)

Источники доходов и расход	1918 г.							
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		
Поземельный, промысловый и подоходный налоги	528	1035	1886	3565	6677	6886		
Пошлины	397	554	1535	1876	1346	4263		
Акцизы	1868	1454	2938	3860	7142	7276		
Железные дороги	18440	18836	19073	20384	23515	23158		
Винная монополия		1516	3108	6461	11086	21986		
Таможни	4165	4165	3899	12363	16622	11601		
Почта и телеграф	нет сведений							
Лесной доход	102	55	89	6437	3393	2563		
Сахарная монополия	–	–	–	–	–	–		
Итого	25500	27593	32528	36945	69781	77736		
Расход	144280	156580	122875	187878	335399	313900		
	1919 г.							
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь*	июль*	август*
Поземельный, промысловый и подоходный налоги	6336	5448	6762	16329	20455			
Пошлины	2428	6742						
Акцизы	10875	15557						
Железные дороги	27000	27000						
Винная монополия	26442	34361						
Таможни	11756	11662	14777	15568	20159			
Почта и телеграф	7573	8636	11493					
Лесной доход	1502	2664	3133					
Сахарная монополия	1726	1551	2977	4870	12340			
Итого	89407	97770	173381	100135	118622	94897	71173	83000
Расход	481336	525464	627353	1132285	1235448	1348010	1470679	1604510

Источники: Правительственный вестник. 1919. 6, 7 февр.; Вестник министерства финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 5. С. 21–22; № 6. С. 2; № 8–9. С. 26; № 13. С. 15; № 14. С. 2; № 15. С. 21; № 16. С. 21–22; № 17. С. 15–17; № 18. С. 16; № 20. С. 15; № 23. С. 9; № 25. С. 6; ГАРФ, ф. Р-197, оп. 2, д. 8, л. 2, 3, 5, 8, 11, 35, 37. *Примечание:* В таблицах приведены помесечные сведения о поступлении различных видов доходов в бюджет Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Информация о неналоговых поступлениях позволяет рельефнее увидеть роль тех или иных налогов в общей структуре доходов. К сожалению, информация о некоторых второстепенных видах налогов отсутствует. Отметим, что в источниках встречаются цифры, отличающиеся от приводимых. Это объясняется отсутствием в них данных из отдаленных казенных палат, поступавших с большим опозданием. Этим же объясняется небольшие разночтения между сведениями таблицы I и II, устранить которые не представляется возможным.

*Данные за июль–август 1918 г. являются результатом авторского экспертного анализа методом экстраполяции данных по налоговым сборам.

Таблица III

Помесячные доходы и расходы Временного сибирского правительства и Российского правительств в номинальных и сопоставимых ценах (тыс. руб.)

Показатели	1918 г.					
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Доходы в сопоставимых ценах	2040	2207	1951,6	1847,2	3489	3887
Расходы в сопоставимых ценах	11542	12526	7372,6	9393,9	16770	15695
Совокупные доходы в номинальных ценах	25500	53093	85621	122566	192347	270083
Совокупные расходы в номинальных ценах	144280	300860	423735	611613	947003	1260903
Совокупные доходы в ценах 1913 г.	2040	4247	6198,6	8045,8	115348	15421,8
Совокупные расходы в ценах 1913 г.	11542	24068	31440,6	40834,5	57640,5	73299,5
Коэффициент	0,08	0,08	0,06	0,05	0,05	0,05

Продолжение таблицы III

Показатели	1919 г.							
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь*	июль*	август*
Доходы в сопоставимых ценах	3576,3	3226,4	4854,7	1230,3	2609,7	1708		
Расходы в сопоставимых ценах	19253,4	17340	17565,9	26042,5	27179,8	24264,2		
совокупные доходы	359490	457260	630641	730776	849398	944295	1015468	1098468
совокупные расходы	1742239	2267703	2895056	4027341	5262789	6610799	8081478	9685988
Совокупные доходы в ценах 1913 г.	18998,1	22224,5	27079,2	28309,5	30919,2	32627,2		
Совокупные расходы в ценах 1913 г.	92552,8	109892,8	127458,7	153501,2	180681	204945,2		
Коэффициент	0,04	0,033	0,028	0,023	0,022	0,018		

Источники: Те же, что и к таблице II; сведения для подсчета коэффициента падения стоимости рубля: Дальний Восток (Владивосток). 1919. 23 авг. В данном источнике за начало отсчета взято 1 января 1915 г.

* Данные за июль–август 1919 г. являются результатом авторского экспертного анализа методом экстраполяции данных по налоговому сборам.

Т а б л и ц а I V

Дефляция приблизительного помесячного распределения доходов и расходов Российского правительства за вторую половину 1919 г. с применением золотого и валютного коэффициентов (тыс. руб.)

Показатели		июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1		2	3	4	5	6	7
Номинальные показатели	Доходы	71173	83000	100383	100383	100383	100383
	Расходы	1470679	1604510	2147102	4294203	4294203	3578504
	Совокупные доходы	1015468	1098468	1198851	1299334	1399617	1500000
	Совокупные расходы	8081478	9685988	11833090	161272929	20421496	24000000
Золотой коэффициент	Доходы	2135,2	1909	1405,3	903,4	602,3	451,7
	Расходы	44120	36903,7	30059,5	38647,8	25765,2	16553,3
	Совокупные доходы	34762,4	36671,4	38076,7	38980,1	39582,4	40034,1
	Совокупные расходы	249065,2	285968,9	316028,4	354676,2	380441,4	396994,7
	Коэффициент	0,03	0,023	0,014	0,009	0,006	0,0045

Продолжение таблицы IV

1		2	3	4	5	6	7
Валютный коэффициент	Доходы	1032	830	803	501	271	250
	Расходы	21325	16045	17176,8	21471	11594,3	8946,2
	Совокупные доходы	33659,2	34489,2	35292,2	35793,2	36064,2	36314,2
	Совокупные расходы	226270,2	242315,2	259429	280900	292494,3	3011440,5
	Коэффициент	0,0145	0,01	0,008	0,005	0,0027	0,0025

Источники: ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, д. 43, л. 144, 147–148; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока во время войны и революции. Харбин, 1924. С. 30, 252. *Примечание:* За сентябрь–декабрь обобщенные данные о доходах и расходах взяты из доклада министра финансов П.И. Бурышкина. При составлении таблицы номинальные доходы распределены автором по месяцам равномерно, а расходы – с учетом производимой эвакуации и сокращения территории в пропорции: на сентябрь – 15%, на октябрь и ноябрь – по 30%, на декабрь – 25%. Коэффициент сопоставимых цен для второй половины 1919 г. дополнен коэффициентом падения стоимости сибирских денег в обмен на золото и иены. За период лета 1919 г. они практически совпадают. Зато курс валютного обмена сибирских денег рисует совершенно иную динамику. На валютном рынке обвал сибирского рубля произошел уже в июле–августе 1919 г. Причем этот коэффициент ближе к рыночным ценам. Поэтому за второе полугодие отдельно продефлированы доходы и расходы правительства по валютному коэффициенту. Результаты этой дефляции представляются более объективными. Сведения о курсе сибирского рубля в пересчёте на золото за июль–декабрь 1919 г. взяты по читинской бирже (Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 252), а валютный курс просчитан как средний по Харбинской и Владивостокской биржам (Там же. С. 30).

Таблица V

Динамика поступления в обращение краткосрочных обязательств Временным сибирским и Российским правительствами в 1919 г. (руб.)

Местонахождение	3 апреля	1 мая	5 июня	10 июля	7 августа	1 сентября	2 октября	23 октября
В пути и в кассах	Нет данных	Нет данных	2595736	2574744	2984185	3687958	3687958	4074331
Выпущено в обращение	4176564	5122533	6524663	7716515	8614629	9565580	10929552	11898501

Источник: ГАРФ, ф. Р-143, оп. 1, д. 82, л. 3об.–4, 9об.–10, 19об.–20, 27об.–28, 33об.–34, 41об.–42, 53об.–54, 59об.–60.

Таблица VI

Сумма ссуд, выданных Особым совещанием по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение, при Министерстве финансов с 1 июня 1918 г. по 1 марта 1920 г. (тыс. руб.)

Получатели	Разрешено	Не выдано	Получено
Города и земства	119655	10750	108905
Частные железные дороги.	324683	19557	305126
Казачьи войска	158144	30000	127144
Предприятия и кооперация, частные банки и прочие организации	466046	145857	320188
Всего	1065529	206164	861365

Источник: ГАРФ, ф. Р-3816, оп. 1, д. 34, л. 29.

Таблица VII

Расходы «военного фонда» с июня 1918 по декабрь 1919 г. (млн руб.)

	1918 г.	1919 г.							
	июнь–декабрь	январь–февраль*	март	апрель	май	июнь	июль	июль–октябрь	ноябрь–декабрь
Расходы военного фонда	421	300*	400	800	400	2000	350	–	–
Расходы военного фонда по данным П.А. Бурьшкина	674	1325			3369			3382	2347
Общие расходы правительства	1261	1007	627	1132	1235	1348	1470	–	–

Источники: ГАРФ, ф. Р-190, оп. 2, л. 43, л. 148; Правительственный вестник. 1919. 3 янв., 2 авг., 13 сент.

*Январь 1919 г.

Таблица VIII

Местные денежные знаки, находившиеся в обращении на территории
Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1918—1919 гг.

1	2	2	4	5	6
1.	Приморская и Сахалинская обл.	приморские	кредитные билеты	3000000 [*] / ^{***} 2000000 ^{**}	–
2.			акцентированные чеки	1500000 [*] / ^{***} 2500000 ^{**}	–
3.			облигации военного займа и займа свободы	2189500 ^{**} / ^{***}	–
4.	Забайкальская обл.	читинские	сибирские кредитные билеты	24274000 ^{**} 20350000 [*] / ^{***}	АС от 17 октября 1918 г.
5.			гербовые марки	413000 ^{**} / 443000 ^{***}	–
6.			государственные процентные бумаги различных выпусков	3932910 ^{**} 3481000 [*] 912460 ^{***}	–
7.			марки почтовые, контрольные и марки сберегательных касс	3481000 ^{***}	–
8.	Территория не указана	верхнеудинские	досрочные купоны облигаций займов	5 939 978 [*] 6071892 ^{***}	–
9.			кредитные билеты	408000 ^{**}	–
10.	Амурская обл.	амурские	городские разменные билеты	685 000 [*] 1021630 ^{**} 3078800 ^{***}	–
11.			советские боны («мухинки»)	87174350 [*] 2539200 ^{**} 68636750 ^{***}	АС от 17 октября 1918 г.

1	2	3	4	5	6
12.			советские боны (Боны краесовета)	5255000 [*]	–
13.			амурские разменные билеты	около 18000000 ^{*/**} 18365200 ^{***}	АС от 17 октября 1918 г.
14.	Хабаровский район	хабаровские	краснощековские боны	11396500 ^{**} 11396575 ^{*/***}	АС от 17 октября 1918 г.
15.			акцептированные чеки	2359400 ^{*/**}	–
16.	Уфимская, Оренбургская и Самарская губ.	уфимские	краткосрочные обязательства	70 000 000 ^{*/**}	СМ от 20 дек. 1918 г.
17.	Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская и Тобольская губ..	уральские	советские боны	нет сведений ^{**}	СМ от 25 февр. 1919 г.
18.			боны Екатеринбургского отделения госбанка	1500000 ^{*/**}	СМ от 25 февр. 1919 г.
19.	Оренбургская губ.	оренбургские	боны	16300000 ^{**}	СМ от 13 февраля 1919 г.
20.	Территория Комуч	самарские	облигации военных займов и займов свободы	203950940 ^{**}	АС от 23 сент., СМ от 10 дек. 1918 г.
21.	Томск	томские	акцептированные чеки	31400000 ^{*/**}	–
22.	Прикамье	ижевские и воткинские	облигации военных займов со знаками заводов	нет сведений [*]	–
23.	Туркестан	туркестанские		2230,5 [*]	–
24.	Семиреченская обл.	семиреченские		455000 ^{**}	–
25.	АО кузнецких каменноугольных копей	кузнецкие	платежные ордера	нет сведений [*] 950000 ^{****}	–
26.	Красноярск	красноярские	разменные чеки	550 000 [*]	–
27.	Полоса отчуждения КВЖД	харбинские	боны	20000000 ^{***}	–

Источники: *ГАРФ, ф. Р-198, оп. 6, д. 2, л. 49–55об.; там же, д. 3, л. 113;

**Приамурье (Благовещенск). 1919. 3 янв.; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 2–3;

***Погребецкий А.И. Денежное обращение... С. 151, 154, 178, 179, 205, 206, 248, 323;

****ГАКО, ф. Д-13, оп. 1, д. 43, л. 16.

Список сокращений

АС	— Административный совет Временного сибирского правительства
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКО	— Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГАТ	— Государственный архив г. Тобольска
ГАТО	— Государственный архив Томской области
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
Комуч	— Комитет членов Учредительного собрания
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РГВА	— Российский государственный военно-исторический архив
САСШ	— Северо-Американские Соединенные Штаты
СМ	— Совет министров Российского правительства
ЦХАФАК	— Центр хранения Архивного фонда Алтайского края
ЦХДНИИО	— Центр хранения документации новейшей истории Иркутской области
ЦХДНИКК	— Центр хранения документов новейшей истории Красноярского края

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Гражданская война на востоке России.....	11
Глава 2. В тисках бюджетного дефицита.....	27
Глава 3. Налоговая политика.....	65
Глава 4. Денежная эмиссия: проблемы регулирования и обеспечения	104
Глава 5. Изъятие из обращения «керенок».....	143
Глава 6. Унификация денежного рынка: планы и реалии.....	168
Заключение.....	197
Приложение.....	202
Список сокращений.....	210

Научное издание

Рынков Вадим Маркович

**Финансовая политика антибольшевистских правительств
востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.)**

Отв. редактор
д-р ист. наук *В.А. Ильиных*

Монография издана в авторской редакции

На обложке использован символ сайта <http://www.bonistikaweb.ru>

Оригинал-макет Е.П. Лунегова

Подписано в печать 10.01.2006 г. Формат 60x84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 13,5. Усл. п.л. 13,2. Тираж 300 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2